

*Фома сказал Ему: Господи! не знаем, куда идешь;
и как можем знать путь?*

I. Отсюда

Вечерняя электричка тянулась на север, разбрасывая по сумеречным полустанкам последние горстки пассажиров. Вагон почти опустел, и Рыжий перебрался на угловое сидение у тамбура. Глядеть в окно надоело, дремать тоже, но он все равно прикрывал глаза, чтобы не встречаться взглядом с мужичком в кургузом пиджачке. Тот сидел через ряд у самого прохода, и всякий раз, размыкая веки, Рыжий натыкался на его взгляд. Лицо мужичка было засаленное, в трехдневной щетине, глазки блестели, будто он только что проснулся и готов улыбнуться и услышать что-нибудь приятное. Общаться охоты не было, и Рыжий опять зажмурился.

Все же он задремал, и вдруг открыл глаза: на него смотрел не мужичок. Невысокий кудлатый паренек задержался в проходе и, повернув голову по-птичьи, разглядывал Рыжего с птичьим же интересом. Следом и обступая паренька, из дверей тамбура наталкивались еще и еще; натолкалось человек восемь.

Кудлатый приподнял ладонь, как бы решая, погладить Рыжего по лицу или ударить. Ударил. Подождал.

– Я думал, рыжие злые. – Погладил.

От своры отделились двое.

– Встань-ка...

В пах уткнулось острие сапожного шила, да Рыжий и не дергался. На сиденье вытряхнули пакет с колбасой и минералкой, забрали часы,

зашарили в карманах ветровки: мобильник, складной нож, несколько мятых купюр – кудлатый глянул вскользь, опять уставился на Рыжего. Чем-то тот его зацепил.

– Думаешь, все?

– Все... – промямлил Рыжий.

– Не ври, не ври, – паренек заулыбался, приглашал поиграть. – Все – это когда ничего не осталось. Совсем ничего.

– Ну вот же – все...

– Это – тьфу, это барахло у всех есть. А что-нибудь, что только у тебя?

В дальнем конце вагона хлопнули двери тамбура.

– Леха маякует, – сказал кто-то из своры.

– Вот отгадай загадку, – кудлатый наставил палец в глаз Рыжему, в его улыбке светилась тихая детская хитрость. – У каждого есть то, чего у других нет ни у кого, да. Забрать это можно, а попользоваться...

– Леха маякует, – повторил кто-то. Свора нетерпеливо топталась.

Кудлатый оглянулся. Рыжий смотрел на его палец.

– Ладно, пошли... А ты думай пока.

Они двинулись в следующий вагон.

– Посиди, – подал голос засаленный мужичок, когда двери за ними захлопнулись. – Посиди хоть, что ли... – Будто приглашал соседа поскучать на скамейке.

Рыжий сел.

– За грибами едешь?

– Ага...

– И чего теперь?

Рыжий молчал, пытался соображать.

Мужичок покивал с пониманием.

– Не повезло... Ладно еще отвлекли Копчика, там дела поинтересней, видать.

– Дела?

– Может, девок углядели, – пожал плечами мужичок. – Может, ловят кого. Они тут часто шарят. Перегон-то длинный, вот и не спешат, тебя на потом оставили. А так бы...

– Что – так бы?

– А хрен его знает, чего ему взбредет. Копчик просто так не отвяжется – раз уж глаз положил...

– Да чего я им еще-то? – затосковал Рыжий. – Все же забрали...

– Сторонний ты, они ж видят. И рыжий уж очень. А Копчик такой, ему только привязаться. И этот, с шилом, – тот еще ухарь.

Пожилая тетка с двумя сумками, сидевшая в середине салона, поднялась с места, проколыхалась мимо них на выход.

– Станция? – встрепенулся Рыжий.

– Не, долго еще.

– А она куда?

– В другой вагон. В свидетели – кому охота?

– В свидетели?

– Ну да, – вздохнул мужичок. – Ходи потом, оглядывайся.

Еще двое поднялись и вышли в тамбур, глядя перед собой, крутя в пальцах сигареты. Ухнула межвагонная дверь. Последний пассажир спал, привалившись к стеклу, виднелся один затылок. Рыжего поразило, как пусто и холодно в освещенном вагоне. Мужичок тоже оглянулся, словно спохватившись.

– Тоже покурить, что ли...

– Постой, – вскочил Рыжий. – Менты тут есть? Должны же?

– Когда есть – этих нет. И наоборот. – Мужичок помолчал. – Можно, конечно, машинисту по связи – чтоб на станцию передал, да толку-то? Перегон длинный – пока доедешь, и заявителя не найдешь.

– В смысле?

– Один заявил, да, пока ехали, на ходу спрыгнул. Так и не нашли.

– На ходу? А как он двери-то открыл?

– Может, со страху, в горячке чего не сотворишь. А может, помогли. – Мужичок подумал. – Или через резину вышел. Ну, ладно...

– погоди, погоди, – уцепился Рыжий. – Это как – через резину?

– Между вагонами гармошка резиновая, раздвинул – и выходи. Стоп-кран только...

Мужичок уже вставал, нашаривая сигареты, но перехватил взгляд Рыжего – тот смотрел ему за спину в дальний конец вагона, на раздвигающиеся двери. Не договорив, сел, отвернулся к окну.

Рыжий не помнил, как оказался в тамбуре, в лязгающем переходе. В ушах сдавило, как под водой. Уже выдираясь из тесной резиновой щели, подумал, что надо было дернуть стоп-кран. Но эту мысль тут же выдуло из головы. Гул и ветер облепили его, он прыгнул и полетел, молясь, чтобы не врезаться во встречный столб.

В тот момент он пережил нечто постороннее, похожее на воспоминание. Словно уже летел так однажды, двадцать лет назад, не в этой жизни, не в жизни вообще. Жизнь наступила потом, когда он прилетел, родился. И вот сейчас летит опять – будто, выпав из электрички, ее резинового лона, выпал из мира, из собственного существования и не обрел другого, не коснулся земли. Это была не мысль и не чувство, да и само переживание было как будто не его (он просто летел во мгле и гуле и боялся разбиться). Словно кто-то чиркнул впотьмах зажигалкой, тьма отпрянула и тут же сомкнулась, не занялся огонек. И лишь тающие искры на сетчатке, томление памяти...

Он приземлился под насыпью, ноги включились сами, еще в воздухе, пытаясь бежать, вломился в густой орешник, зажмурился, спасая глаза, повалился в жестких стволах. Сознание как будто пригасло; в этом пригашенном состоянии выбрался из орешника на мглистый просвет.

Ночь была не такой непроглядной, как из окна электрички, он различил насыпь (далеко же он прыгнул) и рельсы на ней. Рельсы не гудели. А должны гудеть? Рыжий взгляделся вдоль полотна, ища огни уходящего поезда. Их не было, нигде ни искры, только чахлый месяц да крупницы звезд над черной каймой леса куда ни глянь.

Тишина свалилась на него, давила, уменьшая в размерах. Он двинулся вслед поезду, спохватился – там те, от кого он едва спасся. Побрел в обратную сторону. Болело в правой лодыжке: похоже, приземлился не совсем удачно. Еще как удачно, сказал он себе, – не врезался в какую-нибудь опору, не разбился, не поломался, спасибо орешнику... Подумал – и разом засадили ободранные руки, заныли ушибы в плече и в боку: стволы кустарника хоть и спружинили, но и прошлись по телу живыми палками, наверняка под одеждой будут сплошные синяки. Ладно, зарастет, нога вот только...

Все не мог приноровиться идти по шпалам, частил шаги. Попробовал шагать через одну – охнул, присел, схватился за рельс. В лодыжке дергало, будто через нее протаскивали раскаленную проволоку. Переждал, дыша сквозь зубы. Вот уже полегче, полегче, еще немножко посидеть... Нет, надо идти, а то потом не встанешь.

Стиснув зубы, поднялся, ступил... терпимо, терпимо. Отряхнул ладонь от ржавчины. Откуда ржавчина – рельсы же вроде не ржавеют? Или сверху не ржавеют, под колесами? Так сверху же и опирался, когда вставал... непонятно. В темноте не разглядишь, а на ощупь как будто ржавчина. Да какая тебе разница, шагай давай – ночевать тут собрался?

Теперь он двигался по краю полотна, левой ногой ступая по концам шпал, зато правой – по ровному щебню. Главное, не заступать за бровку, на скат насыпи – там ступня норовила подвернуться, и он шипел от боли.

Он старался выдерживать направление, строго параллельно рельсам. Жаль, рельсы не блестели – луна висела у него за плечом, а не светила навстречу. Рыжий оглянулся: позади рельсы тоже не блестели. Луна слабая, рельсы ржавые... Как же они ржавые, если по ним ходят поезда? Хотел еще раз потрогать рельс... не стал наклоняться, тревожить больную ногу. И себя пустыми мыслями. Надо идти.

Он впервые задумался – куда? Перегон тут длинный, сказал тот засаленный мужичок. Сколько он пробредет до ближайшей станции с такой ногой? А ему и не обязательно до станции – до какой-нибудь деревушки, до жилья, до будки обходчика или переезда, где ходят машины, – в общем, до людей.

Он шел, хромая, по хрусткому щебню и старался не думать, что это хрустит в лодыжке. С болью уже как бы свыкся, но этот хруст... И сойти с насыпи нельзя: споткнешься в потемках на первой же кочке и не встанешь.

Он шел, и вокруг ничего не менялось. По обе стороны насыпи тянулись островки кустарника, за ними – стена леса. Шел, зажатый этими стенами, как в ущелье, и от невозможности свернуть подступало чувство, что идет не туда. Идет не по своей воле, куда ему не надо. Куда *не* ему надо, чтобы он шел.

Ничего, куда-нибудь придет, а там уж... Он притерпелся и к боли, и к хромоте, и к тишине ночи, и к комарам: отъединился, ехал в своем укромном теле; тело шло, и он в нем – пассажир в поезде...

из одного поезда тебя уже вытряхнули. смотри, как бы и из этого

Несуразная мысль. Кто его вытряхнет – никого вокруг.

Слишком уж никого...

ты затем и ехал, чтобы никого не видеть, отдохнуть от всех, вот и получил – как всегда

Он остановился: какой-то звук просочился сквозь похрустывание щебня под ногами. Замер. Ждал, не повторится ли.

Ныли комары – может, это? Что он мог услышать – машину, голос, гудок локомотива? Не получалось определить, слишком слабым или далеким был звук.

Какая-нибудь птица, филин, еще кто-нибудь... не люди, подумал Рыжий и поймал себя на странном чувстве – будто пытался себя успокоить. Будто не к людям шел, терзая больную ногу, не от них ждал помощи, не хотел их встретить. Или вправду не хотел – здесь, в глуши?

В лесу бойся человека, говаривал дед. Тот был охотник, последний в роду, ни зятю его, ни внуку эта страсть не передалась, дедом и кончилась. А тут – гены, что ли, проснулись?

Он все стоял на насыпи, не решаясь шагнуть, хрустнуть щебенкой. Чувствовал, как жар тела растворяется в ночной прохладе. Подумалось: а если сейчас вот так же – слушают его? Может, сойти с насыпи, тут его легче заметить... А дальше что – затаиться в кустах? Шиза какая-то.

Двинулся с места, в ногу плеснулась боль, но он был готов: ничего, разойдется. Старался слушать, не пропустить, если опять... Чертова щебенка, хрустит на всю округу.

Сперва останавливался, вслушивался, потом перестал – далеко уже ушел, не крадутся же за ним по кустам. Переключился на поврежденную ногу, та болела, всхлипывала при каждом шаге... но терпимо, терпимо – если вот так полегоньку, в полтяжести (и ступней чуть внутрь, носком наружу), не останавливаясь... Замер.

На этот раз он застал звук. Далекий, похожий на завывание двигателя, будто где-то по лесным ухабам ползла машина. Оборвался.

Кто может разезжать по лесу ночью? Охотники, рыбаки? Браконьеры? (Все охотники браконьеры, говаривал дед.) Завалили какого-нибудь лося, ослепив фарами, загрузились мешками с мясом... обрадуются они ему? А может, вообще бандиты с трупом.

Так уж и бандиты, посмеялся над собой Рыжий. Не слишком уверенно. Здесь, в чаще, в давящей ночной глухоте и после того, что произошло с ним самим, предположение не казалось совсем уж невероятным. Мало того, следом выскочило еще худшее: Копчик со своей сворой. Вышли на ближней станции, сели на машину и теперь ищут его. (*Копчик просто так не отвяжется*, сказал мужичонка в вагоне.)

Да ладно, дался ты им... И потом, машине нужна дорога, ничего похожего ему пока не попадалось (если только не проглядел в темноте). В любом случае машина где-то далеко, а уж вблизи он ее сразу услышит.

Двинулся опять, с остановками на прослушку. Лес молчал: ни птицы, ни шороха. Подумалось: странно, сколько он идет – и ни одного поезда. А может, и не странно, он что, расписание составлял? Да и сколько он идет, не знал, оставшись без часов и мобильного. Казалось – долго...

Остановился отлить. Справа от насыпи деревья как будто расступались, между ними угадывался прогал. Может, просека, подумал Рыжий. Или какой-нибудь заброшенный лесной проселок.

И услышал голос.

На этот раз был уверен, что не почудилось. Голос был отдаленный, неразборчивый, но определенно человеческий. Как будто восклицание, даже показалось – веселое восклицание... или короткий смешок. Ответного смеха он не уловил, может, ответили вполголоса. Звук повторился – тот же, веселый, но уже потише. Как бывает, когда кто-то не может расстаться с удачной шуткой и повторяет, досмеивается.

Рыжий подумал про костер. Ночь была не холодная, но огонь – это не только тепло. Он ощутил, как давит на него темнота, как он устал быть один, как просто устал, как болит нога.

Сколько еще брести по этому полотну? А если нога не выдержит, и он свалится здесь, под насыпью, и будет лежать, а над ним будут проходить поезда, мелькая яркими окнами и опять оставляя его в темноте. А там сидят у костра, шутят, недалеко, можно дойти. И с чего он взял, что это бандиты? В том голосе не было ничего угрожающего – кто-то смеялся и все. Ни пьяного галдежа, ни дурных выкриков. Он подберется поближе и послушает, поглядит. Его не заметят. В случае чего можно и вернуться.

Он сошел с насыпи и стал пробираться между кустами. Ощутил под ногами что-то вроде заросшей колеи. По ней и побрел, то и дело путаясь в траве, угадывая стерегущие выбоины, страшась оступиться. Лес сомкнулся, оставив над головой рваную тропинку неба. Она как бы тоже его вела – сверху. Прерывалась, пропадала за кронами – но вела.

Временами угадывались голоса, тихие, как дыхание. И хорошо, что тихие – нормальным людям зачем орать. Пошутили и беседуют ни о чем, коротают ночь. Грибники, наверное. Он вот тоже так думал: приехать на ночь, костерок в лесу; а на рассвете собирать – *милое дело*...

Сам он не грибник, но слышал от отчима, тот как-то звал (налаживал отношения): мол, ночь у костерка, душевное общение (не всухую, с намеком), а со светом – милое дело, и гриб, мол, крепче и душистее, и шляпки виднее, пока солнце не бликует. Рыжий, понятно, не клюнул. Бодаться с отчимом он давно перестал и от матпомощи не отказывался (своей-то зарплаты только на съемную комнату и хватило бы), однако сам ничего не просил и сближения избегал. Словом, нашел нужную дистанцию, на ней и держался. А насчет грибов как-то вспомнил, несколько дней носил в себе эту мысль, выращивал, взял да и подорвался – вдруг, один. А с кем ему? кто ему нужен? Он – кому? Мышка, сестра, не в счет: мелка еще, ей в лесу неинтересно, да с ним и не отпустят. Да ему и самому хотелось в одиночку, тут чудился привкус приключения. Не авантюры, нет, он не стремился себя испытать, не искал экстрима. Но что-то в этом (костер, ночь, рассвет в лесу, и – один...) веяло свежестью, гладило по душе. Может, просто хотел оказаться один по-настоящему. Собственно, он и так был один, так себя чувствовал – в съемной ли своей комнатенке, куда спрятался от всех, сбегав из института в академический отпуск, и куда нет-нет да и сунется глухая хозяйка, в офисном ли улье, где верстал унылую городскую газету с ее унылыми приложениями от девяти утра до шести вечера (иногда позже – срочно в номер! из подкомитета городской думы!), на неизбежном унылом междусобойчике после работы, да просто на городской улице... Словно ты переходишь от вывески к вывеске, и под каждой какие-то люди, и тебя кликают, чего-то от тебя ждут: что ты что-то сделаешь, купишь, скажешь впопад, выразишь лояльность, попадешь в такт. И он делал, покупал, говорил и выказывал, не противясь, не протестуя, и все равно оставался один. Словно того, что он делал, говорил и выказывал, было недостаточно – чтобы стать своим, одним из. И люди это чувствовали, и он чувствовал. Может, потому и запала и привилась эта мысль – поехать в лес. Где нет вывесок и людей под ними. Где от него не ждут, а он не пытается. Просто сам – и никого. Где еще, как не в лесу? И поехал по грибы.

И вот приехал.

– Слышишь? – донесся голос. Тихий, приглушенный чащей, но вполне отчетливый. Ответа не было, вслушивались.

Рыжий замер, как пойманный, так внезапно получилось. До сих пор была тишина, только шорох его ковылянья да нытье комаров. В лесу комаров стало больше – сейчас уже не ныли, завывали, будто хотели выдать его. Он думал, что еще далеко, что загодя увидит костер. Лишь сейчас различил разжижение тьмы впереди.

Там, за лежащий поперек дороги сосенкой (теперь различал и ее; еще немного – и споткнулся бы, *загрел*), на левой стороне прогала деревья проступали четче, подкрашенные бликами от костра – похоже, слабого, догорающего. Самого костра он не видел, тот был заглублен в лес, с правой стороны. Но фигуру, выходящую из чащи, различил хорошо. И успел, сдвинулся вбок, под деревья.

– Эй, кто тут? – Человек стоял на дороге спиной к Рыжему и светил фонарем в противоположную сторону, правую руку была в кармане куртки.

– Да еж какой-нибудь, – воркнули от костра. – Или енот...

Человек с фонарем повернулся и посветил в сторону Рыжего. Луч не достал, запнулся о лежащее дерево.

– Айда к нам! – весело позвал первый. Вынул руку из кармана, опустил, пустую, неловко, словно не знал, как пристроить. – Давай не менжуйся, а то закусь стынет... и к закуси есть! – Подождал, послушал.

– Да хорош батарейку жечь! Говорю, енот, пожрать унюхал.

– Ну и ладно. – Первый погасил фонарь, вернулся к костру.

Рыжий тоже унюхал: запах горячей тушенки. Он застыл в неудобной позе и не знал, как поступить. Его услышали. Если двинется, услышат опять, начнут искать, убежать он не сможет. Сколько он так продержится в неподвижности (боялся даже присесть – лодыжка)? Может, не прятаться, выйти? Теперь, когда сразу не отозвался, будет выглядеть подозрительно... Нет, тут другое, что-то еще... Запах тушенки лез в нос, в горло, мешал соображать (сейчас они едят эту тушенку). Они и его звали (на тушенку), человек с фонарем, – голос веселый, дружеский, ничего угрожающего. Похоже, даже чуть стеснялся (обращался к лесу, где, может, и нет никого), и руку висела неловко... Он словно показывал, что рука пустая. Что в ней нет... оружия?

Человеку без оружия придет в голову показывать, что он без оружия? Если пришло, значит... Перед тем как показать пустую руку, он держал ее в кармане.

Уходить! Немедленно, скорее... Тише!..

Но Рыжий уже ступил, зацепил какую-то ветку.

– Слышал? – спросил за толщей чащи первый, с фонарем – Рыжий узнал голос. – Еноты так не шуршат...

В ответ молчали. Вслушивались. Рыжий замер, боялся дышать. Боялся, что нога не выдержит.

В просветах листвы скользнули искринки света: первый опять зашарил фонарем. Он Рыжий не думал, что они так близко. Теперь, казалось, слышит их дыхание.

– Шуршат, – ответил после паузы второй голос. – И по деревьям лезят. И банки катают.

– Какие еще банки?

– Такие. – Легонько звякнуло. Жестяная банка, сообразил Рыжий, из-под тушенки. Пустая, отброшенная ногой. – Лижут и катают. Так что ты, это, не шамальни спросонок-то.

Молчание.

– Не нравится мне тут, – сказал наконец первый.

– Тебе нигде не нравится. Чего бы под крышей не заночевать.

– Да говорю же, не могу я этих брошенных халупах... Как в гробу спать. Думал в лесу – укромней как-то.

– Ну вот и спи, раз укромней.

– Да хрен тут уснешь. Еноты эти твои... комары... И дым им по хрену! Рыжий боялся упасть. И переменить позу боялся.

– Во, опять... Еноты?

Как они услышали? Он не шелохнулся, не думал даже. Может, правда, енот?

Второй опять возник на дороге. Он светил в сторону Рыжего, руки не разглядеть. Глаз фонаря придвинулся. Рыжий, сжав зубы, медленно отшагнул, сдвинулся в чащу.

– Смотри там... на медведя не наскочи, – донеслось от костра.

– Не бренчи!.. – Фонарь остановился. – Какие еще медведи?

– А хрен их знает. Лес и лес.

– Ты нарочно, да? – Луч качнулся, отступил за деревья. – На нервах играешь?

– Да сиди себе спокойно. Он к огню не полезет, понюхает издали... Ты доел, что ли?

– Нет, тебе оставил! – Звякнула о землю вторая банка. – Задолбали твои посмехушечки!

– Ладно, не дергайся.

– Сам не дергайся. «Медведь, медведь...» А если не медведь?

– Ну, может, лось. Гляди, за лосиху примет. Они в это время бешеные.

– Довести меня хочешь?

– Молчу, молчу. Спать лучше пойду.

Лязгнула дверца машины, скрипнула откиннутая спинка сиденья.

– Спать он собрался, – клокотнул первый. – А я, значит, так и сиди один до утра?

– Кто ж заставляет, и ты ложись. Да спрячь дуру-то, медведю она – только насмешить.

– Ничего, пусть смеется. Сам же сказал, он на огонь не полезет. Зато если не медведь... поглядим, кто посмеется.

– Много ты здесь людей видел. Три дня ездим, сколько бензина сожгли, а всей добычи полмешка картошки. Вернемся – еще и за тушенку вычтут... Тут днем-то никого не увидишь, а уж ночью, да в лесу...

– Может, тут в лесу и сидят.

– Может, и сидят. Только я думаю, тогда давно бы прямо из лесу нас и шарахнули, на свету-то. Тут уж стереги, не стереги...

– Было бы чем шарахнуть.

– А думаешь, нечем? Ладно, сплю я... Закроюсь-ка, от комаров.

Минуту было тихо.

– Накрутил меня, а сам дрыхнуть? А я тут маячь, да? Все, вставай, поехали!

– Куда поехали?

– А мне один хрен! От твоих медведей... с енотами. Хоть в поле, и то лучше. Там хоть чего-то видно.

– Сдурел? Чего там разглядишь?

– Говорил я тебе – не играй на нервах! Говорил?

– Да шутил я, шутил!

– Вот там пошutiшь. Поехали. Или я один, точно говорю!

– Тьфу!

У костра завозились, заныл двигатель. В гущу деревьев уперлись лучи фар, нашаривая проход. На проселок выбралась дребезжащая легковушка, переваливаясь на ухабах, поползла в темноту.

Рыжий осел, завалился набок.

Лежать было легко.

Звук машины растворился темноте, Рыжий все вслушивался, ощущая угасающий запах тушенки, тлеющих головешек. Он слегка подзяб, в лесу как будто посвежело. Он бы еще подождал (вдруг хитрость, вернуться?), но сколько ждать? Поднялся с трудом, с болью. Выбрался на проселок, обогнул упавшее дерево. Из чащи просквозил зрачок догорающего огня. Крадучись и припадая на большую ногу, Рыжий приблизился. Сразу углядел жестяные банки, две, закопченные, их грели на костре. Больно нагнувшись, поднял одну. Внутри была запахана хлебная корка, ею выбирали остатки жира. Он бросил банку, потом опять поднял. Вытащил раскисшую корку и съел, стряхнув с нее какого-то жучка. Вторая банка была выскребена начисто. Пошарил еще вокруг: только пара окурков.

Он устал идти, устал стоять. Хотел есть, хотел пить. Остаться у костра казалось опасным (если все же вернуться... он боялся этих людей). Забраться в чащу? Вспомнил про медведей. И про звук, который им почудился, (*не его* звук – он знал точно).

Рыжий привалился спиной к комлю сосны, хвойная подстилка между корней была уже примята чужим задом; смотрел, как гаснут угли, как блики отползают от его ног. У костра валялся заготовленный на ночь сушняк, но он не поднялся и не подбросил в огонь. Боль в ноге пульсировала и стихала, он слушал тьму за спиной и стерег звук крадущейся обратно машины, и думал, что утром вернется к железной дороге и добредет до станции, при свете, при ярком солнце... и мысли тоже стихали, гасли, как угли костра.

У Рыжего шарили за пазухой, грубо, не таясь. Вытряхнули руку из кармана (во сне он озяб, скукожился), вторую.

– Ну, ну, не придурай. Вижу, что проснулся. – Грабитель был крупный – настолько, что нож в его руке выглядел необязательным. Один, и машины вблизи не видно. Похоже, не из тех... – Ты кто?

– Человек! – сорвалось с языка: опять его обыскивают, опять под ножом. Прозвучало жалко, по-детски.

– Еще вопрос, человек ли. Откуда взялся?

– С электрички...

– Во как. Прямо на электричке, значит, сюда и заехал... – Грабитель пожевал губами, сидя на корточках. – А дружки где?

– Какие дружки?

– Дурочку не валяй. – Сопя, распрямил тело, возвысился – темный мужичище в рассветном лесу, сам как дерево. В отросшей щетине на впалых щеках, с тощим рюкзаком за спиной.

Рыжий принялся объяснять, что был один, ехал за грибами, что ограбили, – вышло какое-то нытье. Замолчал.

– Ограбили, значит. – Пустые карманы Рыжего вроде бы подтверждали версию. – Ну, ну... Так и где они?

– Кто?

– Дружки твои. Которые ограбили, – мужичище катнул ногой пустую жестянку. – С которыми тушенку не поделили.

– Да не знаю я их, не видел, темно же... они на машине были. А я с электрички... На станцию шел.

Мужик пожевал губами, словно не мог понять – смеется над ним Рыжий или просто дурачок.

– Ладно, пошли.

– Куда, на станцию?

– На станцию, – повел ножом.

Рыжий почти встал – и завалился, шипя сквозь зубы.

– Ты чего это?

– Нога... подвернул, видно...

– Сильно болит? – посочувствовал мужик, наклоняясь. – Покажи-ка... тут, что ли? – хватанул за лодыжку. Рыжий взвыл. Мужик отдернул руку.

– Ну, ну... – Вид у него был озадаченный, чуть ли не виноватый. – Ничего, разойдется потихоньку...

– Не могу я идти! Не видишь, не могу?

– Подохнешь в лесу, – мужик пожевал губами. – Или, – насторожился опять, – дружков ждешь? Заедут за тобой?

– Да какие дружки?! – заорал Рыжий, плеснув бессилием, болью, отчаянием. – Один я, один! На электричке ехал, чуть не убили меня, прыгнул!.. Что тут непонятного-то?

– А то. – Мужик качнул головой, будто устал слушать вранье. – Не ходят электрички. Давно уже не ходят.

– Как это не ходят? По ночам, в смысле, не ходят? Так я – на вечерней, на последней...

– Совсем не ходят. Ни днем ни ночью. Ни летом ни зимой.

– Да как это? А я на чем...

Мужик молчал, в глазах скользнула скупая жалость.

Сумасшедший, догадался Рыжий. И принимает за сумасшедшего его.

Один, в лесу – против психа с ножом. И не убежать.

– Пошли, – сказал мужик, затыкая нож под куртку. Лучше было его не злить.

Рыжий сумел подняться, устоял, держась за сосну. Ступить он боялся.

– Надо, надо. – Мужик взял его локоть, не вырваться. – Ничего, потихоньку... – И сперва вприпрыжку, затем припадая на больную ногу, то на пятку, то на носок, Рыжий поволокся за психом. Тот вел за локоть, как на поводке, но не подгонял, через поваленное дерево перевел, подпирая. Они идут к железной дороге, подумал Рыжий, может, правда на станцию?

Вышли к путям. Рыжий повис в руке конвоира, сел на насыпь.

– Не могу, погоди...

Тот подумал, отпустил.

– Недолго только. А то сильнее разболится.

Рыжий уловил сочувствие в его голос, попытался закрепить контакт.

– Ничего, потерплю... По насыпи полегче будет, не то что по лесу ковылять.

– Лесом и пойдем.

– Почему лесом – мы же на станцию идем? Лесом ближе, что ли?

Мужик пожевал губами.

– Ладно, посидели...

– Да постой, куда? Мне на электричку надо!

– Не ходят электрички, – усмехнулся терпеливо, как малому ребенку. – Ты на рельсы глянь.

Солнце уже взошло, пробивало верхушки деревьев, плескало по насыпи. Рельсы, бурые, чужие в этих лужах веселого света, тянулись, ползли куда-то по выветренным костям шпал. Пропадали в проросшей сквозь щебень траве.

Рыжий тронул, ощутил налет окиси, влажный от росы. Его охватил страх, уже не перед этим мужиком – перед тем, что крылось за его словами.

– Как это? – пробормотал угасшим голосом. – Где ж они ходят?..

– Нигде. Чего им ходить? Отходили, хватит. – Мужик кивнул вдаль, на опоры контактной сети: некоторые покосились, провисшие провода местами оборвались и перехлестнулись. Скривился: – Наплодили красоты... А земля, значит, лечи. Она-то залечит, ей не впервой... не мешали б только.

– Так тут – совсем ничего? – цеплялся за непонимание Рыжий. – Ни электричек, ни поездов? Люди же добираются как-то?

– На дрезинах забирались пару раз. Пришлось рельсы поворошить от греха. А так – добрым людям зачем ездить? На машинах вот еще... тоже добора не жди. Скорей бы уж бензин кончился, находят же где-то.

– Но автобус-то ходит какой-нибудь? Рейсовый?

– Ты еще про самолет спроси! – фыркнул мужик. – Про интернет с телевизором!

– При чем тут интернет? – взвился Рыжий. – Мне домой надо!..

– Тихо! – мужик стиснул ему локоть. Оглянулся, пригасил голос. – Все, пошли.

Они перебрались через насыпь и опять углубились в лес, то обходя густые заросли, то продираясь между ветвями. Рыжий все безнадежнее тормозил, не отставал от своего водителя лишь потому, что тот почти уже волок его, не давая упасть. Выбрались на заброшенную тропу, не то на заросший проселок, и Рыжий сел опять. – Не могу!..

Мужик, поколебавшись, отпустил его локоть. Выудил из рюкзака пластиковую бутылку с водой, обшарпанную до непрозрачности, полил на лодыжку Рыжему.

– Похолоднее бы... но хоть чуть полегчает. Натирать, правда, будет, но ничего, дойти только.

Боль и вправду немного пригасла.

– Пить хочешь? – Пока Рыжийпил, мужик отошел к ближайшей сосне, вернулся с двумя грибами. – Подкрепись-ка.

– Сырыми, что ли? – От грибов исходил сытный лесной дух; в промытом водой желудке замутило от пустоты.

– И что? Это ж белый. Соли только нет.

Рыжий откусил от ножки, пожевал. Грибы были маленькие, плотные. Схрумкал и второй. Спыхватился:

– А ты сам-то?

– Мне не надо.

– Почему не надо?

Сытым мужик не выглядел.

– Не ем я.

– Грибы не ешь? – забеспокоился Рыжий.

– Совсем не ем. Просто не ем, и все.

– Совсем? И давно?

– Третью неделю, – мужик пожал плечами, но в голосе скользнуло что-то вроде гордости. – Лишнее это.

– Лишнее?.. – Рыжий не знал, что подумать. Он слышал о голодании, модной блажи сдвинутых на похудении теток. Но этот подсушенный, жесткий, как сосновый ствол, мужик избытком жира никак не страдал. Псих, напомнил себе Рыжий – но без уверенности. После того как увидел ржавые рельсы, он уже ни в чем не был уверен. Но бывают ведь и не буйные психи – свихнутся на каком-нибудь пунктике, а в остальном люди как люди. Этот даже заботу проявляет...

– А то. Душу тяжелит, ум заземляет. Не сердцем, а брюхом живем...

Похоже, мужик был не прочь порассуждать на эту тему. Пусть говорит, подумал Рыжий, лишь бы не вставать подольше. Он боялся шевельнуть ногой. Надо поддержать разговор, проявить заинтересованность.

– И долго так собираешься?

– Да пора уж совсем. Другие вон сразу перестают – забили на брюхо и не вспоминают. А я все тянул – то отварчиком, то водичкой травной побалуюсь. Слаб, грязи на мне много. Но теперь все, не поддамся. Светлые вон и воды не пьют, Странник говорит. Но то Светлые...

– Это кто – в смысле продвинутые?

– Продвинутые – это продвинутые. А Светлые – это уже Светлые. Которые перешли уже.

– Куда перешли?

– К свету ближе. – Мужик пожевал губами. – Ну... в другое измерение, проще говоря.

– Святые, что ли?

– Может, и святые.

– Ты их видел?

– Как их там разглядишь. Если только сами явятся. Да чего им сюда – с нами Странник сам говорит.

– Он тоже из них?

– Он у них вроде за главного.

– А его-то вы видите?

– Когда зовет, видим.

– И что же он говорит? Как там – в другом измерении?

– Там все по-другому. И все сразу, – мужик сдвинул брови, словно припоминая. – И прошлое, и будущее – все тут, сейчас. И туннели везде.

– Что за туннели?

– А через всю Вселенную, как дырки в сыре. Утром спросонок дверь в ванную откроешь, шагнешь не глядя – и на Марсе оказался, в одних трусах. Так что глядеть надо... – Мужик усмехнулся скупно, как бы разбавляя шуткой лекцию для неподготовленной аудитории. Но говорил серьезно.

– А прошлое и будущее сразу – это как? И мертвые, и кто не родился еще – все вместе, что ли? А ты сам какой – прошлый или будущий? Или всякий? Тогда сколько там тебя?

– Тут я пока не очень ... – мужик вздохнул. – Когда Странник объясняет, вроде все ясно. А как сам задумаешься – опять непонятно.... Видно, рано еще понимать, черный эфир мешает, выжигать надо.

– Чем выжигать?

– Добрыми мыслями. – Мужик сдвинул брови, будто мобилизуя эти самые мысли.

– Так этот Странник, – поспешил заполнить паузу Рыжий, – он сам-то уже в том измерении? Оттуда объясняет?

– Почему оттуда. Он и здесь, и там.

– Как это?

– Ну, когда видно его, значит здесь. А не видишь – значит, там... Но это для нас только. А так он везде где надо. Ему это просто.

– А что он еще объясняет?

– А всё. Как живем, как надо жить. Что жили брюхом, братьев меньших убивали, трупами питались, планету изгадили, изгрызли как крысы... Вот и получили. Теперь друг друга жрут. Ничего, скоро дожрут, никого не останется, Думали, все можно, все с рук сойдет! А вот реки повернем! а вот атомную бомбу сделаем! а вот в космос залезем и всю Землю на прицел возьмем! Додуматься же надо – собственную мать на прицел! Земля им теперь жизни не даст, стряхнет всю нечисть, задушит, смочет, голодом уморит. Долго она терпела... Ведь сколько твердили, веками уговаривали – одумайтесь, будет вам Судный день, содрогнетесь! Какое там... Вот и получили.

– Постой, постой... Что получили? – Рыжий ощутил тревожное чувство, какой-то подспудный сдвиг в мыслях: словно сами собой заполнялись пустые клетки кроссворда и уже брезжит недописанное слово. И он не хочет его читать. – Что-то случилось... там? – Он едва не сказал *в мире*. – С ними? – Едва не сказал *с человечеством*.

– Как что? Ты откуда свалился?

И опять странный спутник, он уже не воспринимался как враг, как конвоир, смотрел с непониманием, настороженно, хотя и с сочувствием тоже.

– С электрички, говоришь?

Упорствовать, укреплять его подозрения? Но и солгать Рыжий не знал, как правильно, чему поверит этот мужик, живущий в каком-то своем, потрясенном мире. Мире, который навязывал теперь и Рыжему. В который Рыжий не верил, был не готов поверить, но...

рельсы... ржавые рельсы, скрытые травой

Может, и правда что-то с памятью?

– Вроде так помнится, – проямлил Рыжий, – что с электрички... Прыгнул, упал...

Получилось, что и не солгал, и как бы не настаивает, не уверен.

– Упал, значит... – Взгляд мужика заострился. – А я так думаю, это тебе дружки по голове дали. Приехали вместе, не поделили чего-то, слово за слово... Вспомнил теперь?

Колол взглядом, как иглой.

– А-а, ладно, – махнул рукой, выдернул иглу. – Это я так, на всякий случай. Врать вроде не врешь – шел ты от насыпи, тут по следам все сходится. И бензином не воняешь, а они на машине были. Выходит, и вправду сам по себе. Да и не похож ты на них... Другого духу. Вот только где ты электричку взял?.. – Мужик покрутил головой. – Крепко же твоей башке досталось!

– Ну вот, – осторожно обиделся Рыжий, – а то все – «дружки» да «дружки»... А кто они, эти, на машине-то?

– Опять не знаешь? – удивился спутник. – Рейдеры.

– Это которые предприятия захватывают?

– Какие еще предприятия? – вздохнул мужик, устал удивляться тупости парнишки. – Нет больше никаких предприятий, и слава богу. А эти – бандюки они, отморозки. Только и шарят, где бы чего да кого.

– Рейдеры... – пробормотал Рыжий. Еще одна заполненная клетка кроссворда, еще один штрих к бредовой догадке. – Это как в «Фоллауте», что ли?

– Чего-чего?

– Ну, игра такая, компьютерная. Там банды рейдеров по пустыне шарят.

– А-а... Только компьютерам твоим тоже хана, кончилось их время. Вот рейдеры еще бродят, да... Ничего, недолго им – сами передохнут, друг друга перережут. – Мужик спохватился, поправился: – В смысле жаль их, конечно, тоже живые души... – Сдвинул брови. – Ладно, заболтались. Пошли.

Идти было очень трудно, но остановиться вожатый не давал. С Рыжим творилось что-то – с телом, с головой. В лодыжке потрескивало, искрило болью, эти искры пронизывали тело снизу доверху и вспыхивали под черепом. Временами чудилось, он бредет в светящемся облаке, что его тело растворяется в нем, что оно само и есть это облако, и тогда боль стихала. Затем восприятие возвращалось, и с ним боль.

Рыжий не пытался запомнить дорогу, в какой-то момент лишь отметил, что они опять сошли с тропинки. То ли он шел все медленнее, то ли вожатый стал нетерпеливее – теперь он почти нес парня, прижимая к себе, и в минуты прояснения Рыжий вплотную видел его черствый заветренный профиль и застывший, исподлобья, взгляд – словно тот к чему-то прислушивался.

Рыжий свалился опять.

– Погоди... – взмолился.

Мужик смотрел сквозь него, слушал... Расслабился, кивнул:

– Здесь можно.

Дал Рыжему бутылку с водой. Сам пить не стал, плеснул ему на лодыжку.

Рыжий лежал, весь в испарине. В неподвижности боль сладко стихала, будто уходила с потом. Мысль, что придется снова вставать, была невыносимой.

– Далеко еще?

– Не очень. Как идти будем.

– А чего мы через чашу ломимся, разве дорог нет?

– Эх, ты, головушка худая... – Мужик присел, скрестив ноги. – Как тебя звать-то, хоть помнишь?

– Елисей.

– Ишь ты... Дома небось Рыжиком звали, – ухмыльнулся с просто-душной пронизательностью, – маленького-то?

– Лисенком, – неожиданно признался Рыжий. – Рыжий – это потом, в школе... и вообще.

– Рыжий лис, значит. Хитрый зверь... а в голове дырка. Дороги-то нынче не для добрых людей.

– Ну, если что, спрячемся.

– С тобой спрячешься.

– Да что ж, одни бандиты кругом, что ли? Нормальных людей не осталось?

– Нормальных... Когда они были нормальными-то? А были бы – разве так бы все повернулось?

– Ну да... – не решился уточнять Рыжий. – А тебя как зовут?

– Меня-то? – мужик замаялся. – Лучезаром пока.

– Как это «пока»?

– Да какой из меня Лучезар? Черного эфира полно... Рано мне такое имя, не стою я его. Пожадничал, когда назвался, слишком уж замахнулся. Поменять надо. Мне бы для начала Ладимир или Добромисл... не решу вот никак. Как думаешь?

– Постой, постой, так ты имя сам, что ли, выбирал?

– Ну да. Переродиться ж надо. А как переродишься с прежним именем – оно ж все твою старую грязь на себе тащит.

– А как раньше звали?

– Алик.

– Альберт, значит.

– Да какой Альберт! – мужик махнул рукой. – По паспорту только, а так... Алик и есть, самый натуральный. Был в смысле.

– Водочкой увлекался? – догадался Рыжий. – Алкоголик?

– И это тоже. Но только до первой белочки, а потом как отшибло.

Я тогда в жэке был сантехником, бутылки каждый день совали, а я их раздавал на работе, так коситься стали, но принимали, конечно. Я и перестал бутылки брать, деньгами только. Но тут другой бес подстерег – на автоматах повадился играть. Сутками не вылезал: сбегает, займешь, пока еще давали, и назад. Ну и доигрался... В общем, на пустыре каком-то лежу, не помню, как забрел... и никто мне не нужен, и сам себе не нужен. Трындец полный. Все, что мог и не мог, спустил, и квартира уже не моя, инструмент свой и тот просадил, займы и сотни не дадут. И тут мыслишка: а если б дали, что – опять играть? Зачем? Чтобы выиграть? А зачем?

Вот ты скажи мне – зачем играют? Ради денег, что ли? Не-ет, – Лучезар разгорячился, себя же обличая, – я тебе скажу зачем! Чтобы судьбу одурочить, хитрее всех оказаться, самого Бога лохануть. Тут даже не жадность – гордыня! – Потряс кулаком. – Но это я сейчас понимаю, а тогда... Лежу на земле, в бурьяне каком-то, и ночь давно, коленки стыннут – а мне все равно. Ничего не нужно, не грустно, не страшно вовсе, что жить, что умереть – все по барабану, все – никак. Пусто, тихо... Шорох почудился – бомжи, верно. Сейчас обшмонают, ничего не найдут, может, прирежут со зла – а мне не жалко. И голос: «Пойдешь?» Я глаза скосил, а темно, звезды чуть видно, – вроде тень какая-то. «Зачем?» – «Какая тебе разница?» А никакой, думаю. Мне что лежать, что идти, что жить, что не жить – все без разницы. Только земля холодит что-то... Пойду, говорю. Куда идти-то? – «А тебе надо, чтоб непременно куда-то?» – «Да нет, – говорю, – никуда мне не надо». – «Вот и не думай, тогда не собьешься. Просто иди и все. И назад не оборачивайся, а то останешься». Я встал – никого вроде. Так и не понял, был тут кто, нет ли... Да какая разница? Я и пошел.

– Как же ты пошел, не зная куда надо?

– А в том и дело, что я шел не куда надо, а просто. Сказано же было: не думай. Если б думал куда, не дошел бы. А тут не умом шел, умом-то в два счет заблудишь, он на это мастер.

– Вроде как – ноги сами привели?

– При чем ноги? То, что главное, то и привело.

– А что главное?

Лучезар подумал.

– Сердце. Душа. Бог, может... Слов много, а все про одно. То, что мы в себе глушим, слышать не хотим. Кто водкой, кто блудом, кто деньгами да чинами... Только глядим, чего бы хапнуть, как еще себя убажить да над ближним вознестись. А все ради чего? Лишь бы забыться, не слышать, как внутри скребет, плачет: куда ж ты, зачем тебе это все? А дальше-то что? Только рано или поздно оно, главное это, все равно достучится, хоть на миг, да услышишь. И если сам уши не заткнешь, страху не поддашься, за слепоту свою не уцепишься – то и поведет. Мне-то вот повезло – ни бояться, ни терять нечего было. Вот и повело... и привело.

– И долго шел?

– Не помню. Дня три, может.

– И все время не знал куда?

– Да пойми ты, если бы я думал, куда мне надо, – точно бы сбился.

А так шел себе и шел. И пусто, легко в голове, будто она для чего-то важного очищается. Я и не останавливался, боялся это бездумье расплескать. Из города вышел, вдоль шоссе побрел, потом проселки, деревушки какие-то. В брюхе звенит – а пусть себе как хочет, мне отвлекаться нельзя. Оно и присмирело, отключилось вроде. Я и пил-то всего раза два – из колонки на окраине да в лесу из родничка. Подвернулись – вот и попил, а самому искать, думать о воде нельзя, ум проснется – с пути уведет. Не спал, не прилег ни разу. Споткнешься, свалишься в темноте – и один страшок: не думать, не думать. Только мыслишке поддашься, поймешь, что сил нет, – и все, не встанешь. Под конец шел уже как в облаке, легкость такая, будто сам – облачко, плывешь себе над землей... И хорошо, покойно.

Знакомое состояние, насторожился Рыжий. Похожее он ощутил, когда Лучезар тащил его через чашу и боль, наконец, отступала.

– ...И пришел ведь! – сам себе подивился Лучезар. – А почему? – воодушеваясь, с назиданием. – А потому что *путь* меня вел. Это тебе не

на работу постылую, не на базар за картошкой, не к соседке на пере-
пихон, когда все наперед знаешь, что и почем. Тут – *путь!* Его умом не
углядеть. Не нашего ума это дело. *Путь* – он оттуда, – Лучезар воздел
указательный палец. – Не он для нас – мы для него. – Помолчал.

– Предназначение? – спешно поддакнул Рыжий. – Смысл жизни?

– Смысл твой – это от мысли, – отвел Лучезар строго, – опять, зна-
чит, от ума. С ним ухо остро, в любую дырку влезет – только дай по-
рулить. А сам-то ум – брюху шестерка, оттого слепой, дальше брюха не
видит, глаза только застит всякими ложными надобностями. Нет, умом
пути не найдешь, тут он первый враг. Вот и выходит, чтобы путь уви-
деть – ум-то пригасить надо, пришибить его малость. Обычно человек
сам такого не может, и в голову не придет. Но если на роду написано
– то путь сам его найдет. Может, так тряхнет, что небо с овчинку... Вот
как меня. Чуешь?

Уставился на Рыжего: дошло ли?

– Я это к чему. Вот тебе память-то отшибло – может, не зря? Чтобы
ум осадить, голову прочистить? Может, путь тебя ищет?

Рыжий не знал, что сказать. Не спорить же, что с памятью у него все
в порядке, вот – с умом... Или наоборот? Уже сам не был уверен. Если
по уму, то теперь, задним числом, он ясно видел, что грибная эта затея
была блажью с самого начала. Какой нормальный сорвется на ночь гля-
дя, наугад, в незнакомые края, в неведомый лес? И дались ему эти гри-
бы, он в них понимает – только белый от мухомора и отличит. И ведь
были сомнения, были! Но – порыв, эйфория собственной лихости, сум-
асбродства... (Вот-вот – *с ума...*) Как же – он, ботан, мышь офисный,
с девяти до шести за компьютером, и дома тоже с восьми до мушек в
глазах – в двадцать лет очки пора подбирать, – а тут сам, один, на ночь
глядя! – а запросто, делов-то! Опять же ночевка в лесу – тут чудился
некий поступок, авантюра. Но это теперь, задним умом, понятно, – а
где он раньше был, ум?

И правда, подумал с тоской, маясь под взглядом Лучезара, – будто
отключили его, ум этот самый...

– Какой путь, куда? – только и смог пробормотать.

– Опять за свое, – вздохнул Лучезар. – Ты вопросов не задавай. Иди
знай, не оглядывайся. Вставай вот.

– Да куда ты меня тащишь?

– Куда, куда – в станowie... – Рука Лучезара замерла на мгновение на
плече Рыжего, лицо опять стало отстраненным, *слушающим*. Добавил,
сомневаясь – то ли в слышанном, то ли в своих словах: – К свету, надо
быть...

Лучезар заблудился, понял Рыжий. Они опять шли не по тропинке,
мало того, и по чаще двигались не напрямую, несколько раз меняли
направление – Рыжий заметил это по смещению теней на освещенных
участках. Был еще в состоянии замечать, *облачность* никак не прихо-
дила, не спешила растворить стонущее тело. Отчаясь терпеть бесконеч-
ную муку, уже решился спросить – зацепил ступней за ветку, взвыл...
Лучезар как ждал:

– Тихо! – зажал ему рот ладонью. – Молчи.

Рыжий умолк, молчал, прискакивая на одной ноге, пока Лучезар та-
щил его еще с полсотни метров. (И опять свернул, показалось Рыже-
му... или слепили слезы?)

Опустил на землю в гуще кустарника.

– Отпыхни пока.
– А там сразу нельзя было? Да что ты все слушаешь?
Лучезар пожал плечами, полез в рюкзак за бутылкой. Но видно было по сжатым губам, по тихим рукам – он настороже.
– А ты, – вдруг спросил, – ничего?..
– Нога болит, – огрызнулся Рыжий.
– Не про то я! – оборвал Лучезар, качнул головой: – Там, чего-то...
Рыжий прислушался.
– Ничего вроде...
– Да не ушами слушай-то.
– Как это – не ушами?
– Нутром, нутром, – Лучезар постучал себя по животу, под курткой обрисовалась рукоятка ножа. – Просто почувствуй – и все.
Рыжий прислушался опять. Сквозь утихающую боль ему почудился на миг какой-то звук. То ли дрожь ветвей в глубине леса, то ли трепет расслабленных вен, уставших гнать кровь по его измученному телу...
Лучше не слушать, не накручивать себя.
– Ничего. А ты слышишь? Что?
– Вроде как принимаивается кто-то, кружит... Ищет.
– Кого – нас?
– Не знаю. Далеко сейчас. Может, и чудится...
Лучезар вроде как расслабился, и Рыжий спросил:
– А как это – не ушами? Ты телепат, что ли?
– Все телепаты. Сердце вещун, когда чистое. Только мне еще до чистоты-то... – Лучезар вздохнул. – Оттого и шарахаемся то в одну, то в другую сторону, не прямо. Как услышу посильней – значит, близко, сворачивать надо, отдалиться. Только потише станет, ага, оторвались вроде – а тут опять, с другой стороны, еще сильней... На машине, что ли, кружат? Свернем – опять потише будто... вот как здесь. И не пойму уже – мерещится ли, нет ли? Мало свету во мне, черный эфир застит. Вот и подумал, если тебя вправду путь зовет – может, ты почувтче моего, услышишь? Опять же, молодой, грязи на душе меньше...
– Так ты потому... – захлебнулся обидой Рыжий, – потому меня кругами таскаешь? Почудилось тебе? А про ногу мою не подумал?
– Ноге твоей помогут, если живым добредешь. Лучше от куста шархнуть, чем из-за куста в тебя шархнут.
– Пока мы тут кружим, я, может, от боли помру!
– От боли не помирают, – ободрил Лучезар. – Они-то знают... и уж пользуются.
– Пользуются? – запнулся Рыжий. – Рейдеры? Думаешь, они? За нами?
– Наследили мы, они не дураки же. На машине в лес не заедешь, вот и мотаются вокруг, где еще проехать можно, хотят понять, куда идем.
– Да на кой мы им сдались, что им надо-то?
– Что людям вечно надо – поймать да хапнуть, да сожрать кого-нибудь... А может, – Лучезар нахмурился, – про становье пронюхали – думают, приведем. Ага, становье им подавай... сейчас.
– Вот!.. – насторожился. – Опять... не слышишь?
Рыжий замер.
Теперь и ему показалось: отдаленное шевеление.
– Не ушами, не ушами – нутром... Глаза закрой.
Рыжий зажмурился.
он оказался не параноиком, они и в самом деле охотились за ним
Что за дурацкая фраза пришла на ум?

Он вспомнил: это из «Фоллаута», доброго старого «Фоллаута». Мальчишкой он часами, пока не мать не выключала компьютер, бродил по его апокалиптическому миру, сражаясь с мутантами и бандитами. Эта фраза – эпитафия на могильной плите.

Там, на кладбищах, были и другие потешные вроде: *Он слишком много болтал, и ему сделали еще один рот.*

Или: *Здесь лежит Джон Ист. Простите, что не встаю.*

Сейчас они не казались смешными.

Что за дурь лезет в голову?

Он понял, и по спине пробежал озноб, будто сзади на него упала чья-то тень. Враждебный мир этого мужика становился и его реальностью, обволакивал противящиеся сознание, опутывал плющом, прорастал корешками.

– Нутром... – прошелестел Лучезар.

Рыжему показалось: среди лесной свежести вдруг потянуло чем-то знакомым, городским. В ноздрях щекотнуло, и на какое-то мгновение он ощутил запах автомобильного выхлопа... Открыл глаза.

Чепуха. Галлюцинация. Он накрутил себя до видений, он не спал толком вторые сутки, он выпрыгнул из электрички, он вымотан болью, голодом, рассказами этого психа.

Сантехник Алик, зло подумал Рыжий. Свихнувшийся алкаш и игрок, нахватавшийся где-то эзотерических бредней. Представил его с вантузом на плече, рассуждающим о грехах человечества

– Чуешь? – Лучезар ждал подтверждения..

– Нет, – мотнул головой Рыжий. Если тот решит, что опасность близко, придется опять вставать и идти. Но он и правда ничего не чувствовал.

Несколько секунд Лучезар смотрел на него. Затем поднялся на ноги.

– Пошли.

– Уже? Погоди еще... – В неподвижности нога занемела и почти не тревожила. При мысли о предстоящей боли он едва не заплакал.

– Надо идти.

– Не пойду! – вдруг взбунтовался Рыжий. – Больно мне, понимаешь? Не могу я! Не пойду, и все!

– Сдохнешь здесь.

– Вот и сдохну... хоть умереть спокойно, не мучиться.

здесь лежит Джон Ист. простите, что не встаю

– Спокойно не получится, – мягко, словно вразумляя ребенка, сказал Лучезар. – Они спрашивать начнут. И что ты им расскажешь? Про электричку?

– Да чего меня спрашивать? Не знаю я ничего!

– То-то и оно, что ничего. А они опять будут спрашивать.

– Как это «опять»? – Рыжий почувствовал, как протянуло холодком по взмокшей спине. – Пытать, что ли?

Лучезар смотрел как на дурачка.

– Да чего ж это... звери, что ли, совсем?

– Зверей зачем обижать? Рейдеры и есть. С ними и про ногу забудешь. Лучше уж сейчас потерпеть.

Лучезар протянул руку, и Рыжий ухватился за нее.

Рыжий не помнил, сколько смог пройти на своих ногах. Теперь Лучезар нес его, перевалив через плечо, как мешок картошки. Не сказать чтобы нога пребывала в покое, но по крайней мере боль Рыжий доставлял себе не сам. Он слышал дыхание Лучезара: оно было напряженным, но ровным.

Лучезар задержался у огромного дуба, не спуская парня на землю, привалился боком к стволу.

Слушает погоню? Рыжий спросил бы, но боялся помешать. Или все же устал? Подпитывается от дерева? Рыжий читал где-то, что деревья обладают своей энергией, и как-то даже пробовал подзарядиться, но ничего не понял.

Лучезар оторвался от ствола и двинулся дальше.

– Слышишь, да?.. – не утерпел Рыжий. – Близко?

Лучезар буркнул непонятное. Бережет дыхание? Он начал потеть. Рыжий чувствовал запах.

Тычась носом в тощий рюкзак с ободранными ремешками на клапанах, он смотрел вниз на задники резиновых сапог Лучезара. Те мельтешили перед глазами, как два маятника в противофазе, глубоко вминаясь в лесную подстилку.

Лучезар сменил направление, но кажется, неудачно. Через полсотни метров они уперлись в болото: Рыжий понял это, поворачиваясь вместе с Лучезаром, пока тот оглядывался, решал, в какую сторону свернуть. Свернул влево.

– Может, отдохнешь?

– Нельзя, – выдохнул Лучезар. Голос был хрипловатым. Устал, понял Рыжий.

Для человека, который три недели не ест, а до этого сидел на травяной водичке, он в потрясающей форме. Но долго ли он продержится, прежде чем выдохнется окончательно и они свалятся оба? И если их найдут...

– Слушай, – в отчаянии залепетал Рыжий, – да сколько их там?.. Может, двое-трое? Отобьемся, а? Нож у тебя...

– Нельзя убивать, – прохрипел Лучезар.

Отойдя от болота, они пересекли то ли заросший проселок, то ли остатки просеки и углубились в чашу. Попали в бурелом, и по тому, с каким шумом и треском, напрямик, преодолевал его Лучезар, Рыжий понял: тот выдыхается. Наконец, у какой-то ложбинки Лучезар остановился, ссадил парня на землю. Некоторое время вслушивался, тоже сел.

– Отстали? – спросил Рыжий.

– Стихло вроде... Не чую пока.

– А где они, в какой стороне?

– Не пойму... – дышал Лучезар тяжело, с присвистом. – Чую – близко, сворачиваю. Не помогает – значит, не туда свернул. Стихает – значит, правильно, от них... Но... – покрутил головой с удивлением. – Никогда еще так сильно не слышал. Отмывается, что ли, потихоньку?

– Что отмывается?

– Черный эфир, что ж еще-то. Грязь с души, если попросту. Слышь, Лисей... – Лучезар запнулся, – а ты меня, это... хорошо видишь?

– Ну да, – растерялся Рыжий. – А что?

– А, ладно, – тот махнул рукой, жалея, что спросил. – Гордыня все... – Полез за бутылкой, протянул Рыжему. Сам отхлебнул чуть, задержал воду во рту, жмурился, прежде чем сглотнуть.

– Лучезар, – спросил Рыжий, – а что значит – убивать нельзя? А если – нас?

– Никого нельзя.

– Так что, пусть убивают?

– Ага! – Лучезар уже отдышался и оживился, словно ждал этого вопроса. – Вот тут-то все и спотыкаются. Отсюда все зло и плодится. Как

же так – меня можно, а мне нельзя? Да за правое дело! какой тут грех? То есть грех, конечно, – так ведь и обстоятельства особые, уж Бог вникнет да простит, отмолю. А не тут-то было! – Он опять впал в назидательный тон и одновременно походил на школьника, у доски отвечающего надежно затверженный урок. – Вот как только ты так подумал, про особые-то обстоятельства, как мыслишку эту запустил, так и покатило. Сразу ты как бы сам особый стал, возгордился, значит. Бог, выходит, всем грешить заповедал, да твои обстоятельства и не предусмотрел. Простоват он, Бог-то. Ну да ты ему потом объяснишь, повинисься, конечно, он и учтет. А пока, мол, по обстоятельствам, в виде исключения. А обстоятельства всегда найдутся. Вот и получили – уж такие обстоятельства!..

– Значит, когда тебя убивают, то пусть – лишь бы самому не согрешить? Это Странник так говорит? – прервал его Рыжий. Испугался своего раздражения.

– Нет, Странник так не говорит. Он говорит, если точно знаешь, что деваться некуда, то можно. Когда не по злобе, не со страху, а с плачущим сердцем... Только я думаю, он сам это говорит с плачущим сердцем, да... От жалости, от непонимания нашего – вот и щадит нас. Не скажешь же человеку: подставь, мол, горло под нож. Это значит за него выбор сделать, тоже как бы грех. Нет, тут каждый сам должен решать. Я вот решил – нельзя.

– Так убьют же!

– Так это здесь убьют. А здесь все не кончается же. Там же не кончилось.

– Как это, – поперхнулся Рыжий. – Здесь что, другая жизнь, что ли?

Вообще другая?

– А ты не понял?

Рыжий помолчал, переваривая. Не получалось.

– Ну, ладно... А если не тебя – рядом кого-нибудь? Меня, например, резать будут? Так и будешь смотреть?

Лучезар ответил не сразу.

– Кабы знать... Как тут поручишься? А нельзя... ох, нельзя.

– Что ж такое? – нервничал Рыжий. – А хоть поранить, пугнуть можно?

– Этих ножом не напугаешь. А поранить? – Лучезар поколебался. – Нет, мучение человеку... да и умереть может. Нельзя, пока живой.

– Как это – пока живой? А мертвых можно резать?

– А чего ему? Душе не больно, и телу вреда никакого. Неприятно, конечно.

– Неприятно? – поразился Рыжий. – Ты сам резал, что ли?

– Да было дело. Тут одни на дрезине приехали, тогда еще рельсы не сообразили разобрать, да на других рейдеров наткнулись, те на машине были. Не ладили чего-то, два трупа у полотна остались, еще один в лесу, заполз да и кончился. Мы их и повесили, а стволы – в болото.

– Куда повесили?

– Двоих там же, на опоре, а третьего на шоссе, откуда на машинах приезжают. Далеко пришлось тащить... Там на столбе и повесили. Ну и покровсали сперва – живым для остратки. Только не помогло, все равно приезжают.

– Это тоже Странник придумал?

– Его там не было, он потом узнал. Посочувствовал только. Мы же не со зла. Чего на них злиться, на мертвых? А без гнева, без гордыни... – Лучезар замолк.

– ...С плачущим сердцем? – не удержался Рыжий.

Лучезар не отвечал. Вслушивался – не то в окружающий мир, не то в себя с каким-то болезненным напряжением. Взгляд остекленел.

– Что? – напрягся Рыжий. – Идут?

– Не знаю... – голос Лучезара был растерянный, виноватый. – Не слышу.

– Так и хорошо, что не слышишь, – значит, нету никого.

– Да если бы!.. Раньше слышал – что есть. И если нет их – тоже слышал. А сейчас – как обрезало. *Оглох* я, понимаешь? И-эх!.. – грохнул себя кулаком в темя.

– Ты чего? – струсил Рыжий.

– А того! Чуть свет забрезжил, только-только слышать начал... и на тебе! Возгордился! Тебя вот поучать взялся!

– Да ничего такого...

– Поучал, поучал! О гордыне рассуждаю, а сам-то! Уже и переход себе возомнил: видишь, не видишь меня!.. Чуть не в Светлые собрался... вот тебе и переход. Поделом мне, поделом... Мне-то поделом, а тебе за что? Нарвемся – на мне ведь грех будет! Может, они вон там в кустах сейчас, или там... – Лучезар вскочил, заоглядывался. – Эх, пересидеть бы до ночи...

– А далеко еще?

– Далеко не далеко – да как идти теперь, *глухим-то*? Дальше болото опять, надо справа обходить. А там выруб старый и дорога. Вот его бы проскочить... Как нога-то?

– Ничего... не чувствую вроде, – не шевелясь, он действительно не чувствовал боли, только горячее онемение.

– Ну-ка, – Лучезар склонился посмотреть, но тронуть не решился. Рыжий тоже не решался – видно было, как распухла лодыжка под носком. – Да... – качнул головой Лучезар, – и засиживаться-то нельзя...

– Ну, проскочим... – Рыжий прикусил язык, сообразив, что проскакивать он будет верхом на Лучезаре. – В смысле они же на машине – услышим.

– Место открытое, не спрячешься там...

Лучезар распрямился и поднял лицо к небу. Напрягся, замер, то ли мольбой, то ли усилием пытаясь вернуть утраченную способность. Неприятно было видеть застывшую на его жестком лице жалкую, детскую гримасу. Рыжий тоже напряг слух, но различил лишь шелест листвы – к полудню поднялся ветерок. Он ощутил тревогу, даже страх, но это чувство было уже привычным, и не распознать, есть ли у страха конкретный, сиюминутный источник.

Поднял глаза на Лучезара. Тот еще цепенел – в надежде, в надсаде, со стиснутыми кулаками...

– Ладно, пошли, – тряхнул головой. – Урок мне. Дай бог не последний.

Его лицо уже ничего не выражало.

И опять Рыжий ехал задом наперед и, глядя на мельтешащие внизу сапоги Лучезара, на оставляемые ими вмятины. Беспокойство нарастало, должно быть, оттого, что он не видел, куда они идут. Лес кончился неожиданно, деревья отступили, и, заметив внизу давние, но еще глубокие, не заплывшие колеи от лесовозов, он подумал, что вот так и устроена жизнь – никогда не угадаешь, что случится завтра, зато можешь сколько угодно глядеть назад и грызть себя за собственную глупость.

Лучезар нес его через заброшенный выруб, усеянный ворохами гнилых сучьев и раскатившимися штабелями неошкуренных бревен. Перекинутый через его плечо, Рыжий поневоле смотрел назад и увидел рейдеров первым.

Острая звездочка кольнула в глаза и погасла – на лобовом стекле старой «Нивы», впяченной задом под деревья за мыском опушки, откуда они только что вышли. Людей он не увидел и подумал, что машина брошена здесь давным-давно, но тут «Нива» тронулась с места, и Рыжий понял, что враги уже заметили их. «Нива» выползла на проселок и двинулась в их сторону.

– Лучезар!.. – Но тот и сам уже оборачивался на нить двигателя.

Машина съехала с проселка и приближалась к ним через выруб, давя кусты и валежник. За лобовым стеклом Рыжий успел разглядеть двоих прежде Лучезар вместе с ним развернулся, и он оказался к машине задом. Зато теперь увидел весь выруб сразу, огромный, и дальнюю кромку леса и понял, что им не уйти.

Двигатель позади смолк, лязгнули дверцы.

– Гуляем, мужики? – Голос был веселый и чуть запыхавшийся, будто говоривший догонял их бегом, а не машине.

Лучезар не ответил, Рыжий ощутил, как задеревенели его плечи.

– Битый небитого везет, а? Чего это с ним? – Теперь голос показался знакомым.

Рыжий сполз с Лучезара, как с дерева, ему удалось встать рядом и не покачнуться.

Мужчина лет тридцати, с неопределенной улыбкой на курносой физиономии, остановился в нескольких метрах от них. Второй, тощий и пожилой, с морщинистым лицом, наблюдал от машины. Голоса он пока не подавал, но Рыжий уже не сомневался, что узнает и его.

Лучезар молчал, и в его молчании была безысходность. То же чувство испытал Рыжий, глядя на курносого. Вот так же тот стоял на ночном проселке, уговаривая его выйти из чащи. Но там был лишь темный силуэт, теперь Рыжий видел его в деталях при свете дня: невысокого, с красными от недосыпа глазами и раздражением на коже носа, какое бывает от частого сморкания. В старых берцах с оторванными крючками для шнуровки, в дешевой куртке из кожзаменителя, покрытого трещинками, как налипшей паутиной, с воровато-шалой улыбкой на круглом лице, он выглядел скорее пародией на угрюмых рейдеров, которых Рыжий когда-то пачками убивал на виртуальных пустошах «Фоллаута».

Правую руку курносый держал в кармане, и это была не игра.

– Далеко собрались? Садись, подвезем.

Лучезар перетаптывался с понурым видом.

– Ну, чего молчим? Стесняемся, что ли?

– Мы... за грибами! – пискнул Рыжий, не выдержав немоты.

– За грибами? Верхом друг на дружке ездите? – развеселился курносый. – Сверху виднее, да? Это вы как – на спор или по очереди?

Рыжий ощутил, как губы против воли разъезжаются в усмешке. Что-то булькнуло в горле Лучезара. Ухмылялся и морщинистый, что стоял у машины.

– Ладно, пошли... – давясь нервным смешком, пробормотал Лучезар. Он повернулся, и Рыжий шагнул за ним, не понимая, на что тот надеется – что вот так, под общее веселье, их и отпустят? На втором шагу он свалился.

– Гриб нашел? Эй, а ты куда? – Еще досмеиваясь, курносый вынул руку из кармана. – Стоять! – Лучезар остановился. – Чего там у тебя в сидоре? Кидай сюда. – Лучезар бросил ему рюкзак, и курносый поймал его левой рукой; в правой был пистолет. – Ну-ка...

Вытряхнул из рюкзака бутылку, открыл, понюхал.

– Вода... слюней, небось, напускали. А жратвы с собой нет – значит, база близко, туда, небось, шли...

– Положи бугая, – подал голос морщинистый, стоявший у машины.

– Ага. Лежать команда!

Лучезар опустился на колени и лег.

– Мордой вниз! Руки вытяни!

Курносый подошел и обхлопал его по бокам. Задрал куртку, вытащил нож. Уставился с удивлением.

– Что за хрень – самоделка, что ли? – Швырнул нож в сторону и рукоятку пистолета ударил Лучезара по почкам. Потом еще и еще, с каждым ударом улыбаясь все шире. Лучезар утробно всхрюкивал.

Разгоряченно дыша, курносый повернулся к Рыжему.

– А ты чего разлегся? Тебе команды не было.

Упираясь руками в землю и отставив больную ногу, Рыжий начал вставать. Едва выпрямился – курносый толкнул, свалил на спину. Пошарил по карманам, ничего не нашел. Веселье не сходило с его лица, губы разъезжались, будто улыбка мешала закрыть рот.

– Болит? – кивнул на раздувшуюся лодыжку. Наступил, с интересом наблюдая за Рыжим; тот дышал сквозь зубы, комкая трухлявые ветки в горсти. Курносый отпустил, придавил посильнее, отпустил.

– Так куда, говоришь, шли?

– Не знаю... – пробормотал Рыжий. – Я тут... случайно, с электрички!

– С электрички? – распотешился курносый. – Точно – не с Луны?

– Долбанутый, – заключил морщинистый. – Кончи его, бугай быстрее расколется.

– Не, это он хитрит, рыжие хитрые... Это игра такая. Поиграет и скажет, верно? – Курносый подмигнул Рыжему, надавил. – Так с электрички, говоришь? А дальше верхом? И куда ехал?

– Не знаю я... – простонал Рыжий, взмывая и ухая вниз на волнах боли. – В становье... – Он подумал, что предает Лучезара, но слово уже вылетело.

– Молодец! А теперь гляди сюда.

Курносый наставил ствол ему в глаз.

– Что видишь?

– Смерть... – Это слово тоже выскочило само. То, что за ним стояло, огромное, неохватное сознанием, не могло уместиться в этой маленькой черной точке.

– Верно... а чью? Ты? Он?

– Не знаю...

– А я тебе помогу, – подбодрил курносый, лаская пальцем спусковой крючок. – Ну, говори скорей: куда шли? Или он скажет. Кто первый скажет, тот и жив.

– Раз, два... – Палец с грязным ногтем тихонько потянул спуск. Рыжий зачарованно смотрел, чувствуя, как остановилось время – просто прервалось, иссякло, как вода в кране.

– Три!

Пистолет дрогнул, и Рыжий ослеп от боли. Ему показалось, курносый промахнулся и пуля вошла в лодыжку. Но это была не пуля – каблук курносого. Выстрела не было.

– Смотри, как дергается! – Курносый нашагивал, гвоздил каблуком по лодыжке, будто норовя растоптать юркую мышь.

– Да кончай уже, – проворчал морщинистый. – Детский сад какой-то.

Это и вправду походило на детскую игру в наступалки, только Рыжий играл в нее лежа: отползал, вился ужом, пытаясь спрятать от ударов травмированную ногу. Играло в игру лишь его тело: сознание дробилось, не поспевало за рефlekсами, и Рыжий, в очередном провале боли и крика, не заметил, как это произошло. Должно быть, его мучитель в азарте забыл про осторожность, и Рыжий, брыкнув здоровой ногой, попал по руке с пистолетом. Пуля ушла в землю рядом с берцом курносого, тот на мгновение замер, и Рыжий увидел, как тускнеет улыбка на его губах.

И как за спиной его, будто разбуженный выстрелом, встает с земли Лучезар.

– Эй!.. – крикнул морщинистый, вырывая руку из кармана.

Курносый обернулся, но не успел выстрелить: еще не распрямившийся до конца Лучезар перехватил его кисть, и пистолет выпал. Сграбастав по-медвежьки, Лучезар сдвинул рейдера в объятиях и развернул спиной ко второму.

– Отпусти его, сука, – сказал морщинистый, медленно приближаясь. Стрелять он не спешил, не желая попасть в напарника. И оставался спокоен.

– Стой там... – проклокотал Лучезар. – Задавлю.

Курносый молотил его кулаками по спине, по затылку. Лучезар напрягся, давя ему ребра, курносый взвыл и обвис.

– А мне хрен с ним, дави. Он мне самому надоел. – Второй пожал плечами, остановился. Перевел ствол на Рыжего. – И чего теперь? Ты моего, я – твоего... Тебе твой тоже надоел?

– Ы-ы-ы... – родился звук, бессмысленный, тоскливый. Рыжий не сразу понял, что родился он в глотке Лучезара, – тот, мыча, с натугой боли в поврежденной спине, еще крепче сдвинул курносого, отрывая его от земли. Загораживаясь им как щитом, двинулся на морщинистого, на его ствол.

Ствол качнулся, и Рыжий мгновенно заполз за Лучезара.

– Ы-ы-ы!.. – Мычание переходило в вой. Лучезар, пошатываясь, откинувшись назад под тяжестью живой ноши, шел на морщинистого, давя этим воем.

Тот отступал, выцеливая.

– Ы-ы-у-у!..

Выстрел был почти не слышен. Над плечом Лучезара брызнуло, будто лопнул на солнце веселый красный пузырь, тело в его руках дернулось. Лучезара продолжал идти, рейдер выстрелил еще два раза, продолжая пятиться. Затем бросился к машине, разрывая дистанцию. Лучезар качнулся вперед и, пробежав два шага, упал в обнимку со своей ношей. Рейдер этого не видел. Он добежал до машины и развернулся за открытой дверцей, утвердив на ней обе руки с пистолетом, чтобы стрелять с упора.

Рыжий выстрелил раньше. Он не помнил, как подобрал пистолет курносого, просто тот был в руке, и палец давил на спуск, и пистолет дергался. Сперва осыпалось лобовое стекло «Нивы», затем в дверце, за которой укрывался рейдер, возникла черная точка, и тот отшатнулся. Рыжий продолжал стрелять. Рейдера развернуло, будто кто-то сзади рванул его за плечо, и бросило спиной на машину. Левая рука обвисла, но он тут же втиснулся внутрь и, хватаясь растопыренной ладонью с пистолетом то за руль, то за рычаг коробки передач, дернул машину с места. «Нива» крутанулась и, лязгая незакрытой дверцей, поскакала по валежнику прочь.

Рыжий целился вслед, не соображая, остались ли патроны в обойме, вообще ничего не соображая. Потом пополз. Под локтями хрустели ветки, нога волочилась дергающим якорем боли. В ушах еще отдавался вой Лучезара, и, лишь добравшись до двух окровавленных, так и не разлепившихся тел, Рыжий понял, что подвывает он сам, потому что он один тут живой.

Он задрал голову и завыл в полный голос. Солнце склонилось и заглянуло в глаза, и он заскользил по волнам боли и света, проваливаясь и возносясь в слепящую глубину.

Ему открылось ночное небо. Он лежал на спине и смотрел на звезды, боясь вспоминать. Но уже проступали по краю зрения черные контуры крон, и возвращалось понимание, что все предыдущее – не сон, как и этот лес, эта ночь, и он в них один.

Не один.

Кто-то стоял в изголовье.

С гибелью Лучезара воспоминания обрывались – в памяти не осталось ничего, кроме боли и пылающей пелены перед глазами. Он падал куда-то сквозь слепящее облако – и вот вынырнул, и ему открылись звезды.

Облако померкло, но не рассеялось совсем, съежилось в неясный клочок тумана у его изголовья, напоминающий человеческий силуэт.

Возможно, он умирает и так выглядит смерть. А может, уже умер.

Да, умер, оттого и не чувствует боли.

Эта мысль несла успокоение. Все страшное уже случилось, вообще все случилось, и дальнейшее не требует ни воли, ни усилий.

Силуэт в изголовье сохранял неподвижность. Чтобы разглядеть его лучше, пришлось бы повернуть голову; но это было не нужно; глаза сами вернулись к звездам.

Он мог смотреть на них вечно.

И продолжал смотреть, когда кто-то склонился к его лицу, и звезды просвечивали сквозь него, как сквозь легкую дымку.

Звезды были рядом. Он мог затеряться в них.

не один

Кто это подумал? Он ощутил беспокойство, угрозу желанному оцепенению. Звезды потускнели в своей прекрасной глубине, он уже едва различал их, нависший над ним клоч тумана густел на глазах, в нем возникали тени, и то, что напоминало смутное отражение, обретало телесность, становилось лицом.

Значит, так выглядит смерть?

Звезды померкли, и Рыжий вглядывался в проступающие черты, ему больше некуда было смотреть. На него повеяло теплом, и он ощутил вдруг, как ему холодно. К глазам прихлынули слеза, звезды вспыхнули вновь и придвинулись, и обступили его, согревая.

II. Там

Когда Рыжий открыл глаза, был ясный солнечный день. Он лежал посреди небольшой поляны на припеке, и его одежда была липкой от пота. Из золы угасшего костра еще выбивались дымки дотлевающих углей. Какой-то человек стоял поодаль спиной к нему, запрокинув голову и подставив лицо солнцу.

Рыжий вспомнил свое ночное видение. Сейчас, при ярком солнечном свете, оно и осталось лишь видением, незначачим сном. Он не умер – боль в лодыжке, хотя и не сильная, и запах собственного пота делали этот факт неопровержимым.

Все не кончилось.

Рыжий приподнялся на локте, ощутив похрустывание веток: он лежал на ложе из лапника, прикрытого ветхой дерюжкой. Человек обернулся; Рыжий видел его против солнца: темный силуэт, опушённый светящимся ореолом, затененное лицо.

Человек подошел и уронил на Рыжего тень.

Это был Лучезар.

Это не мог быть он.

– Ты умер, – сказал Рыжий.

– Ну, ну... – Человек присел перед ним на корточки.

Это был не тот Лучезар.

Его лицо изменилось – казалось, от долгого стояния под солнцем оно так напиталось светом, что выглядело размытым и сквозь верхний полупрозрачный слой кожи, как сквозь растопленный воск, проступали обновленные, непривычные черты. Нежные в своей свежести, еще не затвердевшие и в то же время более тонкие и одухотворенные, они накладывались на его прежний облик, вызывая ощущение двойственности, неокончателности – как если бы Рыжий застал момент, когда художник, убирая с рисунка случайное и приблизительное, дополняя и акцентируя главное, начитает превращать набросок в портрет. Рыжий словно прозревал будущего Лучезара, еще не состоявшегося, но каким ему предстоит стать.

– Попей, – Лучезар (если это он) поднес к его губам пластиковую бутылку. Он улыбнулся – *двойной* улыбкой, от которой Рыжего пробрала дрожь. Это зрение, подумал он, я смотрю против солнца. Но бутылку он видел ясно – обшарпанную, ту самую.

– Вы же оба... мертвые лежали...

По лицу Лучезара скользнула тень.

– Пей... – Вода была ледяной, Рыжий закашлялся. Когда опять поднял глаза, ощущение двойственности ушло. Лицо Лучезара было прежним – жесткое, простецкое. Он опять подтолкнул бутылку. Рыжий схватился, ощутил его руку. Рука была теплой.

– Мертвые... я видел... – хлюпнул носом. – Подполз... лежите оба...

– Ну, ну...

– В крови, в обнимку... – частил, не отнимал руки. – Я думал... Он стрелял, стрелял... Кровь – фонтаном!..

– Не моя. Дружка его. В шею ему, в артерию...

– А тебя... как же? Он стрелял, стрелял!..

– Рано мне, значит, – вздохнул Лучезар. – Тут уж стреляй не стреляй... Задел, правда, малость. – На плече его брезентовой куртки махрилась краями дырка, зато сама куртка смотрелась теперь почище. – Ничего, заросло уже, рука вот только не очень – зацепило там чего-то. Да тут еще... – Лучезар наклонил голову, и Рыжий разглядел рваную в запекшейся корке проплешину над ухом. – Я и отключился.

– Господи, – ужаснулся Рыжий, – как голова-то не треснула... – прикусил язык.

– Может, и треснула, болит то и дело. Да ну ее, – Лучезар махнул рукой.

– Слушай-ка... – вспомнил Рыжий. – А пистолет там остался – подобрали?

– Ага, Илия вот тоже интересовался. Оба вы... – усмехнулся. – В болоте пистолет, где ему и место. Ты-то как? Нога?

– Поменьше вроде, – Рыжий прислушался, пошевелил с опаской. Лодыжка была стянута тряпкой, толсто намотанной и завязанной узлом. Тряпка была мокрая и теплая, из-под нее торчали пучки какой-то травы.

– Вот и ладно, – Лучезар полил на тряпку из бутылки.

– Что – опять идти? – встрепенулся Рыжий.

– Пришли уже.

– Пришли? Ты же говорил – становье...

– Становье и есть.

– Да где же? – Рыжий сел, закрутил головой. – Лес и лес...

– А ты чего ждал?

– Ну, жильё какое-то... не под кустом же живете?

– А под кустом чем плохо?

Шутит, что ли, подумал Рыжий.

– А люди где? Они тут есть вообще?

– Появился – есть, – пожал плечами Лучезар. – Не появился – нет, значит.

– Как это? – не понял Рыжий. – Вы что, друг другом не интересуетесь?

– Зачем? Мы сюда не в гости друг к другу шли – к свету. К себе, считай.

– Но вот ты же мной интересуешься.

– Тебе помощь нужна.

– Помощь? – Рыжий немного обиделся. Ему казалось, после пережитого ими вместе он вправе рассчитывать на нечто большее, чем дежурное сочувствие.

– Ну да... – Лучезар помялся. – Опять же, виноват я перед тобой.

Обманом завлек, видишь, как вышло...

– Обманом? Как это?

– Ну, надо было сказать, куда идем.

– Так ты и сказал.

– Это уж потом... а надо было сразу. А сперва-то ты думал, мы на станцию идем. Получается, не сам ты путь выбрал, сбил я тебя. А не сбей, глядишь, по-другому бы все легло...

– То есть надо было бросить меня, так, что ли?

– Зачем бросить? Только я не с того начал. С обмана начал. Вот и выходит, что не сам ты сюда пришел, не своим путем.

– Да какая разница...

– Разница? А вот подумай-ка – скажи я тебе сразу, куда идем, ты бы согласился? Нет, конечно. Не поверил бы, заартачился, вопросы стал задавать. Еще и сам побрел бы – до своей станции... пока не свалился. Не так разве?

– Ну, наверное, – пожал плечами Рыжий. – Время бы потеряли.

– Вот! Так и надо было – чтобы потеряли. Пока дошло бы до тебя да смирился бы, да пока дотащились бы до вырубка – может, и вовсе к вечеру... И не было бы там рейдеров.

– С чего ты решил?

– Не было бы, – повторил Лучезар, с тихой тоской, с верой. – Мой грех, мой! А где один – там и второй на хвосте. Возгордился, поучать вздумал – чутье и отшибло. Не услышал я их... вот и наскочили. Все одно к одному.

– Да ладно, – Рыжего уже тревожило его упрямство. – Ты же как лучше хотел. Пришли и пришли.

– Неправильно пришли, – мотнул головой Лучезар. – На мне вина. И кровь на мне теперь.

– Ты-то тут при чем? Ты же не стрелял. Не поступился принципами, – не удержался Рыжий. – Да и вообще... Один бандит другого угрохал – туда ему и дорога. Жаль, второй живым ушел.

– Ушел-то ушел, а живой ли теперь – мы не знаем. Попал ты в него, на земле кровь осталась. Вот и выходит, стрелял ты, а кровь – на мне. Обоих.

– Да почему?

– Не сбей я тебя с пути, скажи все по правде – и не было бы всего этого. А так...

– Я по своей воле стрелял. И сейчас, если б встретил, не задумался.

– Не готов ты еще к таким встречам, мало пути прошел, только встал на него. А я тебе и срезал его по глупости...

– Да что ты заладил, – разозлился Рыжий, – «сбил, срезал»... Не знаю я никакого пути, может, и нет его.

– Нет пути? – Лучезар помолчал, качнулся на корточках. – Сам-то веришь, что говоришь?

Рыжий запнулся под его взглядом.

– А что тогда есть? – Черты Лучезара опять размывались, будто в зеркале, замутненном дыханием... и тут же это ощущение ушло. Словно кто-то провел по стеклу невидимой тряпкой; лицо стало прежним, привычным. Только выражение глаз казалось незнакомым (или раньше не замечал?) – каким-то невозможным сочетанием светлой, щемящей детскости и искушенной, старческой нездешности. – Что ж тогда остается?

Сумасшедший, толкнулась усталая мысль и тут же отлетела. Рыжий вдруг понял, о чем Лучезар. Действительно – что остается? Путь, любой, – хоть куда-то да ведет. А нет пути – нет и выхода из окружающей бессмыслицы. Нет смысла. Но стоит допустить, что есть путь, – тогда есть и смысл какой-то есть, должен быть. Вот только знать бы еще – куда путь и кто его человеку назначает... И смысл – *чей?*..

– Дошло, что ли? – Лучезар улыбнулся, словно разделяя с Рыжим радость его догадки. И тут же посуровел, закрепляя урок: – Не было б пути – и тебя здесь не было бы. Не дошел бы.

– Но ты же сам говоришь – сбил... – уже не спорил – пытался зацепиться, удержать понимание Рыжий. – Как же тогда – дошел?

– Совсем-то сбить нельзя, если уже идет человек. Сам-то он может заблудить, а со стороны – нет, никак. Путь он и есть путь, его не перегнешь. Сдвинуть только, скривить – так путь все равно, как пружина, вывернет да хлестанет – мало не покажется. Да туда же и приведет. Вот я влез по дурости – и что? Все равно ты тут. А уж куда как дело повернулось – так бы, гляди, и лежать нам обоим на вырубке! Нет же, дошли. Какой ценой вот только... С обмана началось – кровью кончилось. Если кончилось...

Рыжий хотел возразить, но Лучезар резко поднялся, махнул рукой, обрывая тему:

– Ладно, это уж на мне. Есть хочешь?

– Ага. Только... – Рыжий замялся. – А что у тебя? Грибы опять?

– Так хочешь или нет?

Рыжий с недоумением вслушался в себя. Только что казалось, он готов камень проглотить, – во рту еще рассасывался вкус голодной слюны. Но теперь это ощущение ушло. Желудок был пустым (а каким

ему быть?), но голода он не ощущал – скорее легкость, правильную, ладную легкость.

– Странно, – пробормотал он, – только что хотел...

– Хотел? Или думал, что хотел?

– Что значит «думал»?

– Я же объяснял – ум дальше брюха не видит. Вот ты про голод не вспоминал, пока я не спросил. А как спросил – ум и хватился: мать честная, в брюхе-то пусто! Давай вспоминать – когда же ел последний раз? Три дня назад, и всего-то два грибка каких-то! Караул, как жив-то еще! Не ел – значит, голодный, – чего еще от ума ждать? – Лучезар хмыкнул.

– «Ум, ум»... Если так, почему же расхотелось?

– А потому что и не хотел ты на самом деле. Как вслушался в себя – ум и отступил, а тело правду сказало. Это хорошо, – одобрил Лучезар, – отступает, значит, ум-то.

– Тебя послушать – так ум только мешает.

– Не ум мешает – спесь его. Пусть свое место знает. Не он главный.

– А что главное?

– Свет.

– Свет... – Рыжий пытался осмыслить, что-то отвлекало. – Постой-ка, – спохватился. – Грибы – три дня назад? Это же вчера было!

– Что, опять ничего не помнишь?

Рыжий помолчал.

– Ну, сон вроде, – буркнул наконец. – Умер я будто. Бред какой-то...

Ну так бред и есть – я же болею, да?

– Как скажешь, так и будет, – пожал плечами Лучезар. – Если ума слушаться, будешь болеть.

– Опять двадцать пять! – разозлился Рыжий. – Тут никакого ума не надо – ногу повернул да еще простыл, наверное, – вот и воспаление, жар... Стресс в конце концов. И сейчас вот еще нога... – Он споткнулся под взглядом Лучезара. – В чем дело?

– Встань-ка, – сказал тот странным голосом. – Только медленно.

– Что еще?

– Все, поздно уже... – Лучезар закаменел, смотрел Рыжему за спину. – Тихо! – прошептал он. – Замри, не оборачивайся.

– Да что там? – занервничал Рыжий. – Рейдеры, что ли?

– Гадюка. Подползает... Под тобой уже.

– Гадюка?... – Рыжий взметнулся с земли и, едва не сбив Лучезара, оказался за его спиной. – Где? – подхватил какую-то хворостину.

– Уползла. Как нога-то?

– Нога? – Рыжий не сразу понял – все шарил взглядом по земле. – Да ничего вроде... – Переступил, проверяя. Вскинул глаза. – Так ты это... нарочно?! Не было никакой змеи?

– Почему не было? Уползла, говорю. Напугал ты ее. Она познакомиться приходила. Всех тут знает, а тебя еще нет.

– Как это – знает? Ручная, что ли? Так чего ж ты пугал – «замри, не шевелись»?..

– Да наоборот, предупредить хотел, чтоб ты не пугался. А ты – сразу за палку хвататься.

– Схватишься тут, – пробурчал Рыжий. Поколебавшись, бросил хворостину. Он все равно подозревал Лучезара в розыгрыше, этаким шоковой терапией, «лечении стрессом». Чего-чего, а стрессов в последние дни отхватил столько, что хватит всю жизнь не хворать.

– Слушай, а вроде и не болит... Рыжий прошелся туда-сюда, при-топнул для верности. – Так, чуть-чуть... – Но это была скорее память о боли, чем сама боль. Размотал тряпку, смахнул размочаленную траву: припухлость на лодыжке почти исчезла. Странно, в городе с такой травмой просидел бы на больничном не одну неделю, да еще с тросточкой таскался бы в поликлинику на рентген.

Все было странно: и чудом спасшийся, какой-то новый Лучезар, и это непонятное отсутствие голода... Опять наплывало ощущение нереальности.

И это *становье*, где кроме них – никого. Ничего?

– Ну, пошли, – Лучезар повернулся, – заселим тебя.

– Под куст, что ли? – пробурчал Рыжий. Двинувшись следом, различил у опушки что-то вроде груды строительного мусора; по мере приближения в ней стали угадываться очертания какого-то низенького строеньица. – А, так там домушка у вас? Выходит, все же надо где-то жить?

– Надо, надо, – не то подбодрил, не то посочувствовал Лучезар. – Тебе еще надо...

В домушку Рыжий заселялся ползком. Она оказалась лачужкой, шалашом, крытым кусками битого шифера и обрывками рубероида, накиданными на деревянный каркас. Кровельного материала строителям не хватило, прорехи закрыли лапником. Но хоть какая-то крыша. Рыжий даже ощутил нечто вроде жалкого умиления, словно нащупал хоть какую-то опору в зыбкости мира. Развернулся внутри на четвереньках, стараясь не стукнуться головой. Удивился, что вместо жердей использовались здесь какие-то обгорелые доски и обломки брусьев с загнутыми ржавыми гвоздями.

– Из деревни, – пояснил снаружи Лучезар. – Разобрали там малость...

– Охота была таскаться. В лесу жердей бы нарезали.

– Лес живой, чего его попусту резать?

– А лапник ломать не жалко? – не удержался Рыжий.

– Ветка не дерево. С каждой елки понемногу – не страшно.

– Выходит, дерево резать нельзя, а чужое ломать можно.

– Так пустая деревня-то.

– Разъехались, что ли?

– Кто разъехался, кто как.

Пустая... Рыжий вдруг ощутил себя Ниф-Нифом в соломенном доми-ке, окружающий мир волком скалился снаружи, припав на передние лапы.

– Рейдеры? – спросил он севшим голосом. Он видел только ноги Лучезара; тот не ответил, может, кивнул. Или не расслышал.

– Все равно, – цеплялся Рыжий, сам не знал за что, – там же дом чей-то, хозяева где-нибудь...

– Нет дома, сгорел. И хозяев больше нет никаких. Вообще нет. У кого ствол, тот и хозяин.

– Ну не везде же!

– Везде.

– Не может быть! Это у вас тут все... не как у людей! – Слова выплеснули сами, он пожалел, но клапан уже сорвало. – Стволы, рейдеры, деревни пустые... трупы на опорах вешаете!.. Не жизнь, а... бред какой-то! («Фоллаут», – едва не сказал.)

Лучезар присел у входа на корточки.

– А у вас по-другому? Как у людей? – спросил он легко, и Рыжий натолкнулся на эту легкость, как на стену. Словно и не было разговоров

про отшибленную память Рыжего, словно знал Лучезар с самого начала, просто играли оба в игру, а игра и кончилась.

– У нас все нормально, – не знал, что еще сказать.

– Ну да, ну да, – покивал Лучезар. – То-то от вас рейдеры и лезут. От счастья, надо быть.

– При чем тут рейдеры? Это у вас они тут...

– Так у нас-то они откуда? От вас и лезут, как тараканы в щель.

– Да что значит «от нас»? Говоришь, будто я из другого мира...

– А так и есть. Только нет у вас никакого мира.

– Как нет? Куда ж он делся?

– А сгрызли. Теперь друг за друга взялись. Вот дожрете, и...

– Постой... ты сам-то понимаешь? А я тогда откуда? Ну, экология, ясно, цунами там всякие... то самолет упадет, то потряхнет где-нибудь, ну, цены растут – жизнь не сахар, конечно... Но жить-то можно. Ну газ взорвется, террористы опять же... Да вообще отморозков разных хватает, но чтоб так вот – деревни жечь?.. Нет у нас такого! И электрички ходят...

Чушь какая-то, поразился себе Рыжий. Какие электрички? Ржавые рельсы – сам же видел, шупал! С чем спорит? что доказывает? – не знал уже.

– И никто не жрет никого... – добавил без уверенности.

Лучезар подумал.

– Значит, не застал еще.

– Как не застал?

– А выпал вовремя. Путь тебе такой.

– Выпал? – пробормотал Рыжий. (Вспомнился прыжок из электрички, гул в ушах...) – Из мира, что ли? А когда выпал, он и рухнул? И друг друга жрать стали? После меня, так понимать?

Лучезар отмахнулся с досадой.

– А нечего понимать. Смирись, и все. Не ты первый.

– В смысле? Еще кто-то... выпал? Тоже из электрички?

– Дались тебе эти электрички. Нет, этот из болота вылез..

– Это как?

– Любил по лесам на велосипеде кататься. Закружил между болотин и решил путь срезать. Там, дескать, всего ничего было перейти-то. Он и перешел почти, да с головой и ухнул. Велосипед утопил, но тот его и спас. Успел от рамы оттолкнуться, уцепился за ветку, выполз. На станочье набрел. В начале лета это было.

– Так он здесь?

– Не прижился. Сперва-то понравилось, даже не больно удивился. Решил, мы тут медитациями занимаемся на природе. Особенно насчет травки, питания нашего, одобрил. Я, говорит, сам вегетарианец и сыроед, и в Интернете у меня подписчиков тьма, опытом делюсь, помогаю продвигаться. И давно подозреваю, что есть вообще необязательно. Вот соберусь и тоже брошу. Пожить бы тут с вами, да в понедельник в город надо на работу. А уж как неохота! Так все обрыдло, все текучка да суета, а жизнь проходит, а хочется другого, просветления, значит. Я, мол, чувствую, что созрел, и то, что из болота спасся и к вам попал, – это мне знак. Надо вот только усилие сделать, паутину стряхнуть. Лет под сорок ему, говорливый, смазливенький такой. И имя этакое – Божен. В кино, говорит, снимаюсь, в массовках пока, но роль давно обещают, вот-вот дадут. Говорит-говорит, а сам расческу достанет и глазами туда-сюда – во что бы поглядеться. Да откуда у нас? У него-то зеркальце было, да в болоте потерял. Пальцами пробор нащупает и расческой разведет. Скучал он по зеркальцу-то...

– Да черт с ним, с зеркальцем! Дальше-то что?

– Вот я и говорю, – с нажимом повторил Лучезар, – скучал он по зеркальцу. По отражению своему, значит. А пуще по суете скучал. По миру своему. Оттого и не поверил, что нет его больше. То ли за шутку принял, то ли за притчу какую, а может, нас за сумасшедших. Ну, чего ж спорить... Стал он возвращаться. На другой день попрощался, пошел к шоссе с утра. Ночью вернулся, сам не свой, видно, что уже и нас ему боязно, да одному – еще страшней. Травки с нами пожевал, водички попил и между делом так: ну и места у вас тут. – Какие места? – Да уж больно дикие, говорит, и ждет, что скажем. А что тут скажешь – так и есть, заживает природа, затягивает раны, и слава богу. Он бы еще спросил, да боится опять услышать, что нет больше его мира, кончился. Поверить боится. Только спросил, чего костер не разведете? – А зачем, тепло же. Но если замерз, разведем. – Да нет, говорит, не надо, так даже уютнее.

– А что он видел, спросили? Почему вернулся?

– Чего спрашивать, и так ясно. Из леса выбрался, дошел до трассы по грунтовке, там деревня горелая, за ней еще такая же. Из шоссе трава лезет, но следы, может, и видел свежие. Пошел по трассе машину ловить. Повезло, что не поймал, а то бы точно не вернулся – по первому теплу они часто ездили, оголодали за зиму-то. Дошел до развилки, а там труп на висит... ну, что еще вороны не растаскали. Вот и вернулся.

– Он про рейдеров знал?

– Сказали, да ведь сразу как поверишь? А тут этот труп, да птицы... видно, проняло его. Только, думаю, не в страхе одно дело. Путь его вернул, удержаться пытался, направить. Но не сдюжил Божен, не внял. Сбежать хотел. На другой день опять ушел. К вечеру вернулся – смурной, тихий. Сныти пожевал и просит: между лопаток что-то чешется, не глянете? Глянули, ссадина, небольшая – видать, когда из болота вылезал да по лесу шарахался. Сейчас, говорим, Синец живицей намажет или травку какую приложит – он спец по этой части. Только Синец ему не глянулся – на врача никак не похож; видать, побоялся, что заразу ему какую-нибудь занесет. А йоду, говорит, нет у вас? Ну какой у нас йод. А ладно, само зарастет. И еще усмехнулся, грустно так: это у меня тут с вами крылья стали расти. Мы еще подумали – это он шутит так, от неловкости, чтобы сгладить, значит...

Наутро мыкался по становью, тусклый, нечесаный. Про расческу забыл уже. От сныти отказался, не лезет, мол, чего-то хочется другого... не сказал, чего. Такой вот сыроед. Ну, авокадо с бананами у нас не растут. За пару дней он совсем с лица спал. Глаза ввалились, щурятся, словно затаились. И все между лопаток поскрести норовит, со смешочком: гляньте, крылья еще не показались? – Да ничего, подживает, не чеши только, зарастет.

Опять засобирался, про дороги стал спрашивать. Будто мы сюда по дорогам приехали и по ним вернуться можно... Мы ему: не ищи чего нет, смирись, а там – жизнь подскажет. Он вздохнул: может, и правда, остаться, не дергаться?

Но опять его как шилом в задницу: да вы что, ребята! У меня работа! Без меня форум чахнет, посещаемость падает! В пятницу массовка, не дай бог пропущу, да и роль другому отдадут! Хоть тресни, а надо выбираться! На железную дорогу пойду – она-то точно работает, поезда даже в войну ходить должны. Приободрился так, расческу достал и по волосам заерзал. Будто с волосами морок из головы выдирал. Вот, мол, дела все подчищу, отпуск возьму и сюда к вам, с нужным настроем, значит. Вы еще тут будете?

Так ничего и не понял.

Вернулся через сутки, умотанный, палка при нем сучковатая, вроде тросточки, значит. На лапник бухнулся. Травку будешь, спрашиваем, или поел уже? – А вы как догадались? Рот потер и за расческу, пух из волос вычесывать. Да что там пух, запах от него...

Гнездо нашел, спрашиваем, птенцами оскоромился? Он только рукой махнул: сами же говорите, весь мир рухнул, что уж тут до птенцов каких-то. Устал я от травы, есть хочу, а тут на гнездо набрел. Жизнь подскажет – ваши же слова? Вот и подсказала... И палкой своей спину чешет, там сучок торчит, как раз для удобства... Давай, говорим, спину все же помажем. Он рубашку с плеч стянул, там разодрано в кровь. Потерпел бы чесать-то, корке зарости не даешь. Так зудит, говорит, как тут утерпишь... будто клещ какой впился.

Утром встал – блеск в глазах. Пойду, мол. Мы не спрашиваем, он бормочет сам себе: выберусь, все равно выберусь, я упертый, я теперь знаю, куда надо идти. И травы вашей не надо, сам добуду... И клюкой своей, сучком, чешет между лопаток: там точно клещ, говорит, я чувствую. А рубашка на спине уже прорвана и на кровь липнет. Давай еще помажем. – Чего клеща мазать, черт с ним, дотерплю, вечером дома буду, пусть его в поликлинике вытащат по всем правилам. Я теперь знаю, куда выбираться. И ушел, и с концами.

– С концами? А куда, неизвестно?

– В болото. Клюку его там нашли, которой чесался.

– В болото? – растерянно переспросил Рыжий. – Совсем?.. Ну в смысле... а не мог он велосипед вытащить и на нем уехать?

– Один-то? Мы втроем насилиу подняли – еще на второй день, пока он на шоссе ходил. Полдня шестами тыкали да тащили... проверить, не врет ли. Не соврал. Только не уедешь на этом велосипеде никуда – ржавый весь, колеса не крутятся. Так и бросили назад.

– Когда же он успел заржаветь? Ты же говоришь – на второй день...

Ржавые рельсы, с тоской подумал Рыжий.

– Может, все же выбрался?

– Может, и выбрался, – пожал плечами Лучезар. – Куда вот только? Клюка концом на кочке лежала, и мох разодран. Цеплялся, видать, сучком-то...

– Что ж вы его отпустили, не удержали?

– Зачем? Мы же видели – он от нас убежал, будто проснуться пытался. Будто выйдет он на железку, а там тебе поезда да электрички – пожалте садиться. Не мог он здесь оставаться. Ну, не нам судить.

– Да чего тут судить – то него крылья режутся, то клещ... Ясно же, человек не в себе.

– Ясно? – Лучезар смотрел чуть не с жалостью. – Ничего тебе не ясно.

– А тебе?

– А мне ясно, что чуял он, душа его чуяла. И то, что на болоте выжил, и что в станowie попал, и про крылья – это все не зря. Удержись он на пути, может, и были бы крылья. А так... отступился, сошел – вот и вышел клещ.

– Вместо крыльев? Клещ? – поразился Рыжий.

– Вместо, не вместо – не знаю. Вроде клещи тоже с крыльями бьются, лосиные, что ли... Да тут тебе школа, не кабинет биологии, тут всего жди.

– Так он вправду был? Чего же не вытащили?

– Нельзя было вытащить, рано. Не созрел он еще, не явился.

– Постой, постой, – совсем запутался Рыжий. – В каком смысле «не явился» – не материализовался, что ли? Как же ты его увидел?
– Не я. Рано мне видеть. Надежда увидела. Она может.
– Надежда? Экстрасенс, что ли? У вас и такая есть?
– Надежда всегда есть... И сейчас, если оглянуться.
Рыжий высунулся из шалаша.

К ним шла невысокая женщина в обвисшем свитере и застиранных до серости брюках милитари. Слишком просторная, словно с чужого плеча одежда колыхалось при ходьбе, ноги в сбитых ботинках ступали с такой невесомой легкостью, будто земная твердь сама стелилась ей навстречу. Женщина остановилась перед шалашом, и на какой-то миг Рыжему почудилось, что воздух потускнел, словно на солнце набежала тучка. Женщина стояла неподвижно, а ее одежда все колыхалось на фоне поблекшего леса, будто на неощутимом ветерке, сливаясь с дрожью померкшей листвы. Ему почудилось: она просто одета в листву или погружена в этот лес, как часть его, как дерево, принявшее человеческий облик.

– Кутенок, – вздохнула она, как над малым ребенком, – ну прямо кутенок в конуре!..

Провела рукой по волосам Рыжего, он не успел отстраниться.

– Чего это?.. – пробурчал он и сам испытал жалость к себе, за свое беспомощное ворчание, за этот нелепый шалаш, куда он забился и теперь по-собачьи, на четвереньках, выглядывает, за внезапное желание прильнуть к этой руке, легкой и теплой.

– Не кутенок, выше бери, – хмыкнул Лучезар. – Лис матерый, Елисей... да.

– Лисенок, – вздохнула женщина. – Отбился, малыш...

– Еще как отбился – дым столбом.

– Отбился, да не прибился. – Женщина опустила перед Рыжим на корточки, как делают взрослые, общаясь с детьми. – Что, не отпускает старый мир? От него пистолетом не отобьешься, а?

Ее лицо вблизи ускользало, словно прячась в тенях мельтешащей листвы. Волосы, плотные, серые какой-то металлической, не старящей ее сединой, давили на плечи тяжелыми пластами. Глаза бледно-голубые, как просветы в листве, – тянуло смотреть в эти глаза. И тогда лицо уходило совсем, казалось, он смотрит в пустоту, гулкую, влекущую, и вот-вот пронзит ее взглядом насквозь и увидит... поймет...

Ударилась мысль, что эта женщина – иллюзия. Мираж, на фоне которого этот нынешний мир вокруг обретает устойчивость, становится реальностью. Но тогда прежний, родной его мир... Он поймал себя на том, что впервые подумал обо всем, что была до электрички, как о чем-то не просто былом – несуществующем. Он словно падал, падал – глаза этой женщины, в гулкую пустоту...

Оторвал взгляд.

Лишь зыбкое марево перед глазами – дрожание воздуха? лиственной озноб?..

– Что это?.. – он повернулся к Лучезару. – Где...

Лучезар исчезал. Рыжий видел лишь контур стоящего над ним человека, фигуру, слепленную из тени. Она еще сохраняла объем, но он не различал ни лица, ни складок одежды. Тень колебалась на фоне листвы, и листва уже проступала сквозь нее.

Лучезар – то, что осталось от Лучезара и растворялось, исчезало на глазах, – протянул руку в успокоительном жесте. Рыжий отпрянул, рука

замерла в воздухе, но что-то коснулось его лба. Он ударился затылком о брус, и тень стала светом, и в мгновенной вспышке он увидел обоих, Надежду и Лучезара, их склоненные лица в солнечном ореоле, такие светлые и прекрасные, каких не бывает у людей. Его сердце захлебнулось тоской; они не могли быть ничем иным – только видением.

Рыжий зажмурился. Теплая ладонь уже легла ему на веки.

– Не бойся, Лисенок. (Надежда – ее голос, ее ладонь.) Только не бойся. Не открывай глаза...

Он и не хотел.

– Не открывай, не спеши... – Голос шуршал, как листья на ветру. Он попытался вспомнить ее лицо, каким оно привиделось в полыхнувшей вспышке, и не смог, и защемило в груди несбыточным, зовущим. – Главное, не бойся. Иначе упадешь. Просто прими.

– Но я не знаю, что...

– Все. Все прими – и поймешь.

Да, он, кажется, понимал... затаившись вот здесь, в темноте, под ее теплой ладонью, – понимал. Но стоит открыть глаза – мир вернется. Чужой мир.

твой мир, – прозвучало? подумалось? *теперь твой. прими*

– Вы здесь? – спросил он. – Куда вы исчезали? Что с вами было?

– Не с нами, с тобой, – сказала Надежда. – Ты испугался и потерял нас. Чего ты испугался?

Безумия, подумал он.

– Я смирился, – сказал он вслух.

...с безумием? Какая разница. В конце концов любой из этих двух миров – прошлый и нынешний, – безумен, если смотреть из другого. Все дело в том, где ты сейчас, который из них принимаешь своим. Эта мысль была тоже безумной, но в ней скрывалась какая-то абсурдная, непостижимая правда. Выбери любой?.. Рыжий едва не рассмеялся. А у тебя есть выбор?

– Я принимаю, – проговорил он.

– Открой глаза, – Надежда отняла руку. – Теперь можно.

Они были здесь, те же, словно и не исчезали.

– Ты сказала, что я упаду... куда?

– Туда, откуда поднялся. Откуда нас не видно. Ты начал соскальзывать, назад, к себе прежнему, и зрение стало меркнуть.

– К прежнему? Лучезара я вижу так же, как и раньше...

– Потому что вы оба изменились с тех пор, как встретились, – кивнула Надежда. – Поднялись – оба, вместе.

– «Поднялись» – это в смысле продвинулись? к свету, что ли? Но почему – я и не думал ни о чем таком...

– Опять за свое, – вздохнул Лучезар. – Если б ты думал там, на вырубке – там бы и остались оба.

– Погоди, – не поспевал Рыжий. – С тобой ладно, ты хоть знаешь, куда стремишься, не ешь вот... непотивление у тебя и все такое. Убивать тебе нельзя – ты и не стал, сам на ствол пошел. Ну, и просветлился, тут хоть понять можно... Но я-то в человека стрелял, может, убил даже! Это же грех – какое тут просветление?

– Грех, не грех... – проворчал Лучезар. – Умствуешь все, правил ищешь. По-твоему, решил только: буду делать так, потому что так правильно, – и к свету придешь?

– А как же еще – не вслепую же?

– Не от поступков свет, – сказала Надежда. – Поступки от света. Свет путь тебе озаряет, чтобы не заплутал на развилках. А путь у каждого

свой, и вдаль его не разглядишь – дай бог под ногами, сейчас не оступиться. И правил нет, лукавы они: сегодня помогут – завтра обманут. И что сегодня грех – завтра долг, а может, и подвиг – по пути твоему.

– Выходит, то, что я стрелял, – это подвиг? Оттого я поднялся?

– Подвиг или нет, сам поймешь, когда сможешь. А поднялся ты не от него. Наоборот – на ступеньку встал, где смог это сделать. Я же говорю – свет нас зовет, путь указывает.

– Не видел я никакого пути, – понурился Рыжий, – не помню такого. И как пистолет схватил, до сих пор не пойму. Я и стрелять-то не умею..

И себя-то не помню... только больно было, жутко. А ты говоришь – свет.
– Свет жестокий бывает. Не ты – он в тебя смотрит, И не отвернешься, не спрячешься. Глаза закроешь – душу знобит.

Да, подумал Рыжий, он видел такой свет – там, на вырубке, когда выл на солнце.

– Вот и короток миг, – продолжила Надежда, – чтобы не ослепли совсем. Полыхнет – и погаснет, но хоть и искра да останется. Ты дальше идешь, а она тлеет, пусть малым светлячком – а все виднее.

– Виднее? Но тебя... – Рыжий помолчал в нерешительности. Что-то все же было не так: силуэт Надежды то являлся четко очерченным, то подергивался дымкой, словно подрагивал на ветерке, и сквозь него опять проступал трепет листвы. Но стоило сместить взгляд в сторону, и ясно виделась застывшие в безветрии ветви кустов и подроста, и поверх – густая масса чащи, тяжелая и непроницаемая, как занавес. – Тебя вот я вижу как-то не очень... почему?

– Раньше бы ты ее совсем не увидел. Далеко она – нам брести и брести, – незнакомая грусть просочилась в голос Лучезара. – А добредем, ее уж и там нет.

– Не загадывай, – мягко отвела Надежда. – Своего пути не знаем, за других подавно.

– Как же так, – затосковал Рыжий, – вы все: путь, путь – а сами его не знаете. Как же идете?

– Так и идем – по шагжку, по искорке. Так и тебе идти, назад-то дороги нету.

– Нету – в смысле...

Рыжий запнулся, страхась вопроса, его бесповоротности.

– Так я уже не вернусь?

Они молчали.

Молчание – все же лучше, чем «нет», подумал он. Но лица обоих были обращены не к нему. Оба смотрели куда-то в сторону – словно кроме них на тесном лесном пятачке возник кто-то еще, и он говорил, а они слушали. Но Рыжий, как ни вглядывался, никого не увидел.

– А теперь спи, – сказала Надежда.

Они с Лучезаром вновь смотрели на Рыжего.

– Тут кто-то еще?..

– Странник.

– Он все время был здесь? Он еще?..

– Спи, – повторила Надежда, поднимаясь. – Тебе надо много спать.

Рыжий заполз в свою будку.

Рыжий проснулся в потемках: кто-то, присев у входа, смотрел на него.

– Не спишь? – Голос тусклый, незнакомый. – Поболтаем?

Рыжий выбрался из будки.

– Привет, вообще-то.

В непоздних еще сумерках разглядел лицо незнакомца, жесткое, упрямое.

– Привет... Лис. Как самочувствие?

Незнакомец говорил с некоторой заминкой, словно подбирая слова попроще. Это раздражало и настораживало.

– А ты кто?

– Я-то?.. Я – Илия.

Он произнес имя медленно, по слогам, и прозвучало странно – не то потаенным вопросом, не то каламбуром. Может, надо улыбнуться, подумал Рыжий. Но взгляд собеседника застыл на его лице, холодный, колючий, как у птицы, готовой клюнуть.

– Илья? – переспросил Рыжий, скрывая замешательство.

– И-ли-я. Мое имя – Илия, – повторил новый знакомец с тихой многозначительностью. – Теперешнее имя.

– А, да, вы же имена себе новые берете. А прежние какие, если не секрет?

– Илья.

– А это не одно и то же? – осторожно спросил Рыжий. – Ну, по смыслу то есть.

– По смыслу-то одно – «сила божья, крепость господня»... Мне это раньше нравилось. – Илия скупо усмехнулся. – «Крепость», «сила» – чего еще желать, верно?

Рыжий кивнул. Илия был пониже Рыжего, в свободно болтающихся джинсах и футболке с длинными рукавами, махрящимися на концах. Крепышом он не выглядел, но в расслабленной позе чудилась какая-то взрывчатость и застывший птичий взгляд вызывал опаску.

– Дальше-то не вникал. А оказалось, внутри смысла – еще один смысл. Знак.

– Знак?

– Ну да. В одном слове два спрятаны.

– Так два и есть, ты же сам перевел. Имя-то еврейское, из Библии вроде.

– Какая разница – из Библии, не из Библии? Я-то русский, что ж мне, свое имя по-еврейски читать, что ли?

Рыжий не нашел что ответить.

– А по-русски, – продолжил Илия, – в моем имени вопрос спрятан. Слышишь?

– Слышу, – признал Рыжий. – Только не пойму, в чем же вопрос. «Или я» – в смысле ты – кто? Или – что? То есть ты – не тот, кем кажешься или кем себя считаешь? А кто же тогда?

Илия молчал, будто сам ждал ответа.

– Есть хочешь? – спросил он вдруг. – Орехи пошли, уже есть можно.

– Орехи?

– Тут недалеко, покажу, – и, не дожидаясь ответа, устремился в чащу.

Едва поспевая за ним, натыкаясь в лесных потемках на кусты и ветки, Рыжий, никак не мог сообразить, зачем он пошел за этим странным человеком, источающим, казалось, запах угрозы, – чтобы не выказать страха? Не за орехами точно – голода он по-прежнему не чувствовал. Или это его ум, о котором без конца твердит Лучезар, при первом упоминании о еде толкнул тело к кормушке?

– Не бойся, – словно прочитал его мысли Илия. – Нормально все.

– Чего это? – буркнул Рыжий, продираясь сквозь какие-то заросли. Но тот словно не слышал.

– Все нормально, – приговаривал Илия, – все путем. – Он проворно огибал кусты и вовремя подныривал под низкие ветки, видимо, хорошо знал здешний лес, и голос его звучал благодушно, как у стоматолога, заверяющего, что больно не будет, ну, может, совсем чуть-чуть. – Немного осталось. Нога не болит?

Нога будто слышала, заныла в голеностопе.

– Ты скажи, если что. Можно и вернуться. Правда, не всегда туда куда хочешь.

От этой дурацкой многозначительности, от бестолковой гонки через чащу Рыжий ощутил себя полным идиотом. Он готов был взбунтоваться.

– Пришли.

Остановились. Впереди было что-то вроде полянки, усеянной ту-склыми лужицами, от них потягивало гнилью. При взгляде на эту тихую темную воду, местами прикрытую ряской, у Рыжего заныло в груди; он понял, что пришли на болото.

– И где орехи? – прозвучало грубее, чем он сам хотел. Но Илия не обиделся.

– А вон, – ткнул пальцем в сторону, – лещина, по краю. Там много. Не провались только. Хочешь, нарву?

– Не хочу.

– Ну ясно, не хочешь.

– Думаешь, боюсь болота этого?

– Не болота, меня боишься.

– Да с чего ты взял?

– Да ладно, не ты первый. Я привык, раньше даже нравилось, да и бизнесу на пользу было. А здесь уже ни к чему.

– Это что ж за бизнес – людей пугать?

– Бизнес как бизнес. Урегулирование конфликтов, если просто сказать.

– Рэкет, что ли?

– Уж сразу и рэкет. Нет, мы клиентов не искали, они сами к нам приходили. Антирэкет скорее.

– Благородный бизнес, значит. И в чем суть?

– А в том, что если ты не дурак и не шибко нервный, то всегда можно заставить человека задуматься. Тут главное – первый запал сбить, пока он дров не наломал. А дальше и поговорить можно.

– Так ты бандитов словами вразумлял?

– Я же говорю – если ты не дурак и не шибко нервный... – повторил Илия медленно, с нажимом.

Подождал.

– Вот ты и задумался, не задираешься уже. Я, конечно, не депутат с языком по колено, но тут много слов и не надо. Главное – сомнение вселить в человека: чтобы почувствовал – стена перед ним, не ушибиться бы.

– Ты что, один этим занимался?

– Когда как. Но и ребята были, тренировались вместе.

– Так ты рукопашник? – догадался Рыжий. – С поясом небось?

– Были и пояса, по молодости гнался. Только пустышки это все – пояса, даны, сертификаты всякие... Вроде бирки, чтобы продаться подо-роже. А я в сенсеи не рвусь, очередную школу изобретать не собираюсь, мне эти фантики ни к чему. Да понимающего человека этим и не купишь. Я серьезного бойца и так сразу вижу, а он – меня. А на стрелках да терках – все эти звания по барабану, там стена нужна. Я и был стеной.

– «Крепость господня», – кивнул Рыжий. – И что, бандиты так сразу и отпадали?

– Не сразу, конечно, разве что совсем мелкота. Как первый пыл собьешь, базар начинается – а вы под кем, да знаешь того, да сего, да ваш клиент по всем понятиям козел последний... Но это уже другая стадия, вялотекущая. Тут от клиента зависит заручками обставиться – в полиции ли, ФСБ, или у других бандитов – уж где ему ближе. А то и мы подсказем, кому занести. Так и жили. Не бедствовали, в общем, но и не нагтели – брали разумно.

Илия присел на облепленный мхом пенек.

– А потом? – Рыжий понял это как приглашение к разговору, пристроился на поваленном стволе напротив.

– А потом как обычно. Во вкус вошли, в клиентов впиваться начали, в бизнес влезать. Только там свои игры, да и времена уже не те, и бизнес стал позубастее. Кто половчей, сумел зацепиться, кто попроче – сжевали. Тот сел, этот скололся... Разбрелись, в общем.

– А ты?

– А мне скучно стало.

– Что – бизнес?

– Вообще все. Вроде чего-то хочется, а чего, уже и не знаешь. И все вокруг чего-то хотят, все за чем-то гонятся, пихают друг друга, хватают, хватают... И я хватал. Была у меня мечта, с детства еще, – белый «мерседес», – ну, купил, поездил – уже и неинтересно. Квартира – заказной дизайн, мебель итальянская... ну ладно, а дальше что? Ага, все дома строят, за городом, – дай и я. Уже и участок присмотрел с домишкой под снос, архитектора нашел... Катилось как-то, по инерции... да и ухнуло. Надежда пришла. И ушла.

– Надежда?

– Ну да, да, – с нетерпением проговорил Илия, – Надежда, жена моя. Та самая – с тобой говорила.

– Так как же ушла, если она тут?

– А я за ней пошел.

III. Илия

Мы как познакомились? Я давно цигуном интересовался, а тут как раз моды пошла на все китайское. И в спортивном клубе, который у нас вроде базы был, мы его опекали, – надумали набрать группу тайцзицюань для чайников. Набрать набрали, а с инструктором что-то не сложилось. Меня и упростили выручить на пару занятий, пока другого найдут. Там ее и встретил.

Тайцзи – штука для драки бесполезная, чтобы на улице применить, надо не один год заниматься, зато смотрится красиво – движение медленные, плавные, как в танце, и названия форм загадочные: «дракон выходит из воды», «аист расправляет крылья», «облака обнимают луну». Женщинам нравится. Они на занятия как на смотрины ходят, во всей красе – штанишки в обтяжку, купальники с колготками. А Надежда в какой-то майке балахончиком, брючки свободные, видно, не особо выбирала, надела, что подвернулось, как в лес за грибами.

Я первые формы показываю, они повторяют – шаг, откат, «поглаживание гривы». С виду ничего сложного, но ни у кого, конечно, не выходит. Тайцзи штука такая, там не в движениях дело, а в том, что их

направляет, во внутреннем ощущении – особой легкости, покоя. Не мешать ему – самое трудное, годами учатся. Но чтобы не мешать – сперва услышать надо. Про то горы книжек написаны – гармония, пустой ум... – Илия махнул рукой. – В общем, все зажатые, а она больше всех, хотя видно – старается. Может, думаю, из-за одежды комплексует, фигуры стесняется – пухленькая такая, взбитая, хотя роста невеликого и тяжелой не кажется. Короче, подошел я к ней и стал легонько движения подправлять, за локоть взял. Она еще больше напряглась, засопела и локоть выдернула.

– Щекотно! – говорит. Смотрит на меня, и в глазах смех, как у девочек. А дама не сказать чтоб юная.

Я, не подумав, ее опять за локоть беру – есть у меня такая черта баранья, я ее за собой знаю и обычно давлю, но тут что-то задел меня ее смех.

– Нет, вы лучше так скажите! – Она опять руку выдергивает и краснеет, как школьница. Как будто я пацан и руки распускаю.

А смотрят на нас.

– Хорошо, – говорю. – Постарайтесь расслабиться, освободите ум...

Ну, и все такое – что уже раз десять тут говорил и опять твержу как пугай. Глуповато как-то. Но надо же китайскую невозмутимость проявлять.

– Ладно, – пытаюсь по-другому, выдумываю на ходу, – давайте так. Толкните меня. А теперь еще раз – только как бы не сами, а представьте, будто это вообще не вы, а что-то иное, невообразимо сильнее нас с вами, перед чем мы пылинки, – толкает меня через ваше тело. Услышите это, впустите силу в себя – она сама все сделает.

Понимаю, что без толку, но как еще скажешь.

– А что представить? – Она смотрит серьезно, старается вникнуть. – Что это за сила?

– Ну, скажем, Космоса. Или Земли.

– Земли? Земля должна вас толкнуть?

– Ну да. Толкайте. Смелее. – Вижу, пора заканчивать, затянулось уже. – Ну, как хотите.

В глазах у нее что-то изменилось, я не успел понять. Она толкнула – я бы улетел, наверное, если б не рефлексы. Успел повернуться, и вскользь прошло, но все равно мотнулся.

– Вот, уже лучше! – киваю, сохраняю лицо, сам думаю: хорош наставник, чуть на полу не оказался от бабьего толчка – то-то реклама клубу. – Занимайтесь, и дело пойдет. Ну, продолжим...

Веду занятие, пытаюсь понять, что это было. На нее не смотрю, но как не смотреть, совсем же не отвернешься. А я периферию хорошо вижу, бойцу без этого никак. У нее по-прежнему ничего не получается – движения такие же деревянные. А я еще след от толчка чувствую, не на коже, внутри. Ощущение такое, будто ее ладони сквозь ребра прошли и чего-то там шевельнули. Лицо ее маячит по краю зрения, белое, облачное какое-то – не женское, девичье лицо. Чудится в ней растерянность, а может, кажется мне.

После занятия в вестибюль вышел – и она из раздевалки...

– Случайно, – догадался Рыжий.

– Ага, – Илия не захотел заметить иронии. – Улыбается, словно я ей тут свидание назначил. Я поинтересовался, как занятия, не тяжело ли. Нет, отвечает, все нормально. А та штука, с толчком, – вообще что-то особенное, так странно... ну, вы понимаете.

– Да, разумеется, – делаю вид, что понимаю, – но тут важны ваши ощущения.

– Ну, я как бы потеряла тело... В него вошло, хлынуло – через ноги, в позвоночник, так ярко, остро... и толкнуло. Как будто я не сама толкнула – я лишь присутствовала, а тело... Тело было не моим.

– Хорошо, – киваю. – И чьим же оно было, кому принадлежало?

– Как – кому? Вы же сами сказали – Земле.

И смотрит растерянно. И вижу, не врет.

Вот так, думаю, – можно полжизни заниматься всякими практиками и книжки читать, и самому обучать, и рассуждать об энергетических каналах, боевых трансах и прочих таких диковинах – и ничего не ощущать. А тут...

– Как ничего? – не понял Рыжий. – А всякие там прана, ци? У вас, у восточников...

– А, – отмахнулся Илия. – Я по молодости тоже все ждал, по ночам на звезды медитировал, – вот сейчас наверху краник отвернут, канал откроется, и хлынет... Потом понял, разговоров больше, сказок красивых. Не то чтобы совсем ничего такого – медитация, конечно, штука хорошая – нужный настрой создать, тело ощутить, релакс опять же. Когда в это углубляешься – сам себя убеждаешь, вроде и вправду начинаешь чувствовать что-то: тепло там, или холодок, или ладони покалывает, но чтобы всерьез... лажа все это. И с бойцами сколько ни говорил – с реальными бойцами, не теоретиками, – то же самое. Спорить никто не спорит, может, что-то такое и есть, книжек же вон сколько написано... Но полагаться на это смешно. Нет – тренировка и только тренировка. Ну и практика, само собой. А остальное – упаковка, фантики для лохов... Так и привык. А тут – на тебе: какая-то дамочка со скуки забрела в зал и так, между делом, к Земле подключилась, как фен в розетку воткнула.

Думаю, может, слишком внушаема? Не в себе малость или что-то такое? Да нет, не похожа она на ущербную и уж точно не восторженная дурочка. Взгляд чистый, спокойный. Сама полновата, оттого и платье свободное, но собой очень даже ничего. Бледновата, правда, – лицо тонкое, прозрачное, как облачко в погожий день... Да и что бы она там ни навывдумывала, толчок-то я на себе ощутил. До сих пор ощущаю.

– Расскажите, – говорю, – еще, подробнее.

– Ну... это как вспышка, только не слепящая, а наоборот. Я, кажется, каждую пылинку в воздухе видела, каждую клеточку ощущала – в себе, в вас...

– Во мне?

– Ну да, – она смешалась, будто что-то лишнее сказала. – Показалось, наверное....

– А сейчас, – спрашиваю, – сейчас что-нибудь чувствуете?

Она смотрит на меня, и взгляд такой, будто теперь я неловкость сказал.

– А вы? Вы не чувствуете?

– Вот так и... – Илия махнул рукой. – Встретились, в общем.

Она тогда с весом боролась. Уже перепробовала аэробику, фитнес, бодифлекс, диеты всякие. К нам пришла по объявлению в газете: там помимо всех прочих плюшек обещалась «коррекция фигуры и веса». Но и тайцзи тоже не привилось – результат нескорый, да и не по натуре ей все эти китайские тонкости, скучно. Тут я ее понимаю, сам прохо-

дил, разные школы пробовал: от джиу до киокушин, китайские стили, вьетнамские... Любая система хороша до поры, но ни одна не окончательна, не рассчитана на конкретного человека. И если человек серьезный, то рано или поздно доходит до края, за которым никто из наставников ничего ему больше дать не может, – дальше только сам. Не все, конечно, доходят, мало таких, да и не каждый из них решится дальше двигаться – боязно в одиночку, мало ли куда забредешь. Еще вернешься ли. Проще в системе остаться, все привычно, отлажено – и ты хоть и винтик, да не из последних. Вот и копят свои даны, смешивают старые школы под новыми вывесками, обставляются учениками...

– А ты дальше пошел? – не утерпел Рыжий. – За край?

– Может, и пошел бы, да не успел. Повели меня.

– Кто повел?

– Надежда. Она и повела. Вот и завела... – Илия замолчал, прислушиваясь к своему, усмехнулся себе же в ответ. – Но это уже потом...

Переехал я к ней, в ее двушку, от развода осталась. Они с мужем полюдски разошлись, он ей чего-то оставил, да еще в одной его рекламной фирмочке числилась, дома тексты сочиняла, переводила. Сыну ее лет двадцать было, сам крутился, жил отдельно с подругой, забегал иногда. Я тоже один, дети при бывшей жене, да взрослые уже... В общем, переехал.

Даже странно – время кругом подлое, а нам хорошо было, спокойно. И дела мои в этом времени шли неплохо.

Я ей предложил: у меня квартира побольше, давай переедем ко мне, а хочешь – сменяемся на одну. Отнекивается:

– Я там все переделать захочу, на свой лад.

– Так переделывай, какие проблемы.

– Ты не понимаешь, не обижайся только. Я ведь женщина, увлекусь, это такое занятие... счастливое. Не ко времени, не главное это.

– А что ж главное?

– Не знаю, ищущу...

Не хочется ей говорить, стесняется, что ли. Я мягко, как могу:

– Ты это про вес? Да не бери в голову. Все эти курсы, биодобавки, диеты экзотические – просто бизнес и больше ничего. Кто придумал, что женщина тощей быть должна? Те, кто на этом деньги зарабатывает. Создают спрос и втюхивают товар. Такая же индустрия, как мода или там лечение наркоманов. А тебе зачем? Здоровье в порядке, вот и будь какой природа создала. Я тебя такой люблю, ты красивая.

(И не вру, правда красивая, а насчет объемов, это как посмотреть. Полная – да, но не грузная, походка легкая, плавная. И лицо тонкое, облачное какое-то... ну, я говорил уже.)

Усмехается:

– Красивая?

– Красивая.

– Красота – это то, как ты меня видишь. Но не то, что ты во мне любишь, не главное, ведь так? Другие вот смотрят – и видят толстуху... значит, не видят того, что ты видишь. А есть ли оно? Может, тебе кажется?

– Да кто это смотрит? Ты только...

– Не перебивай, я не о мужиках, вообще говорю. Я сама себя толстой вижу. Значит, что-то во мне не так, во мне самой. Все ты верно

говоришь – насчет бизнеса, товара и прочее. Я и сама это знаю. Я другого понять не могу, почему этот товар мне не впрок. Сколько всего перебрала, а толку нет. Может, дело тут не в фигуре, не в весе, понимаешь? А в том, главном, что ты один во мне видишь. Может, с этим главным что-то не так? Мне мой вес не тело – душу тяготит. Словно сама душа зажирела и целлюлитные складки под кожу выперли.

– Ну уж, выдумашь, – не нравится мне разговор. – Откуда на душе жиру взяться?

И вдруг мысль дурацкая: «А сам не чувствуешь – на своей?» То ли подумалось, то ли показалось – она меня хочет спросить. Не спросила. И не спросит уж, видно.

– Не знаю, вырос незаметно... а может, всегда был. Жила себе, жила – и вот хватилась. Может – для того и жила?

Соображаю, что сказать; уж больно повело ее куда-то.

– А давай, – предлагаю, – вместе режим установим и строго по нему – пробежечки полегоньку, парилка, питание и все такое. Вдвоем оно веселее будет, точно поможет.

– Ты не понял, – качает головой. – Всю жизнь на диете да упражнения – это опять борьба с телом получается. А дело не в нем, я жизнь на него тратить не собираюсь. Надо чтобы это ушло, и все. И чтоб я дальше жила и не вспоминала, со свободной головой.

– И как же это?

– Есть способ.

– Какой?

– Не есть совсем.

...Илия хлопнул себя по щеке, посмотрел на ладонь.

– Тебя не кусают?

– Нет вроде... – удивился Рыжий; невидимые комары толклись у лица, тыкались в кожу. – Щекочут только.

– А есть хочешь? Орехов?

– Нет.

– Ну да, – вздохнул Илия. – Меня одного здесь и едят. Того, кто ест...

– А тебе хочется?

– Нет. Но ем.

– Через силу что ли? Зачем?

– Из принципа. Все тут продвигаются типа, сами меняются, имена меняют, есть перестают – даже я вот проникся, имя подправил... А потом подумал: надо и меру знать. Я в праведники не мечу, не за тем сюда пришел. И меняться мне ни к чему – хоть что-то от себя сохранить.

Насчет того, чтобы не есть совсем, – это она в Интернете читалась. Я, конечно, слыхал про всяких праноедов и бретерианцев, и таких, кто от Солнца заряжается, но живьем ни одного не встречал.

– Да бог с тобой, – пытаюсь вразумить. – Это ведь тот же чертов бизнес – книжки, курсы, онлайн-консультации. А все эти блоги да форумы – реклама и вранье. Хочется людям чего в их жизни нет, в сказку поиграть, они за аватаркой спрячутся и врут: один, понимаешь, колдун страшной силы, сам себя боится, другой сны вещие видит, этот в астрале чертей гоняет, тому ангелы откровения диктуют... Это как ролевая игра, только на словах, заочная. Еще до того заврут, что и сами верят.

– Врут, конечно... но не все же. Я это чувствую. – Взгляд у нее как у ребенка, который не может взрослому объяснить. – Я должна, понимаешь?

Тут до меня дошло: она давно об этом думает, только сказать не решилась. Боялась, что отговаривать начну. Но раз теперь сказала – значит, все: вбила в голову, не свернешь. Я уже знал, что она такая.

– И что же – просто перестанешь есть? Насовсем?

– Ну, может, не сразу – насовсем. Пока на время. На три недели. Это телу урок, что оно может жить и без еды. Переход как бы, инициация.

– А потом?

– Пока не знаю. Я ведь не ставлю цели – совсем не есть. Просто зависеть не хочу. Дело тут не в еде, понимаешь? Это только средство, шаг куда-то, ступенька.

– А дальше?..

– Не знаю. Что откроется... – И снова глаза как у ребенка, который в витрине игрушку увидел и понимает, что дорогая, и оторваться не может. – Это путь.

Я как могу осторожнее:

– Путь? А если не твой?

– А если не мой, то другого нету.

И я вижу: одно неверное слово – и потеряю ее. Может, не враз, не сейчас, но... Она спорить не станет, а только закроется, пройдет между нами трещинка – и не замазать уже, не зарастить.

– И когда думаешь начать?

– Завтра. Сегодня – с полуночи. Поможешь?

Вот так. Либо я с ней, либо – без нее.

Ладно, успокаиваю себя, пусть начнет, поголодает под моим приглядом. Может, раздумает еще по ходу, а если что – вмешаясь.

– Помогу, конечно. Что нужно – вода дистиллированная? Соки, мед – капать по чуть-чуть?

– Ничего пока. Первая неделя – сухая.

Я чуть не упал.

– Да ты что? Неделю – без воды? Это же невозможно! Любой врач скажет!

– А кто врачу сказал? Другой врач? А тот откуда знает? Из учебников?

– Но есть же примеры...

– Примеры всякие есть...

– Где, в интернете? – Уже сдержаться не могу. – Там, небось, таких, кто святым духом питается, пруд пруди. Ты еще на Христа сошлись! И всему верить?

– Верит человек, во что привык верить, к чему приучили. Сказали врачи: три-четыре дня без воды – и человек умирает. И он умирает – потому что готов умереть, так положено, наука велит. Но ведь не все умирают, есть и другие случаи – по неделе, по полторы. Исключения? А что такое исключение? Выходит, что одному человеку правда, другому – ложь. Все запреты у нас в голове. Пока они там, они – правда. А если их из головы выкинуть, глядишь, и окажутся старой, бывшей правдой, попросту ложью. Вот только выкинуть легко не получается. Глубоко вросли – вырывать надо, с корнем...

Да, думаю, крепко ты себе голову забила. Ясно, что все мои доводы заранее известны и отмечены.

Она вдруг:

– Думаешь, я тебя сейчас убеждаю? Себя... – И улыбка слабая такая, с какой не то прощают, не то прощаются.

Но я прощаться не хочу. Понимаю, со мной или без меня – все равно она это сделает. Ей самой страшно – но сделает. И я своими уговорами

только навредить могу. Когда человек в таком настрое, его одним сомнением легко пошатнуть, погубить даже. Особенно от близкого.

А кто ближе меня?

– Помогу, конечно, все сделаю. – У самого на душе кошки скребут. – Так что готовить-то?

– Себя, – она без улыбки. – Ты не пугайся, главное. Даже если покажется что-нибудь...

– Что покажется?

– Ну, не знаю... За меня не пугайся.

– Да уже боюсь.

– Вот не надо, – она серьезно, так маленьких уговаривают. – Тогда и я испугаюсь. Ты мне светлый нужен.

Неожиданно как-то прозвучало. Нашла, думаю, светлого – один бизнес мой чего стоит. Она его только в общих чертах представляла, в детали я не вдавался, но ведь не школьница, догадывалась, конечно, оттого и не спрашивала. Да дело не в том, какой я там, главное – какой я для нее, верно? А прозвучало так, будто она меня светлым видит и другого не ждет. И нет бы сказать «спокойный» или там «умиротворенный», что ли. А то – «светлый»... Слово вроде как слово, а врасплох меня застало.

– Я эти дни в спальне одна буду. Ты тут на диванчике поживи, ладно? – В щечку чмокнула. – Ну, поздно, пойду. Пожелай мне...

И дверь за собой прикрыла.

И остался я на своем диванчике. Все прислушивался: как там, за стенкой? Тишина. А что там может быть? Посидел-посидел, в мыслях кавардак. Надо разгрести.

Полез в компьютер, чуть не до утра шарился по неедским сайтам да форумам. Там как обычно – одни продвинутых изображают, поучают с важным видом, другие их облизывают, совета просят и как бы верят, – чтобы их тоже по шерстке погладили. Третьи «продвинутых» опровергают и со своими советами лезут. Пересобачатся, потом вспомнят, что все они духовные по самое некуда, – и друг друга сердечками осыпают... Но попадаются и адекватные вроде бы посты, без выпендрежа; некоторые даже врачами представляются, описывают ощущения, симптоматику – выглядит грамотно. Нашел нужные ссылки: да, та самая схема – три недели без еды, первые шесть дней и без воды тоже. Это меня малость обнадежило: по крайней мере, Надежда не первая, кто такие штуки проделывал. И потом, она же сказала, что совсем не есть – такую цель себе на ставит. Три недели – срок, конечно, долгий, а неделя без воды... Может, передумает еще? А самому вдруг неловко от этой мысли – будто поражения ей желаю.

Прилег на диване под утро, слушаю: как там, за стенкой?

Тишина.

Кажется, и во сне слушал...

Я в те дни старался дома быть. Но отлучаться все равно приходилось, бизнес никто не отменял, да и просто три недели дома не просидишь. В магазине выйдешь, чай вдруг кончился, – и сердце не на месте: все думаешь, может, вот сейчас, пока ты тут у кассы топчешься, там с ней что-нибудь... да на кой тебе этот чай!

И дома не спокойнее. Она в спальне, одна, я в гостиной, один. Ничего не готовил, чтобы едой не пахло. Да есть и не хотелось, консервы откроешь, яблоком похрупаешь, и ладно. Вроде хоть какая-то солидарность. Телевизор не включал, от него одно раздражение и в мозгах му-

сор. Не знаешь, чем заняться, тыкаешься в Интернете или в книжку какую-нибудь оставишься, а сам слушаешь...

Редко Надежда прошелестит мимо в ночнушке, в туалет или в ванную рот полоскать, и сразу назад – не хочет, чтобы я ее такой видел. Не утерплю: как, мол, дела? Присядет, улыбнется через силу, и видно, что не до разговоров ей, а только чтобы меня успокоить.

– Сам-то ешь что-нибудь? – Глаза тусклые, голос тусклый, губы сухие, в трещинках.

– Да все нормально, ложись уже... – Встану проводить ее – качнет головой: не надо, сама. С порога улыбнется немощно, глазами, и дверь тихонько прикроет.

И опять тишина.

И мысли точат: а может, ты тупой совсем? Может, вся эта философия про «жир на душе» да про «путь» – только тебя успокоить, а сама – чисто по-женски, похудеть хочет? Чтобы красивей стать и тебе еще больше нравиться? А ты того стоишь? Сидишь дураком, в монитор пялишься, пока она жизнью рискует, дикие эксперименты над собой ставит. Может, сама уже не рада, что затеяла, а остановиться самолюбие не дает. Ждет, что ты вмешаешься, своей мужской властью.

Глупо, конечно, не той она породы, чтобы за мужика цепляться, даже самого любимого. А уж власть, хоть мужская, хоть какая, – это точно не про нее. И стыдно мне от этих мыслей, и опять не по себе.

Случись с ней что – себе не простишь. Помешаешь, собьешь с «пути» – она не простит. Что так, что эдак – все равно предательством пахивает. И сидишь сиднем – что от тебя толку? А что делать-то?

«Светлым» назвала...

На четвертый день пришлось съездить в клуб, собирались по текущему мероприятию. На обратном пути цветы у тетки купил. В квартиру вошел – тишина. И опять мысли: а вдруг с ней что-нибудь? У двери спальни постоял, послушал – тихо. Окликнуть? Может, задремала – разбужу понапрасну... Ладно, загляну потихоньку, цветы же принес.

Дверь приоткрыл – она лежит на кровати, в ночнушке, лицо заострилось, скулы торчат. Форточка настезь, хоть и конец ноября на дворе, в комнате свежо и лимоном пахнет – на прикроватном столике салатница с водой и апельсиновыми корками, под плевательницу приспособлена.

Надежда лежала лицом ко мне, но не шевельнулась, глаза открыты. И выражение в них... Это как если бы человек ночью в окно смотрел, смотрел, все ждал кого-то – да и устал ждать, отошел. Свет в квартире горит, а окно пустое.

Я наклонился, со своими цветами, убедиться, что дышит. Тут в ее глазах что-то отозвалось – тень в окне, вернулась.

– Солнышки... – Губы сухие, шуршат как бумага.

– Что? – тоже шепчу почему-то.

– Ромашки, – выдохнула она с усилием, погромче. – Как солнышки... зимние...

И в лицо мне запах – кислый, тяжелый, с ацетоном. Я и раньше его чувствовал, когда она мимо проходила, но не так сильно, как сейчас, вплотную.

Я уже достаточно подковался, знал, что это организм внутренние запасы сжигает, расщепляет жиры, оттого и запах, так положено. И все равно сердце защемило: что она с собой делает?

Улыбаюсь:

– Ну да, ты же их любишь. Тетка в теплицах, видать, работает, таскает потихоньку.

– В воду поставь.

Я-то их нарочно в пустую вазу сунул: зачем ей вода перед глазами – лишнее мучение. Но сходил, налил.

– Не думай, пить не буду.

– Я и не думал такого.

– Не буду пить, не буду, – повторяет, словно не слышит меня. –
Дождусь...

– Чего дождешься?

– Разрешения.

– Разрешения?

О чем это она?

Смотрит вроде на меня, но взгляд мутный, расфокусированный, будто сквозь меня кого-то еще пытается рассмотреть. Да что с ней?

– Другую вазу возьми, – вдруг слышу. – Высокую, на кухне на шкафу стоит.

Вижу, взгляд у нее прояснился – больной, страдальческий, но теперь прямо на меня, не сквозь. И про вазу – это она точно мне, кому еще? Сходил, поменял. Спрашиваю осторожно:

– Что за разрешение?

– Когда пить можно будет.

– Так по схеме же, на седьмой день с утра...

– Нет, – шепчет, – уже не так. Теперь – как разрешат...

– Кто разрешит? – А сам думаю про тот ее взгляд – сквозь меня. – Ты говорила с кем-то? Он еще тут?

– Ушел. Но придет. Он обещал.

– Кто? – Пытаюсь сообразить: может, чего доброго, с моим бизнесом связано? Крючок на меня готовят – из нее? – Как он вошел? Ты ему открыла?

– Не знаю. Забылась вроде, а потом вижу – он тут стоит. И говорит: так слишком просто – если знаешь, сколько терпеть. Каждому своя мера... твоя еще не отмерена.

– То есть – не на седьмой? Еще позже?

Смотрит, молчит.

– Да как он мог войти? Может, ты сама ему открыла, не помнишь?

Сам пытаюсь вспомнить, как дверь была заперта: на два оборота или только на защелку? – не могу.

– Кто он? Ты его разглядела? Какой из себя?

– Он такой... светлый...

– В смысле, волосы светлые, блондин?

– И волосы светлые... и сам... Зыбкий только, как в мареве...

– В мареве?... – Теперь понятно, думаю: не попей-ка четыре дня – не такое померещится. Тоже, конечно, мало радости, но уж лучше, чем наш контингент.

– По-твоему, приснилось мне? – Она смотрит с надеждой, и я понимаю ее взгляд.

– Конечно, – говорю. – Задремала, вот и привиделось. И не надо никакого разрешения, попейшь в срок, как собиралась. Ты как себя чувствуешь?

– Жарко. Горю.

Я ее руку взял – кожа сухая, шелушится, но не горячая. Об этом я тоже читал у неедов: человека будто печет изнутри, в морозилку готов залезть, а температура нормальная. «Эфирный жар» называется; якобы шлаки выгорают, больные клетки расщепляются и организм обновляется.

– Давай компресс сделаю?

– Нет. – Надежда встает, шатает ее от слабости. – В ванну, под душ...

Отвел я ее, помог в ванну забраться. Она холодный кран отвернула до упора, вода ледяная. – Дальше сама, выйди. – Да ты же еле стоишь, упадешь еще, и будто я тебя всякой не видел. – Нет, говорит, это не то. И слезы наворачиваются – так не терпится ей. Долго плескалась, я под дверь сторожил – вдруг в обморок упадет или еще что. Но вышла она сама, и видно, что полегчало ей. Замерзла? – спрашиваю, – давай под ватное одеяло.

– Какое одеяло! – И лицо тихое, умиротворенное. – Такая чудная водичка... я бы в ней жить могла.

Но пока до кровати дошла, опять погрузилась, будто прежние мысли ее там дожидались.

– Знаешь, – говорит, – что труднее всего? Во рту полоскать. Глотать нельзя, ни капли, и страшно – вдруг само глотнется? За каждый глоток – еще день без воды... И не полоскать нельзя: налет копится, противно.

– Ты молодец, – подбадриваю, – здорово держишься. Ничего, немного осталось, сейчас уже вечер, – два дня, считай.

– Это если по схеме...

– Да конечно по схеме – на седьмой день. А ты сомневаешься? Все из-за того сна?

– А если это не сон? Что если он и вправду приходил – предупредить? А я не послушаюсь, нарушу... и все зря? – Она опять на шепот перешла, слабенькая. – Нет, не могу.

– Да ты что? Когда же теперь пить-то?

– Не могу... – Она будто не слышит. И опять этот взгляд: сквозь меня, мутный, ищущий – и будто не здесь, не в этой в этой комнате, а дальше, словно вообще не в этом мире. Застыл. (Нашел?)

– Он скажет. Он придет. Обещал... – И глаза закрыла. Устала.

Я салатницу взял, воду обновить. В ней шапочки слюны, красные – еще и десны у нее кровоточат... Сполоснул, лимонных корок накрошил, на столик поставил; Надежда вроде бы задремала.

Все пытался вспомнить, как же замок был заперт – как положено, на два оборота, или только на язычок-защелку? Если на защелку – то, может, вправду кто-то в квартире был и, уходя, просто дверь прихлопнул. Но как вошел-то тогда? Надежда впустила? С чего бы – незнакомого? Если спала, то пока он в дверь звонил – а наш звонок мертвого разбудит, – она бы точно в себя пришла и тут уж не забыла бы, как в прихожую брела, как отпирала... А если спец какой замок вскрыл, то с чего бы ему с ней про питье говорить? Будь это кто-то, у кого со мной счеты, – просто так не ушел бы.

Пригрезилось ей.

Нет, точно – на два оборота было закрыто, иначе я бы заметил, когда отпирал, не мог не заметить.

Пригрезилось, пригрезилось.

Только это как ей объяснить, пока жаждой себя не уморила?

Не знаю, не могу придумать.

На другой день она раза три в ванную выбиралась. Я настороже, зашевелилась за стеной – встает, значит. Дверь откроет, качнется за порог; я уж рядом, поддержать если что. Она ручку отпустит и бредет через гостиную – волосы спутаны, глаза запали, черным обведены, смотрит перед собой. Как через пустыню бредет – одна, без дороги, за миражом.

Наплещется, выйдет счастливая, глаза искрятся, то ли от слез, то ли от воды, – только что не мурлычет. Но недолго: в спальне присядет поникшая, откинется на кровать – медленно, со вздохом, будто в сумерки уплывает.

Раз обронила:

– Господи, ну почему мне так тяжело? У других все легче проходит...

Я на нее смотрю и о том же думаю. И все меньше верю этим докам на неедских форумах: врут, врут! сказками друг дружку ублажают! Просто игра такая – вроде секса в чате. Точит меня эта мысль, но Надежде как сказать? Я дипломатично заезжаю:

– Может, они постепенно начинали – по дню-два? Да наверняка. А ты без практики – да сразу на неделю. Может, и тебе на первый раз...

– Нет. – К стене отвернулась. – Не говори дальше, пожалуйста... Ты мне светлый нужен.

Опять это слово – как занозу всадила. Вдруг подумалось: если я не светлый, то какой? Темный, что ли? Тот, кто искушает? А я – не искушаю? Сам уже не знаю, и точит меня эта мысль.

– Я должна, – шелестит Надежда и в стену смотрит. – Не потому что уже пройденного, этих дней, этих мук жалко... не в них дело. Это не в магазине: оплатил – получи. Тут главное – не в жертве, не в страдании, а в готовности к ним – без оглядки, без счета... Я не знаю уже, что получу, что хочу получить, но – готова... Потому что чувствую... или верю? – не знаю, все равно... что должна, что так правильно. Ясность такая... Это дороже того, что я получу или не получу... или чем там все кончится... – Во рту у нее пересохло, пытается сглотнуть, а слюны нет.

Я не спорю, без толку – уже не свернешь ее, еще и в отступники попадешь. Тогда замкнется, совсем одна останется... в своей ясности.

До волос ее дотронулся, по щеке тихонько глажу: кожа шуршит, как лист сухой, – сердце щемит.

– Я с тобой, – говорю. – Только смотреть тяжело, как ты каждый раз на кровать будто в землю ложишься.

– А что земля? – Надежда лицом повернулась, и улыбка на губах, слабая, тлеющая. – Земля нас с тобой соединила, помнишь?..

Это она о том занятии по тайцзи, где мы впервые встретились.

– Помню.

– Чего ж ее бояться? Земля – мать, благословила... Спасибо ей.

Утешила.

На седьмой день еще до рассвета лежу на своем диванчике, слушаю – как там за стенкой? Не проснулась еще?

Сам спал паршиво, мысли мутные. Если бы не это ее видение, ей сейчас уже пить можно... вот бы гора с плеч! Что впереди еще две недели без еды – уже ерундой кажется, семечками, – лишь бы пила. Наверняка она сейчас лежит и о том же думает. Колеблется, мучится... Зайти? Подтолкнуть? Это искушение будет?

«Ты мне светлый нужен...»

А сейчас я какой? И почему она того, из видения, светлым назвала – в каком смысле? И опять: а было ли это видением? а если – нет?

Рассвело, а Надежда не выходит. Десять часов. Одиннадцать...

И вдруг всхлипнул кто-то. Меня как снесло с дивана; вскочил – откуда звук? из прихожей вроде?..

Вот опять: «тили-тили» – жалобно так, по-детски... Тьфу – это же Надеждин телефон разрядился. Надо же так себя накрутить – телефон жены не узнал. Сам ей выбирал, сам настраивал... да я сто раз его слышал!

Пока шел за ним в прихожую, искал зарядник – опять этот звук... Да нет же – другой!.. Не телефон – сирена экстренной службы. Заняла и оборвалась – словно ее включили и тут же выключили, где-то неподалеку.

Я вышел на лоджию – она застеклена, но сектор обзора больше, чем из окна. Фургончик скорой замер на переходе у ближайшего перекрестка. Несколько фигурок, две в синих комбинезонах, сгрудились над чем-то, лежащим у самого бордюра, другие проходили мимо, бросая короткий взгляд.

«Тили-тили», – захлопал Надеждин мобильник (так и не поставил его на зарядку, отвлекся на скорую).

И в этот момент среди кучки людей возникла еще одна, тоже в синей униформе, очевидно, это был врач; до тех пор он сидел на корточках над телом, скрытый за спинами остальных, а теперь выпрямился в рост. И по тому, как он пошел к машине и как двинулись за ним другие в синем, стало ясно, что их миссия исчерпана.

Я вернулся в гостиную, поставил мобильник на зарядку. («Тили-тили», – успел он всплакнуть напоследок.)

– Что-то случилось.

Надежда стоит на пороге спальни, держась за дверную ручку.

– Да ничего, – говорю. – Рамы вот проверял, не сквозит ли. (Не хватало еще ей про труп на дороге докладывать.)

– Что-то случилось, – повторяет Надежда, и я понимаю, что это не вопрос.

– С кем случилось? С тобой?

Она помолчала.

– Не знаю... Наверное, со мной тоже. Не пришел он.

– Кто не пришел? – И почему-то знаю ответ. Не нравится он мне, не хочу, но уже знаю. – Тот, из видения?

– Он шел... я чувствовала. Уже близко... и оборвалось.

– Ну что ж тут такого? Задремала, потом проснулась... Я, наверное, на лоджию выходил, зашумел.

– Нет, – качает головой, – не дремала я. Вообще глаз не сомкнула, ждала... А он не пришел.

– И как же теперь?

– Не знаю... – Вижу, что не уверена, колеблется. И если сейчас в эту щелочку влезть, найти нужные слова – может, отговорю? Ищу эти слова, уже рот открыл... И тут словно кольнуло меня: *отступник*. Но ведь ради ее же блага! Или своего?

Замешкался на секунду, она раньше заговорила.

– Нет, знаю, знаю... – частит, торопится (чтобы мне не дать сказать?). – Дальше пойду... должна...

– Одна? – спрашиваю – и понимаю, что говорю я про того мужика из ее сна, который как бы не пришел, и теперь она пить не может. Будто сам теперь верю, что он и вправду был и мог прийти. Но не придет.

– Почему одна – ты же рядом.

Вот так вышло, что не я ее – она меня поддержала. Удержала. Теперь-то подумать – если б я успел, поймал ее на слабине, сбил с этого чертова пути...

Почему «чертова» – хочешь спросить? Потому что уходит она от меня по этому пути. Все дальше – и не догнать. Но тогда я об этом не знал. И хорошо, что не знал...

Седьмой день был самый тяжелый. Для меня точно. Поначалу он вехой был – шесть дней Надежда без воды отмучится, а на седьмой пить можно. А дальше на воде да соки помаленьку – уже не так страшно вроде. А теперь что? Пить ей нельзя, до особого разрешения. И когда его ждать? И главное – кто его даст, это разрешение? Призрак из видения?

А если он не призрак, если он вправду приходил? И опять шел и не дошел... почему не дошел? Что-то случилось? Под машину попал?.. Чушь какая-то.

Чушь, конечно, но все равно об этом думаю.

А чего тут думать – город большой, каждый день люди под колеса попадают. Тот случай, что я утром с лоджии наблюдал, лишь тем и примечателен, что произошел почти у нашего дома и по времени совпал с Надеждиным ощущением, что этот призрак уже близко. Последнее тоже неудивительно – она в напряжении, всю ночь разрешения на питье ждала, глаз не сомкнула, сама говорит... Говорит-то говорит, но могла же и задремать незаметно – вот и пригрезилось. А тут я на лоджию пошел, дверь тугая, – она проснулась и вышла. Да еще мобильник запиликал... нет, он раньше. Ну да, сперва я его услышал, не сразу понял. Пока сообразил да искал зарядник – тут сирена, это скорая приехала. А телефон замолчал.

Хотя нет, не замолчал... Я вспомнил вырастающую среди кучки людей фигуру врача в синей униформе. Перед тем, как он выпрямился над телом, мобильник всплакнул, это я помнил четко. Будто телефон констатировал смерть. Одновременно с врачом. И больше голоса не подавал. Невероятно, конечно, но если допустить это как предположение, то и первый его сигнал, заставивший меня вскочить с дивана, мог тоже что-то означать... Момент наезда? А потом прибыла «скорая», быстро, тут их станция недалеко.

Черт, ну какая может быть связь между сбитым бедолагой и этим телефоном?

Связь...

Оборвалось – так она сказала? «Уже близко... И оборвалось...»

Мне представилось: глухой удар, отлетевшее тело, лужа крови под головой... и *оборвалось*.

И телефон.

Надеждин телефон

Вот тебе и связь...

Бред. Я бы рассмеялся – если ты не тишина за стеной. Эта тишина поселилась в спальне неделю назад и с каждым днем Надеждиного поста все росла, набухала. Ей не мешали мелкие домовые шумы, звуки улицы, просачивающиеся сквозь стеклопакеты. За неделю эта тишина заполнила всю квартиру; временами казалось, я ею дышу, как мягкой, тончайшей пылью, что от нее уже скрипит на зубах, что задыхаюсь...

Темнеть начало. Я вышел на кухню заварить чаю. Последние дни обходился водой, и то по минимуму: как-то совестно пить, когда за стеной самый близкий тебе человек чахнет от жажды, – каждый глоток будто у него украденный. Но мне требовалось прочистить мозги. Надо было что-то решать, пока не дошло до крайности. (Удобное выраже-

ние, верно? – звучит вроде честно, грозно, ответственно, а в то же время оставляешь себе лазейку. Ведь крайность даже если и наступит, то она еще только *крайность*, но как бы и не конец еще – ну, не совсем конец, не то, что называть и подумать страшно. Как будто за крайностью еще маленький люфтик припасен, последняя заначка – крошечный, но все же шансик исправить, спасти, прежде чем случится это, уже окончательное. И значит, можно еще чуть-чуть подождать – вдруг само разрулится?)

Налил себе горячей заварки, отхлебываю потихоньку. И когда мобильник пискнул – нёбо себе ошпарил... Надеждин, опять. Но сигнал на этот раз другой: сообщение пришло. Я ртом дышу, охлаждаюсь, а сам в гостиную, где телефон на зарядке оставил. Спам наверняка, рекламная рассылка очередная, но надо проверить. Смотрю: да, эсэмэска, только странная – пустая, без текста. И непонятно, кто отправил: обратного номера нет. Шутка чья-то? Или рекламщики второпях напортачили, забыли текст ввести? Но об анонимности позаботились, не забыли. Не нравится мне это.

Вроде какое-то движение в спальне. Надежда встает, купаться надумала? Жду – тихо. И все равно что-то такое – не движение, не звук даже, а в воздухе что-то... будто тишина изменилась. Я дверь приоткрыл: Надежда лежит на кровати с открытыми глазами.

– Придет... – прошелестела она без голоса, одними губами. – Придет...

Взгляд мутный, и сквозь эту муть радость брезжит, тихая, от которой комок в горле.

– Как это? – это я от растерянности. Словно знаю, о ком речь, и знаю, что не может он прийти, не сможет уже. Но она-то не в курсе, ей я про сбитого пешехода не говорил. – Откуда ты узнала? Когда?

– Вот только что. Будто сказал кто-то ... или подумал – далеко-далеко: «Не бойся, жди»...

– Может, ты сама...

– Это он, он... Я чувствую.

– И сейчас чувствуешь?

– Нет, оборвалось... все быстро так. Словно трудно ему... далеко очень. Но он обещал, придет...

– Придет, – киваю. – Тебе что-нибудь нужно? Может, купаться?

– Нет, полежу пока. Спасибо тебе.

– Да за что?

Она глаза закрыла. Умиротворенная такая, словно все теперь позади и в туннеле свет открылся, и она к этому свету плывет.

А я? Мне что делать?

Вернулся на кухню.

Ясно: она будет ждать этого человека из видения, пока он ей пить разрешит.

И кажется, я сам начинаю верить. Еще не верю, но странно все: утреннее Надеждино видение – и ДТП на переходе. И телефонный плач – словно по душе отлетевшей. А теперь, как раз в тот момент, когда Надежде ободрение почудилось, – эта эсэмэска неведомо от кого. Очередной сеанс связи – с кем? С покойником?

(*трудно ему... или далеко очень*)

Не обязательно быть покойником, чтобы отправить анонимное сообщение. Из ванной, чтобы потише, я позвонил одному подполковнику из ГУВД; у нас с ним дела были. Он обещал проверить.

Надежда надумала купаться. Плескалась в ледяной воде с полчаса, я ждал под дверью. До ночи еще два раза купалась, донимал ее жар. Ни о чем почти не говорили. Так и прожили седьмой день.

И восьмой.

И девятый.

В эти дни Надежда внешне уже не менялась. За неделю она заметно похудела. Я знал, что под кроватью она держит напольные весы, и, хотя результаты взвешиваний были темой деликатной, я-то видел, как ее убывает с каждым днем. Но теперь этот процесс остановился, будто жажда выпарила в ее теле все клеточки до сухого остатка, из которого нечего уже не выжмешь, не высосешь.

На девятый день Надежда попыталась вынести свою плевательницу, с водой и лимонными корками, но я услышал бряк, отобрал: береги силы, говорю.

– Не мои они, моих уж не осталось... не мне и беречь.

У меня самого было ощущение, что если не сама Надежда, то тело ее сдалось и живет не своей жизнью, а по навязанным правилам, по чьей-то чужой воле, отмеряющей ему силы по капле из какого-то неведомого источника. Вот только капельница уж больно ненадежная, едва сочится... а если иссякнет?

Смотрю на нее: лицо серое, истонченное. И какое-то выражение на нем, не поймешь – то ли новое, то ли и раньше было, да я не замечал, – а теперь все минутное, суетное слетело разом, как пыль, и проступает глубинное, будто твердая порода в выветренной скале, – такое, чего, может, и она в себе не знала. Какая-то непонятная красота – чужая, незнакомая. И я не знаю, радоваться мне или тосковать, потому что не знаю, что это значит и что дальше будет. Только чувствую: замерла она на самом краю, на черте, за которую шагнет – и я не уже дотянусь, не достану...

Да что там – уже уходит, с каждой минутой дальше.

А я – отпускаю...

Потому что поздно. Потому что нутром чую: даже верни я ее сейчас, с полпути, – прежней она уже не станет. Но твержу себе, что я настороже, что все под контролем и если потребуется, тут же вмешаюсь – хоть силком напою, лишь бы жива была.

Вот еще подполковник мой позвонит, может, что прояснится...

Он позвонил на десятый день, из кафе напротив.

Надежда как будто спала, так что врать не пришлось. Боялся ее оставлять, но приглашать подпола в квартиру было совсем неуместно, да и разговор-то минутный. Куртку накинул и дверь за собой запер, на два оборота.

Подполковник сидел за столиком в углу, отодвинув тарелку с недоеденным лангетом, и скучал за минералкой.

– Водички хочешь? От изжоги хорошо... – Я отказался. Старый опер достал смартфон, полистал странички. – Так, что у нас тут по этому твоему... ага. Пятьдесят восемь лет, сухощав, но сложения крепкого и на вид больше пятидесяти не дашь. Моложавый такой жмур. – Отхлебнул минералки. – Волосы светлые, лицо овальное... ну, это ладно...

– Погоди, волосы светлые – значит, блондин? Или седой совсем?

– Был бы седой, так бы и записали. Светлые – значит светлые. Может, крашенные, конечно, кто будет разглядывать. Но не думаю, по одежке – не тех недостатков мужик, чтобы на краску для волос тратиться.

В квартирке шаром покати, в холодильнике – одни кастрюли со льдом да какая-то трава в морозилке. Компьютер старый, правда, был. А так даже мыла в ванной нет – не мылся, что ли? Что еще? Не работал, не сидел, не привлекался... А тебе-то этот тип зачем? – вдруг спросил он.

– Да любопытно. С лоджии глянул – труп на перекрестке, вот и...

– Впечатлился, значит? Ясно... Вообще-то присматривали за ним.

Мутный мужик.

– В смысле? Кто присматривал?

– Не мы. – Подполковник царापнул взглядом.

– И чего он мутил?

– А типа еды ему не надо. Воздухом питался или светом, что ли. –

Потыкал в мобильнике, будто удаляя просмотренное. – Да, видно, не хватило ему свету – машину и не заметил.

– Водителя нашли?

– Не установлен. Мало ли придурков гоняет, всех не переловишь.

Есть поважнее приоритеты.

– Номер машины? Приметы водителя?

– Нет, – отвечает подпол, и я понимаю, что он врет. – Ничего толком нет. И вообще, говорю же, не наше это дело. Это уж я так, по своим источникам...

– Как не ваше? А чье же еще?

– Ты что, не врубаешься? – он усмехается, но вижу, и напрягаться начинает. – Сам-то раскинь: человек говорит, что не ест. Правда, не правда – хрен его знает. Минздрав ему не верит, он – Минздраву, обследоваться не дается – только у независимых экспертов, и непременно с международным составом. А кому это надо – за границу смешить? Да это бы еще ладно... Вот ты сам подумай. – Подполковник наклонился через столик и заговорщицки понизил голос. – А вдруг не врет? Это что же за гражданин такой, которому даже еды не надо? А расплодятся такие нееды – это же вся экономика рухнет. Да что экономика, они и государство пошлют подальше, зачем им государство – ушел в лес и живи себе без всякого начальства. Им, видишь, только свет подавай! Или воздух – что там у них... И что государству делать прикажешь? На свет монополию не введешь. Ни работать, ни служить народу незачем будет. И как тогда управлять? Какая власть допустит? А этот твой – ладно сам не ест, черт бы с ним, так он другим пример подает, пропаганду развел в Интернете, наставляет, инициации какие-то устраивает. И что с ним делать? В психушку упечь – не те времена, сразу в мученики попадет. Да хоть Порфирия Иванова вспомнить – как с ним органы намучились... А тут вдруг – машина, раз – и нет проблемы.

Полковник отстранился, подмигнул:

– Да шутка, шутка. Просто переходил, понимаешь, в неположенном месте – ну и...

– Там же переход.

– Ну, значит, не на тот свет шагнул. Или – на тот, получается?.. Точно минералки не хочешь? А то в животе уже булькает.

– Родня есть? Его похоронили?

– Не востребован. Обычно таких неделю в морге держат, но этого – вне очереди. Сегодня вроде... уже и закопали, наверное.

– Поскорей, значит, пока не востребовали...

Ну да, концы в землю, и ни лишнего шума, ни следа, кроме столбика с номером где-нибудь в особом секторе кладбища, через пару лет и номерка не останется.

Опер нейтрально вздохнул.

– Как хоть звали-то? – Я вдруг сообразил, что ни имени, ни фамилии он не называет.

– Вот не записал, – огорчился он, – спешил, видно, извини...

– А фотографии нет? Мне взглянуть только.

– И фотки нет. И просить не с руки. Ты же понимаешь, не мое это дело. И не твое – это я тебе как старый опер говорю. И так уж по дружбе лишнего... – Он помолчал. – А что, очень уж надо?

– Надо.

Подполковник постучал ногтем по бутылке с минералкой, высматривая пузырьки.

– Ладно, там напротив конторка одна, деньги раздает всем желающим, у них камера на входе. Видео долго не хранят, но, может, они фотки оставляют для архива – бывают такие схемы, с интервалом в 5–10 секунд... Поинтересуюсь. Но ты мне не звони, я сам. Все, заболтались, барабан меня ждет, психует...

– Постой, а что насчет той эсэмэски, на другой мой номер?

(Мобильник Надежде я сам дарил, на меня и записан, но подполку это знать ни к чему.)

– А, да... Ни номеров отправителя-получателя в базе оператора нет, ни текста, естественно.

(Что эсэмэска пустой пришла, я тоже не уточнял. Но эсэмэска-то была!)

– То есть вообще ничего? Как это возможно?

– Никак. Если по интернету отправили, то IP сохранился бы, но и его нет. Говорю же, вообще ничего. Не было такого сообщения. Видно, глюк какой-то.

Войдя в квартиру, из прихожей увидел, что дверь в спальню открыта. Метнулся в гостиную: Надежда сидела на полу и смотрела на свой мобильник.

– Что с тобой? – посадил ее на диван.

– Всё... – Она смотрит на меня и слов не находит. – Все хорошо. – И в глазах слезы, счастливые. – Он разрешил, понимаешь?

– Разрешил? – Я уже не спрашиваю кто. – Значит, пить уже можно?

– Через три дня.

– Через три?..

Не знаю, радоваться или нет. С одной стороны, хоть какая-то ясность. Но еще три дня этой муки... вынесет она?

– Так он был здесь? Ты его видела?

(Входной замок был заперт на два оборота, я нарочно убедился, когда отпирал.)

– Ну да. Лежала, в спальне... (Дремала, догадываюсь. Значит, все же галлюцинация.) Открыла глаза – и он передо мной.

– Ты его хорошо разглядела?

– Да... Нет... Зыбко все, размывается, как отражение в воде, но я как бы не в него смотрела, а в то, что за ними, понимаешь? В того, кто отражается.

– И где же он?

– Где-то... не знаю... Далеко-далеко, словно он вообще не отсюда... из другого мира. И так тяжело, трудно ему достучаться, пробиться оттуда – сюда, ко мне...

– А на полу-то как оказалась?

– Это потом уже. Мы с ним говорили, и он сказал: через три дня. Так и повторил: через три дня. И улыбается... хотя я лица не вижу – но

чувствую, что улыбается. Сегодняшний и еще два. Я поверить боюсь, думаю... – Надежда носом хлопнула, – снится, может. Зажмурилась – и все равно его вижу. И тут – мой мобильник, в гостиной!.. Звонит и звонит. А он стоит передо мной, у кровати, улыбается, ждет... А я боюсь встать – тогда его задену: вдруг все же – видение? рассеется? Тогда... сама не знаю... не вынесу больше! Он понял, отодвинулся: возьми, мол, телефон, ответь. Я встала, мимо него прошла, качает меня. За порог шагнула, голова закружилась, я за косяк уцепилась – и он подхватил, придержал и мягко так опустил.

– Ты почувствовала?

– Да, его руки, пальцы, тепло... – Надежда опять хлопнула носом. – И знаешь, странно – ты не согласишься... тепло такое...

– Какое?

– Как от тебя. Словно это ты рядом. И так мне стало хорошо, покойно, что я будто отключилась... на пару секунд, не больше. Очнулась – вокруг никого. Сажу на полу с телефоном в руке, он все звонит. Включаю, слушаю: *четверг, шесть утра... всё...*

– Значит, конец твоим мучениям! – И вдруг понимаю: *всё* – это ведь о другом, о другом... И понимаю, о чем. Но стараюсь понатуральнее, увести от темы: – Ну, слава богу! А ты голос хорошо расслышала – мужской, женский?

Она на меня смотрит, силится вспомнить.

– Издалека очень, будто сквозь гул... или из-под земли. А может, и не голос – будто подумал кто-то... не знаю уже! *Четверг, шесть утра... всё...* И все дальше, тише... Но слова точно эти – иначе откуда они взялись!.. Я вот теперь думаю: что значит – *всё*?

– То и значит: три дня – и конец твоей жажде. Что ж еще? – Стараюсь отвлечь, пока не задумалась: – Пора решать, как из сушняка выходить будешь. Сок? Апельсиновый или грейпфрутовый лучше?

Она качнула головой.

– Что значит – *всё*? Он умер, да?

– Да почему? С чего взяла? И как он может, если он...

– ...галлюцинация?

– Не в этом дело...

– А в чем?

Она смотрит, я стараюсь не моргать. А в голове все смешалось. Что ни ответь – все неправильно. Если он галлюцинация, значит, пить ей по-прежнему нельзя. И она не будет... пока не умрет? Силком поить, как ненормальную? Сорвать ее с пути, убить мечту? И что между нами останется?

А если скажу, что человек, – значит, сам приму всю эту мистику: видения, общение с покойником, звонки из загробного мира... Сам поверю, увязну в этой каше.

А еще не поверил?

Не знаю. Но она смотрит, и я солгать не могу. Не только ей. Себе.

– Не знаю, – сказал я. – Но был один человек.

– Был, – она кивнула. – Значит...

– Его машина сбила, три дня назад. Насмерть.

– Кто он?

Я рассказал.

– Значит, я с покойником общалась, – Надежда вроде и не удивляется, просто думает вслух. – Но в первый раз он на четвертый день появился, когда еще живой был. Так он был здесь или нет?

– Не знаю. Дверь заперта была. Если только ты ему открыла. Или он сквозь стены проходил...

– И на седьмой день – он тоже ко мне шел, я же знала, чувствовала... И оборвалось. Не дошел. Но потом, вечером уже, я слышала, помнишь? – *не бойся, не кончилось, жди...* Словно с огромным трудом, из последних сил пробился откуда-то...

– Откуда?

– Постой, постой...

Ладно, молчу. А Надежда ровно, без эмоций, мысли по местам представляет, как посуду на кухне.

– Пробился, чтобы меня поддержать, укрепить на пути. То есть тяжело, трудно – но как-то мог еще достучаться, проявиться. А сегодня разрешение дал и – *всё*. Почему всё? Что сегодня случилось?

– Сегодня его похоронили. Может, у него теперь и связи нет... *оттуда?*

– Не может не быть. Все в мире связано. – Она подумала. – Или в мирах... и миры между собой.

– Откуда ты знаешь?

Она пожала плечами.

– А как иначе? Если мы о них думаем – разве это уже не связь?

– Но думать и знать – не одно и то же. Может, их и нет совсем? Может, и его больше нет?

– Есть. Просто далеко он теперь. Может, и пытается сказать – да я не слышу. Не готова еще. Понятно тогда, почему раньше – все так тихо, зыбко... Тогда я тоже была не готова – но он еще не так далеко был. А теперь... Но я услышу, если ближе подойду. Просто идти надо. Дальше идти.

– Да куда, господи? За ним, что ли?

– По пути, по своему. Каждый – по своему.

А я? – думаю. Мне – куда идти?

– Ничего, – и улыбается, она – мне, сквозь слабость, сквозь свой шипящий шепот, да так хорошо, по-девчоночьи... я уже и забыл, как она улыбается. – Дойдем. Почти дошли уже.

То есть вместе идем, так я понял. И что у нее в голове?

Эти дни она как огарок дотлевала. Я только молился, чтоб фитилька хватило. На кровати повернется – и пульс за сто сорок, и дышать больно. В ванну ее на руках относил. Она кожей пила, а лицо вверх, чтоб, не дай бог, не брызнуло, капельку не проглотить, – губы сомкнуты, будто спеклись намертво. И в горле все спеклось – говорить перестала, только дышала. Но от ледяной воды ей полегче становилось. И в спальне форточки ей уже мало, пришлось створки приоткрыть – декабрьские морозцы начались, в комнате колотун, но ей все жарко.

При этом тихая, умиротворенная была. Словно все решилось наконец – кто-то за нее решил, и она вверилась без оглядки. Только я-то так и не знал, кому он вверилась – галлюцинации или... не знаю. Не мог решить.

Даже мысль шальная была – найти это чертово кладбище. А дальше что – кости выкопать? И что мне с ними делать – у них не спросишь. Да и номера могилы я все равно не знаю.

Подполковник мне фотку на телефон сбросил, позвонил с незнакомого номера:

– Увеличили как могли, но все равно не очень. Больше ничем не могу, извини....

«Не хочу» – так это прозвучало. Ладно, не его это дело, я уже понял.

Снимок с камеры был нечеткий, далеко все же. Вокруг левого глаза сплошное пятно от щеки до волос (кровь? тень?), лицо скорее угадывается – простецкое, скуластое, как бы застывшее от какой-то внезапной мысли. Волосы – да, светлые, это хорошо видно на фоне черных ботинок и чьих-то брюк, попавших в кадр.

Фотку я в компьютер перегнал, попробовал поконтрастить и бросил. Не спец я в этом, да и зачем? Что толку от снимка, если сравнить его не с чем – мне-то призрак не являлся.

Прав старый опер, не мое это дело. Нечего кости мертвых ворошить когда с живыми проблем выше крыши. Двенадцатый день уже, к ночи, дожить бы до завтра, до Надеждиного питья.

Все заснуть не мог, прислушивался, как там, за стенкой? Тишина...

Проснулся от тоски детской, беспомощной. И не вспомнить никак, что привиделось, только болит душа от невозвратной потери, будто там, во сне, отняли у меня что-то самое дорогое, вырвали из рук, а самого вышвырнули назад, в явь, и уже не вернуться, не вернуть отнятое. Лежу в потемках, сердце щемит... и звук какой-то – стон? всхлип?

Я вскочил, к Надежде в спальню – пусто, и дверь открыта. Упало что-то... на кухне? Да там же свет горит – я-то думал, сам забыл выключить...

Надежда скорчилась на коленях возле опрокинутой табуретки и вздрагивала от позывов сухой рвоты. На полу лужа воды, в ней опрокинутый стакан. Видно, уронила, потянулась за ним и сама оказалась на полу.

Я усадил ее на табуретку. Подол ее ночнушки намок и лип коленям. – Что?.. Что сделать? В спальню, ляжешь?

Надежда мотнула головой, навалившись на стол. Там стояла бутылка мягкой воды с отвинченной крышкой. Она смотрела на эту бутылку и все еще вздрагивала от рвотных спазмов. Но продолжала смотреть. Глаза были красные, воспаленные, она выглядела оглушенной.

– Налить?

Она кивнула.

Я налил из бутылки в чистый стакан. Надежда попыталась отпить и подавилась, плеснула на стол.

Она не может пить, подумал я. В горле спеклось так, что оно не пропускает воду. Оно забыло, как глотать. Надо как-то смочить, чтобы оно заработало.

В кухонном шкафчике я нашел соломинки для коктейлей.

– По капельке, не глотай, рассасывай... – Прислонил ее спиной к стене и держал перед ней стакан; у нее тряслись руки.

Вода сочилась из ее рта, но что все-таки оставалось, впитывалось в глотку, пищевод... я очень на это надеялся. Так продолжалось минут пять. Спазмы как будто утихли. Но она вдруг устала, эта мелкая работа губ забрала остатки сил. Голова упала на грудь, и я подумал, что если она свалится в обморок, то я точно не смогу ее напоить.

Я подхватил ее под мышки и опустил с табурета на пол.

– Встань на колени. – Поставил ее на четвереньки. – На локти обопрись.

Она подчинилась с остановившимся взглядом; она казалась невменяемой.

Я приподнял ей подбородок и вставил соломинку в рот. Я надеялся, что в этой позе с вытянутой шеей ей удастся проглотить, ссохшиеся

ткани слизистой сдвинутся, разомкнутся и пропустят воду. Я не врач, не физиолог, другого придумать не мог.

Она попыталась всосать через соломинку, но как-то вяло, словно ей уже не хотелось. Вода закапала на пол, и она стала валиться набок. Я подумал, сейчас она потеряет сознание или хуже.

Я взял ее за волосы и влил воду в рот прямо из стакана. Она захлебнулась, закашлялась, и я перегнул ее через колено головой вниз, чтобы вода вышла из трахеи. Потом снова подсунул стакан. Она стиснула зубы, и вода пролилась, но она все же сделала глоток. Я понял это по тому, как она замерла, вслушиваясь в себя. Я отпустил ее, чтобы наполнить стакан.

– Желе... – выдавила она, не поднимая головы, и опять закашлялась.

– Что?

– Вода – как желе...

На четвереньках, по глотку, с большими перерывами, она высосала через соломинку полстакана воды. Прошло, наверное, полчаса, прежде чем рискнула отпить прямо из стакана.

– Ну как? – спросил я.

– Как кисель... божественный кисель!.. – Ее воспаленные глаза повлажнели, но влаги на слезы не хватало.

К концу второго стакана вода перестала казаться ей густой. Ею она пила уже сидя на полу, потом я отвел ее в спальню. Временами она задремывала, но тут же просыпалась, боялась пропустить очередное питье. Потом ее вырвало, я едва успел подставить салатницу с лимонной водой, там остались какие-то сгустки с примесью крови. Началась резь в животе, ломило в пояснице, ее трясло от озноба. Я закрыл окно и потащил ее в ванну отогреться, потом контрастный душ... Вроде помогло, она заснула и проспала полсуток.

А проснулась – в другой жизни.

Илия замолчал. Ныли комары, в сомкнувшейся ночной немоте их нытье казалось единственным звуком на планете. На миг Рыжим овладело чувство, будто это не самостоятельный звук, а лишь слабый отголосок тайного вселенского гула, скрытой мощью своей пробивающего завесы между мирами, будящего смутное томление и тоску в каждом атоме, в каждой клетке живого вещества.

– В смысле – другим человеком? – прервал он тишину.

– Нет. Человеком – тем самым, каким ей положено быть... по пути ее положено. Просто – в другой жизни. Не моей.

Но это я теперь понимаю, а тогда не заметил. Не хотел замечать...

Пила она только воду. От сока отказалась, хотя по схеме полагалось его в воду добавлять понемногу. Пару дней она так и делала, пила и нахваливала, а на третий пригубила и говорит:

– Я и не знала, что сок такой...

– Вкусный?

– Ну да... только очень уж плотный, тяжелый какой-то. Глотнешь – и будто кусок торта съела. Торт ведь едят не потому, что есть хочется, а потому что сладкий, ради вкуса. Чувствуешь, что сыт уже, что лишнее, но ведь вкусно, жаль отказаться. Только мне теперь другого жаль, этого нового ощущения – чуткости, легкости...

– Да уж полегчала – дальше некуда, – бурчу. – Того и гляди сквознякам унесет.

Килограммов десять с нее слетело, при ее-то росточке. И вид, конечно, не цветущий, хоть я уже и пригляделся. Лицо серое, сухое, в морщинках, будто собственная кожа ей на пару размеров велика. Ладно хоть голос вернулся – не шелестит, как сухой лист, даже какая-то новая струнка в нем позванивает – слабая, тонкая, но я-то слышу. И она этим голосом говорит:

– Я не про вес сейчас – про душу свою целлюлитную. Главное, не тело – душа полегчала. Тело ведь только одежда для души, так? Вот пусть и соответствует. Я другого боюсь: оно еще хрупкое, ненадежное – это ощущение. Удержать бы его, не замутить...

– Это соком-то? – все не врубаюсь.

– Лишний он мне – чувствую. – И смотрит на кувшин со свежеежатым соком (мы на кухне сидели, он на столе стоял). Смотрит, словно температуру больного на градуснике проверяет. – А от лишнего – и муть, и жир на душе...

– Погоди, ты же пила уже с соком – и первый день, и вчера.

– Так сладко пилось – вот и купилась на сладость. Где сладость, там и слабость... Нет, не хочу я сока. Мне вода в радость, просто вода.

Час от часу не легче. Сок ей слишком сытным кажется – это разбавленный на три четверти! Что же будет, как до еды дойдет?

– Но выходить-то из голодания по схеме полагается, – пытаюсь урезонить. – Сперва вода с соком, потом что полегче, салатика, каши...

– Вот опять – «схема, полагается»... Ты пойми, я только что в себе одну схему сломала, главную, может быть, – и тут же в новые в себя запущу? Они как микробы – только открой лазейку.

– Да как же ты есть будешь, если организм не готов, – надо постепенно готовить.

– Зачем его готовить? Я есть не хочу.

– То есть? Ты же сама говорила, что совсем не есть – такой цели не ставишь.

– Я и не ставлю. Зачем? Это ведь тоже схема. Когда захочу, поем. Если захочу по-настоящему. Не головой додумаюсь, а *почувствую*, что это действительно необходимо – поесть, а не просто пожевать. Тогда и организм будет готов.

– А если – не будет?

– Значит, и есть ни к чему. – Это она мне терпеливо, как двоичнику.

Вот такой разговор. Он не раз потом повторялся, в разных вариациях. Но суть та же: от еды она не зарекается, но только если будет уверена, что это необходимо. А как узнает об этом? – а почувствует. Вот почувствует, и все тут. Что-то вроде откровения, так я понял.

В общем, тема эта всплывала, но уже с затуханием. Я еще за логику цеплялся, за «научные данные», пока не понял – бесполезно: медики ей не указ.

Как-то бросил в сердцах:

– Ты любое научное знание отрицаешь. Люди их тысячелетиями копили – что же, псу под хвост?

– Ничего я не отрицаю. Просто знание полным не бывает и быть не может. И результат дает не до конца предсказуемый. Вот таблетка – от чего-то помогает, чему-то вредит. Чем сильнее лекарство – тем опаснее побочный эффект. Лекарств много, больных вовсе не считано, и все разные, со своими букетами, – как угадать пользу и вред для каждого? Не просто симптомы снять, а болезнь с корнем выжечь и при этом другую хворь не взрастить? Тут кроме знания что-то другое требуется. Да, да,

откровение, если хочешь. Я уверена, настоящий врач должен *чувствовать* больного. Только мало таких врачей, да и каждого пациента почувствовать невозможно, ничья психика не выдержит – тут святым надо быть, если не богом. Но себя-то *услышат* любой человек может. Я же вот услышала. Как ни тяжело это далось – но услышала. Может, это и есть то самое – помоги себе сам? И кто себя услышал – и есть себе лучший врач?

– Алкаш с похмелья тоже слышит: умри, но выпей.

– Алкаш не себя слышит. Он раб схемы, своей жизнью не живет.

В общем, не убедили друг друга, но словцо это, «раб схемы», засело в моей памяти. Был в нем какой-то неприятный смысл, такой, что и углубляться не хотелось... Да и во всем, что говорила Надежда, был смысл, хотя и принять его трудно, я не мог. Он и ей-то открывался постепенно, в наших разговорах; я же видел, она не столько мне, сколько себе объясняет и я ей вместо внутреннего оппонента, для лучшего, значит, усвоения нового материала.

Тоже не самое приятное чувство – ну какой я ей оппонент? Люблю я ее.

Две недели прожила на воде. По плану тому, первоначальному, инициация закончилась, и есть уже не запрещалось: вроде как организму теперь для жизни пища не нужна, а для удовольствия – пожалуйста. Но у меня в голове по-прежнему не вмещалось: как это – совсем без еды жить. Я все надеялся на что-то – вдруг она хоть немножко, да поест, ну хоть попробует из любопытства, а там, глядишь... Такой Фома неверующий. Но вслух, конечно, не говорил.

Три дня как на иголках сидел, даже из квартиры ненадолго уходил, думал, может, меня смущается, вроде как поест – слабость проявит. Зря надеялся. Возвращаюсь – в холодильнике ничего не тронута, на кухне миски с натертой капустой, морковью (себе будто бы готовил) как оставил, так и стоят накрытые.

Я ложкой зацепил, пожевал (без соли, преснятина).

И Надежда в дверях:

– Капустой меня думал соблазнить? – Забавно ей, гляжу. – А самому-то вкусно?

– Вполне, – говорю. – И с морковкой сочетается. А ты что встала? Получше тебе?

Она по-прежнему из комнаты почти не выходила, слабенькая была. Хотя с тех пор как воду пить начала, выглядела уже получше: серость с лица ушла, морщинки пригладились и кожа вроде подтянулась и не так шелушилась. Но очень уж бледная, и движения приторможенные, бережливые.

– Да мне плохо и не было. А пожалуй, что и получше.

– А вес как? Вопрос, конечно, деликатный...

– В норме вес.

– Не убывает хоть?

– Не убывает, успокойся.

Успокойся тут: как он может не убывать? Я все же когда-то в политехе учился и хоть не врач и не биолог, но своей технической башкой понимаю: строительный-то материал клеткам постоянно нужен, тьма всяких элементов, а откуда они возьмутся? Из воды? Но у нее один ответ: «Не думай ты об этом. Я же не умерла до сих пор, значит, берется откуда-то».

– Ладно, – говорю, – если тебе получше, может, как-нибудь подышать выйдем? Потихоньку, возле дома? (Мыслишка: может, хоть на

воздухе аппетит прорежется.) Не все же в четырех стенах, надо двигаться помаленьку, не закисать. Тошно же все время лежать.

– Четыре стены – то, что мне сейчас и надо. Я вот как раз лежу и откисаю. Как грязная посуда в мойке.

– Откисаешь? От чего?

– От всего лишнего.

Так всю зиму ни разу и не ступила за порог.

Поначалу из спальни почти не выходила. Я не надоедал, видел, что ей одной побыть хочется. Но заглядывал, конечно.

– Откисаешь?

– Откисаю, – улыбнется. И мне вроде полегче.

Понимаешь, она опять улыбаться начала – не через силу, как раньше, а тихо так, покойно, будто речка сквозь чашу. Я за этой ее улыбкой как за таблеткой заходил, она была как светлое пятно, как маячок – во всем этом бреде, который принять я по-прежнему не мог, но и отрицать не получалось. Одно дело судить со стороны, и другое – жить внутри этого бреда день за днем. Мы жили в нем не один месяц; за такой срок разум устает биться об стенку, и невозможное уже не кажется таким уж невозможным, если чудится в нем хоть какой-то просвет. Ее улыбка была таким просветом. Логика тут не ищи, ее сюда не звали.

В общем, поверить я был не готов, но что-то такое допустить, хотя бы частично...

Есть она по-прежнему не ела, но так пугающе уже не выглядела. Изнуренной, усталой – да, но это была скорее усталость человека, перемогшего тяжелую болезнь и день за днем, по капле, копящего силы. Я и сам ощущал что-то похожее, какое-то смутное облегчение, словно самое опасное уже позади. Я держался за это ощущение, хотя понимал: после долгого ожидания худшего легче легкого впасть в самообман. Боялся расслабиться, проглядеть какие-то симптомы.

Но ничего такого не происходило. Внешний вид ее медленно, но улучшался. Болезненная худоба, угловатость сглаживались, возвращая телу плавность, женскость (хотя до прежнего было далеко – хорошо, если от него две трети осталось). Но вес при этом не прибывал.

Из спальни начала выходить. Побродит по квартире, выйдет на лоджию и стоит там, смотрит на улицу. Не очень мне это нравилось: все казалось – на перекресток смотрит, где этот бедолага погиб. Да и холодно на лоджии. Отнекивалась: как раз хорошо, освежает. Хотя эфирный жар у нее прошел, в ванну ледяную по-прежнему каждый день залезала.

Короче, есть она не ела, но какое-то восстановление в организме шло, и откуда брались ресурсы – неизвестно. Я этого понять не мог, но уже и не пытался.

Как-то утром выхожу на кухню: Надежда стоит перед холодильником, дверцу открыла и смотрит внутрь.

– Интересуешься? – Не знаю, как спросить. И молчать неловко.

– Сама не знаю. Стою вот и думаю – что я тут забыла? Яблоко? Вон какое красивое, так и хочется в руку взять... Беру – плотное, прохладное, сладкое, наверное, – помню его вкус... или думаю, что помню. Проверить? Откусить? Представляю его во рту, хрусткое, сочное... а дальше что? Глотать? Зачем? – Смотрит на меня, ответа ждет.

– Ну, зачем глотают? Чтобы переварить, усвоить.

– А зачем мне его усваивать? Есть я не хочу. Получается, съем я его, чтобы не столько усвоить, сколько присвоить? Из жадности? Из пустого любопытства?

– Тебя бы на место Евы, – хмыкаю, – точно посрамила бы искусителя. Уполз бы Змей ни с чем, и жили до сих пор в раю.

– Ну, не знаю, может, и уполз бы, да не отступился. – Холодильник запищал, она закрыла дверцу. – Искушение вечно, наверное. Оно и сейчас продолжается.

– Да чем же тебя теперь искушишь? Даже есть не хочешь. Ничего тебе не надо.

Видно, горечь в моих словах прозвучала, она ее услышала.

– Ты мне нужен, – сказала Надежда. Так сказала, будто я напрямую об этом спросил.

– Так в чем дело, – пожимаю плечами, – располагай.

– Не могу.

– Почему это?

– Ты же меня любишь. И я тебя люблю. Потому не могу я тобой располагать. И собой-то – не просто... Может, в этом и есть искушение.

– Да в чем же оно? Это со мной связано?

– Нет, нет, во мне все... сама не знаю. Видно, рано еще, не готова. Не откисла.

И отворяет холодильник.

– Что бы тебе такое приготовить, отвык ведь от горячего. Может, борщ? – закрывает тему.

А не договорили, чувствую. Она не договорила.

И будто повисло что-то между нами.

– Не стоит, – говорю. – Зачем тебе у плиты париться, запахи эти вдыхать...

– По-твоему, раз я не ем, так мне еда противна? Нет, не соблазняет и не раздражает. Просто занятно приготовить что-то, как художнику из мазков краски картину составить – он же краски не ест. А для тебя приготовить – так просто в удовольствие.

– Спасибо, конечно, но ни к чему тебе лишние хлопоты, лучше силы побереги. – Говорю вроде искренно, но все равно она уловила что-то.

– Ты меня обидеть хочешь или сам обиделся? Думаешь, от разговора ухожу? Не могу я ничего сказать, потому что сама не знаю... Мутно все, понимаешь? И мне мутно... Прости. – И в глазах ее и боль, и беззащитность такая, будто я ненароком ее ударил.

– Да ладно, о чем тут, – спешу замаять. – Просто, когда прояснится, скажи сразу. Нельзя нам это копить эту муть – между нами.

– Не будем, – сказала она. – Так как насчет борща?

Борщ она сварила, после лежала до вечера, утомилась. Но получил классный; она хорошо готовила, когда в охотку, только раньше мы этим особо не заморачивались. А теперь вдруг у нее интерес пробудился, все чаще на кухне стала возиться, меню со мной обсуждать, список продуктов для закупки, в Интернете лазила – что ни день, то новые рецепты. Наготовит – съесть не успевал. Но главное – это занятие ее развлекало. И уставала она уже меньше, силенок потихоньку прибывало (мне даже в голову приходило, может, она хоть съедобными запахами подпитывается... ерунда, конечно). В общем, чувствовала она себя все лучше, и стряпня ей на пользу шла, и слава богу. Хотя думалось мне порой, будто этими кухонными заботами она от тревоги своей отгораживается, от той мути, что ей покоя не дает... да нам обоим. Не забылась

та недосказанность, так и висело между нами облачко, как мы ни старались его не замечать. И на кухне весь день не просидишь. Похлопочет, похлопочет – и опять в спальню к себе, как в нору. Я загляну – лежит отрешенная, рядом ноутбук дремлет, монитор погас.

– Откисаешь? – спрошу.

– Откисаю. – И улыбнется – вроде хорошо, по-прежнему, а мне чудится – будто сквозь облачко... Не хотели мы, но копилась она, эта муть. Может, мерещилось мне? Ладно, думаю, худшее позади, ей с каждым днем все лучше, пусть откисает пока.

Откисала она всю зиму.

Про работу и не вспоминала, возилась в охотку на кухне, а так в основном одна, в спальне.

Я потихоньку свыкся я с ее неедением, к делам вернулся. Она сама подталкивала: мол, хватит со мной нянчиться, все у меня в порядке. Я не то чтобы совсем успокоился, но смирился, что ли; утешался тем, что пока прямой угрозы ее жизни вроде бы нет, а там, глядишь, и разрулится, в какую-нибудь норму да придет. Может, и вправду не она одна такая.

Каждый день залезала в ледяную ванну, одно время даже физкультурой занялась, выполняла у себя какие-то упражнения, по-моему, всякий день разные, потом бросила. Я предложил: давай тренажер привезу, беговой или еще какой, места тут маловато, но потерпим для пользы дела. Мне все еще казалось, что неедение – это дела чисто телесные, для здоровья, очищения организма, для фигуры опять же... Не проникся я еще, что телом тут не ограничивается.

Вот тогда первый звоночек и прозвенел.

– Нет, – говорит, – ни к чему. Все эти тренажеры, упражнения... Не интересно уже.

– Ну хоть дыханием займись, энергетика подкорми. Лишние силы не помешают.

– Лишние? Может, они как раз и помешают?

– Это как?

– Понимаешь, все эти практики – дыхательные, по набору энергии... от них такое чувство, будто я опять наедаюсь впрок. Не нужно мне – а я ем. Энергию запасая – а для чего не знаю.

– Как для чего – тебе же восстанавливаться нужно.

– Так я и восстанавливаюсь. Ты же видишь – с каждым днем все лучше себя чувствую. И без всяких упражнений. Значит, сколько нужно мне энергии, столько и получаю. А лишнее – это уже не мое. Искушение. Зачем мне то, чем я не знаю как распорядиться? Ну накоплю я прорву энергии, и куда мне ее девать? Куда-нибудь – лишь бы потратить? Взорваться, что ли, как атомная бомба?

Вроде шутит она, но не весело.

– Взрываться не стоит, – посмеиваюсь в тон, – а то обоих в террористы запишут. Ты копи себе, пригодится. Вдруг какие великие дела тебя ждут, а у тебя сил не хватит.

Она серьезно:

– Будут дела – будут и силы.

– Откуда?

– От пути. Все действительно нужное он даст. Или подскажет, где взять, – надо только услышать. А чтобы услышать, надо слушать постоянно, не отвлекаясь. И идти, не уклоняться...

– Выходит, чтобы услышать – надо идти, не уклоняясь. А чтобы с пути не сбиться – опять надо слышать... Заколдованный круг какой-то.

– Неважно, – Надежда плечами пожимает. – Важно идти.

– Да как идти-то? – Это я уже в сердцах. – Куда – если цели не знаешь?

– Не знаю – не означает, что ее нет, верно?

Тут уж я не знаю, что сказать.

А она медленно, раздумывает вслух:

– Может, сейчас важно не куда, а откуда?

– В смысле?

– В смысле откуда выбираться, от чего избавляться... от лишнего.

Вот тут и услышал я звоночек. Она сказала «от чего», а мне вдруг закралось – «от кого». Я не спросил тогда, но осадок остался: может, я тоже – лишний? И облачко между нами будто потемнее стало, с моей стороны уж точно.

Новый год встречали вдвоем. Салатики, курица-гриль – я нарочно просил попроще, но Надежда не утерпела, приготовила еще мясные косички с зернами граната и фруктовое мороженое без молока. А я торт купил, хотя сам сладкое отроду не любил, а ей теперь зачем. Но что за новогодний стол без торта? Посмеялись оба.

Я под куранты шампанского глотнул, она бокал в руке подержала.

– Хоть понюхай, что ли, – подначиваю, – что за веселье мне одному мозги туманить.

– А я твоего тумана пригубила, мне тоже весело.

– Что, и такое возможно?

– Возможно, возможно, – смеется Надежда.

– Ну, – говорю, – тогда и похмельем с тобой поделюсь. (Тоже шутка, конечно, уж не помню, когда до похмелья допивался, разве что в юности.)

– Само собой, – кивает Надежда. – И в горе, и в радости...

Посмеивается она, а мне чудится – всерьез говорит. Берет бутылку и мне в бокал подливает:

– Ой, как пенится! – Пена через край пролилась. – Ну вот, уже и пьяная.

Я отпил, смотрю – что-то лицо у нее покраснелось и глаза малость шалые. Будто и вправду мой хмель ей в голову ударил. И пить мне уже не хочется.

– Ну-ка, что там за косички такие? – Бокал поставил и за мясо взялся, чтобы хмель скорей забить. Хотя какой там хмель с двух глотков шампанского. Но это для меня – а она-то закусить не может.

Надежда поднялась: мол, душно что-то, и вышла на лоджию. Огорчилась из-за своей неловкости? Я дал ей успокоиться пару минут и вышел следом. Она стояла, дыша паром на стекло. Вид у нее был задумчивый, возбуждение уже улеглось.

– О чем думаешь?

– Да ни о чем, собственно. Просто раньше я будто все время чего-то хотела, спешила куда-то – то туда, то сюда, и по сторонам не глядела. А тут взяла и остановилась и просто смотрю.

– И что видишь?

– Луну. Снег на улице. Тебя вижу.

– И какой же я?

– Такой же. Только я не замечала раньше, что ты такой.

– Какой?

– Надежный. Сильный. Любимый.
– Светлый? – сорвалось у меня. Как бы в шутку сорвалось.
– Светлый, – кивнула она. – И как тебе трудно со мной. И как будет трудно.

А тебе со мной? – хочу спросить. Не спросил, свернул на другое:

– А ты вправду мой хмель ощутила? Телепатия, что ли?

– Да какая телепатия. Я же мыслей не читаю. Но твоё состояние – да, чувствую. Не всегда, конечно. Но вот так, как сейчас... или как тогда, в наш первый день, помнишь?

– Ещё бы, – хмыкаю, все норовлю на шутку свести. – Чуть на Луну не улетел. Куковала бы тут без меня...

– Только тогда это было как вспышка. – Надежда без улыбки, будто не слышит. – А тут будто в полутьме – проступает, угадывается, но глазами не разглядишь, только чувством, смутно...

– И какое оно, чувство?

– Тяжело тебе.

– Ерунда, – говорю. Сграбастал ее, подхватил, закружил. – Видишь, совсем легонькая стала!

– Тише, голова кружится!.. Это не я легче – ты сильнее стал...

Если бы, думаю.

И смеюсь, смеемся оба, будто все хорошо.

Прожили зиму. Надежда по-прежнему не ела, а так все вроде своим чередом – она дома, откисает, я в клуб выбирался. Там дела шли еще, хоть и не так, как прежде; старая команда разбредалась потихоньку, ну, я говорил уже... Ребята уходили, кто как, а с ними и наработанные контакты. Прибывались, конечно, и новые, помоложе, но с ними уже не то. Не сказать, что они пожиже, или там злее, или хитрее – другие они какие-то, чужие. Или я не тот? То ли возраст уже, запал прошел, то ли еще что-то... но чем-то же надо заниматься. Не из-за денег даже, а просто чтоб чувствовать, что гребешь, направление имеешь. Я, может, затем в клуб и выбирался – там хоть какая-то ясность, привычные правила игры, хоть и прискучившей, без драйва. То, чего дома нет. А дома – это облачко, так и висит между нами, зреет, и все в нем зыбко... и все ждешь чего-то, и не знаешь чего. Только думаешь: а вдруг оно уже случилось, это «что-то», а ты не заметил...

Да не больно помогали эти отлучки – отъедешь на полдня, а на душе кошки скребут. Вроде как сбежал и Надежду бросил, одну в этом облаке... там, где правил нет. И, может, как раз сейчас там что-то происходит, а я... Явлюсь, да поздно будет. Однажды поймал себя: прежде чем открыть своим ключом, стою перед дверью, прислушиваюсь... в привычку вошло. А чего там слушать – тихо. Откисает.

Меня уже не так беспокоило ее неедение (к чему только не притерпится человек, когда деваться некуда), а больше – что у нее в голове творится. А там варилось что-то, вызревало...

Раз, в феврале, еще, наверное, под вечер, вхожу, свет нигде не горит. В прихожей полумрак, тянусь к выключателю и вижу: дверь в спальню открыта. И два женщины, две Надежды, одна против другой – вплотную, лицом к лицу. Застыли. Одна из них в зеркале, я сразу подумал. Но то, как подумал, мне не понравилось. Будто успокоить себя спешил. Будто и вправду на какую-то секунду поверилось, что передо мной две одинаковые разные Надежды. Да с чего бы – тут отродясь ее трюмо

стояло с пуфиком, – вон и флакончики всякие на туалетном столике, которыми она давно не пользуется, только протирает до блеска, и рамка зеркала четко видна, даже в сумерках...

Надежда не повернулась, не шевельнулась, хотя не услышать меня не могла.

В спальне было посветлее, чем в прихожей, но лица ее я видел лишь краешек – она сидела ко мне спиной вполоборота. Зато видел лицо, брезжащее в зеркале, – склонившееся изнутри ей навстречу, в упор, глаза в глаза. Белое и неподвижное, оно словно мерцало в сумерках. В нем было напряжение и ожидание.

Я застыл в прихожей. Казалось, в воздухе повис какой-то вопрос, и вот сейчас Надежда ответит, и отражение кивнет...

Почему она молчит? – мелькнуло в голове. Почему не отвечает?

И вдруг понял почему. Она знала ответ, и боялась ответить. И не ответить не могла.

И я тоже ощутил страх. Я не хотел этого ответа. Потому что как только он прозвучит – что-то сдвинется. В ней, во мне. Что-то случится, и ничего уже не будет по-прежнему.

Моя рука цепенела на выключателе. Нахлынуло ощущение тоски и какой-то невыразимой хрупкости мгновения – казалось, подтолкни его случайным движением, словом, – и время, сбитое с толку моим появлением, опомнится, вздрогнет стрелкой на неведомом циферблате и двинется дальше. И ответ прозвучит. Я боялся опустить руку, шевельнуться, дышать; мгновение тянулось невыносимо.

И кто-то во мне не вынес этой хрупкости и спросил, будто со стороны:

– Не темно тебе? Свет зажечь? – Собственный голос показался чужим.

– Да, – ответила Надежда, не оборачиваясь, так что не понять было, мне ответила или зеркалу.

И пока я, уже через порог спальни, нашаривал выключатель за косяком, еще раз повторила:

– Да, – и тогда уже обернулась.

И перед тем как вспыхнул свет, мне почудилось – я застал взглядом еще глядящее из зеркала лицо. Не затылок Надежды, не ее отражение – лицо. Оно глядело на меня.

Зажглась люстра, и лицо в зеркале исчезло.

– Пришел светлый и принес свет, – Надежда улыбнулась, поднялась мне навстречу.

И у меня при этих словах зигзаг в мыслях: это она про меня сказала? А точно ли про меня? Не про то отражение в зеркале – мерцающее?..

Силюсь вспомнить лицо в зеркале, и не получается. Черты зыбкие, нечеткие – впотьмах же... И уже не уверен, что это было лицо Надежды.

Да полно, что я мог там увидеть, кроме ее отражения?

Вот-вот! – кто-то во мне шепчет – то-то и оно: что ожидаем увидеть, то и видим. И вовсе уж безумное: а Надежда – кого она видела в зеркале? Кому сказала «да»?

(светлый)

А рука еще на выключателе. И шальная мысль: если сейчас свет погасит... может, он и сейчас там?

Надежда смотрит на меня, ждет.

Да что со мной? К зеркалу ревную? Разозлился на себя. Улыбку включил:

– Пришел электрик и перерезал провода... Давно так сидишь, в темноте?

– Ты ведь не об этом хотел спросить, правда?

И у меня под ее взглядом опять какой-то сдвиг в голове: вдруг вообразил себя отражением в зеркале – тем, мерцающим. Будто я не тут, на пороге спальни стою с рукой на выключателе, а смотрю на нее не отсюда – не из-за стекла даже, откуда-то *оттуда*. Будто не она меня спрашивает – это я задал вопрос и жду. И знаю, что ответ один и страшен ей этот ответ – больной, истощный, невыносимый. Но не уйти от него, нету другого.

И я это понимаю, и боль ее – во мне. И она понимает, что я понимаю... и так до бесконечности, отражаемся друг в друге, наша боль отражается. И не понять уже, кто из нас здесь, настоящий, кто там – в зеркале, *за зеркалом*. И хочется шагнуть навстречу, проломить это чертово стекло, прижать ее к себе – до дрожи, до неразрывности, намертво...

– Не молчи... – голос Надежды, будто издалека.

Но помог мне стряхнуть этот морок.

– Ты так смотрела, – говорю, – в это зеркало, словно... – (Спросить, не спросить – про *светлого?*..) И – со смешочком: – ...словно войти туда хотела.

Она глаза отвела, будто других слов ждала.

– Я бы вошла...

– В смысле?

Помолчала: сказать – не сказать. Сказала.

– Ну, не в это трюмо... Я в мир хочу войти. В каком-то смысле мир ведь и есть зеркало, да? Поставлено перед нами, чтобы себя понять могли. А чем заняты? Переделываем этот мир под себя, и все нам неудобно, кроим, кривим зеркало, а все себе не нравимся. Оно уж в трещинах, как не разбили до сих пор...

– Это ты про экологию?

– Да про все. Про все.

– Если про человечество, – пытаюсь вырлить на понятное, – так другого пути у цивилизации вроде и нет, кроме технологического. Разве что голыми под пальмой. А что технологии – враг экологии, ну да, тут баланс нужен, так придем со временем. Наука ведь тоже не спит. А без ресурсов и развития нет.

– Ресурсы, развитие... все правильно. Только куда развиваться – ради новых ресурсов? Добыли, слопали, где бы еще отхватить, да побольше. Вот в космос стремимся – уж там-то этих ресурсов и экологов никаких. Это как с едой получается – булимия какая-то. Что ж мы, в этот мир жрать пришли?

– Пока по-другому не получается.

– То-то и оно. Чего-то мы не понимаем, не видим в этом зеркале. Себя не видим, ни места своего. Может, потому и не видим, что мы – не в нем живем, а как бы отдельно, снаружи? Я даже думаю, может, мы там жили когда-то, а потом ушли да и заплутали, забыли, откуда сами родом. Так, томит, зовет что-то – а что? куда? – нет, не помним...

Серьезно говорит, с напряжением, с тоской даже. И меня этот ее тон больше, чем смысл, тревожит. Подумалось: холодный компресс ей на лоб, и сидеть рядом, по волосам гладить, пока не задремлет...

– Это ты про рай? – стараюсь снизить градус. – Так мы оттуда не сами ушли. Рылом не вышли, нас и попросили на выход... с треском.

– Рай, не рай, не в том дело... Может, не *потому*, а *затем* и попросили – чтобы вернулись мы уже другими.

– И что, думаешь, пора? С тех пор человечество лучше стало? В раю хоть не убивали, не научились еще.

– Я не убивала. Ты не убивал.

Откуда ты знаешь, думаю. До сих пор мы вроде как вообще говорили, отвлеченно. И вдруг она все на нас двоих свела.

– Ну, в общем, да, – говорю, – не убивал.

Она про свое, как думает вслух:

– А насчет человечества, пора или не пора... Тут не человечество, тут каждый сам решает. Да и что ты все – рай да рай. При чем тут рай? Может, там...

– Ад? – я договорил.

Плечами пожала.

– Откуда я знаю, что там откроется? Может, и ад. А может – кому как.

– По грехам его? Что-то боязно, – говорю. – Может, лучше пока здесь – подумать, взвесить, присмотреться как-то...

– Отсюда не присмотришься. Одно знаю: пока я здесь, пока все как прежде – то мне точно ад. Не горячий, не жгучий, а тихий, стылый, меркнувший... и не вокруг меня – внутри. Нет, идти надо.

– Так ты меня с собой зовешь?

– Не могу. – И смотрит на меня, руки уронила. – Тут – каждый сам. Только сам. Да и как звать, куда? Не в зеркало же... Я и пути-то не знаю.

– И как же дальше?

– Не знаю. Жду вот, может, откроется что-то... должно же...

– Ладно, – говорю, – если откроется, пойдем.

Не подумал, не понял даже, как сказал.

– А если бы и подумал? – спросил Рыжий.

– Если бы да кабы... Хорошо, что не подумал.

Дни шли. Говорили мы теперь мало, как-то подвисло все. Она все больше в себе, я к ней прислушиваюсь. Оба ждем, сами не знаем чего. Я все понять пытался, на что же подписался. «Идти надо» – сказала она, но ведь не буквально же. Взглянуть на мир другими глазами – так вроде. Ну, если получится, почему не взглянуть. А не получится – что тогда? Может, рассосется все как-то... да, все еще мелькала такая мыслишка. Но каким-то чутьем чуял уже: нет, не рассосется. Не зря Надежда про ад сказала, который в ней, внутри. Слишком далеко дело зашло, и остановиться она не сможет, назад пути нет. А вперед? Его не то что не видно, а вообще – есть ли он? Она не знает.

Но верит же.

А я?

Получается – если нет его, этого пути, то и все понапрасну. И даже хуже. Пути нет, а без него ей ад – так она себе в голову вбила. Настолько крепко, что... Честно сказать, меня и раньше сомнения посещали – может, слишком уж она увлеклась, замудрилась... опять же голодовка эта. Может, что-то и сдвинулось в психике – ну, не совсем, конечно, а так – в чем-то оторвалась от реальности, утратила объективность. Но я эти сомнения давил.

А теперь не сомнения – страшок подступил. После этих ее слов, про ад внутри. Она уже с ним жила, с этим адом. А дальше что? Если все по-прежнему, если не откроется ей путь – чем это кончится? Помешательством?

Не столько даже сама эта мысль пугала, сколько – если я эту мысль в себя впущу, то себя как нормального сразу от Надежды отделяю. В сторону отхожу. И она одна остается, с этим адом своим.

А я-то сам – нормальный? Убедил же себя, что в этом что-то есть, потакал, поддакивал. По вере или по малодушию? Не знаю вот.

И что мне с моей нормальностью делать? Нужна она мне, одному, без Надежды? Не окажется, что под ней тот же ад – стылый, меркнувший, где льдинки вместо угольков?

Выходило, я тоже забрел, заплутал за ней следом и хода назад не знаю, а пожалуй, что и не хочу. И путь ее – на двоих. Хотя я его не выбирал...

В общем, путаница в мыслях такая, что хоть не думай. Да как не думать? И холодок в груди поселился, предчувствие чего-то. И во сне ждал.

Еще разговор был.

– Ты молодец, твердо идешь, не сворачиваешь. А ведь наугад, вслепую. – Не помню, к чему я это сказал, но вроде как подбодрить ее хотел или сам бодрился. Только тут уверенность нужна, а в чем я уверен? Так что это скорее вопросом прозвучало.

Надежда поняла.

– Не вслепую, – головой качнула. – Есть ниточка.

– Что за ниточка?

– Чувство такое появилось... у тебя не бывает? – будто вслушиваешься и вот-вот услышишь что-то... или вспомнишь... Как забытое слово – вертится на языке, а вспомнить не можешь. И слово-то какое-то простое, родное, давнее – может, из детства еще. Кажется, вспомнишь, и все поймешь – ну *совсем все*. И точит, изводит – до щекотки в мозгу...

– И давно у тебя так?

– Не знаю уже... теперь вот кажется, что и всю жизнь. Только раньше не слушала, не хотела. А тут вот...

– В чем же ниточка, если вспомнить не можешь?

– Так вспомнила я.

– Что вспомнила?

– *Господи, помилуй*.

Смотрит настороженно, будто шутки ждет. Но я серьезен, куда серьезнее.

– Это из молитвы вроде?

– Это и есть молитва. Самая короткая.

– И как ею... (чуть не сказал «пользоваться») руководствоваться теперь?

– А никак. Жить с ней, и все. Вот живу.

– И часто молишься?

– Как вспомню, так молюсь. Но уже и вспоминать не надо, само получается. Борщ тебе варю – молюсь. Сплю – молюсь. Вот с тобой говорю – молюсь. Она сама внутри звучит.

– М-да, – говорю. – Тяжело же, наверное, – и осторожно, как бы в шутку, и себя проклиная: – Мысли не раздваиваются?

– Думаешь, я... – Надежда усмехнулась. – Ладно, я и сама порой сомневаюсь. Но нет, не раздваиваются. Мысли мыслями, а молитва сама по себе. Но я ее *словом* зову, так мне правильной кажется. *Слово* само живет, понимаешь. Во мне, но само. Вот говорят, чужая душа

потемки, а мне думается, своя-то еще темней. Слово в ней – как фонарик, единственный. Не дай бог, погаснет.

– Ясно, – говорю. Хотя ничего мне неясно. – И о чем молишься?

– Конкретно – ни о чем, если ты про это. Все, что нужно, – уже в слове есть. *Господи, помилуй* – не дай с пути сбиться, закиснуть, душой зажиреть. Покоя не дай.

– Но ты сказала – «ниточка», значит, должна вести куда-то, путь указывать?

– Никто мне его не укажет. Слово – не шпаргалка, не навигатор в машине. Скорее вроде индикатора, огонек в сердце: шагну ли не туда, уклонюсь, да просто забоюсь, заколеблюсь – красным загорится. Но шагнуть я сама должна. Каждый шаг, каждый поступок – мой. Выбор – мой.

– И что сейчас твой индикатор показывает?

– Пока верно шли. А дальше... – Она плечами пожала.

И по тому, как она глаз не отвела, хотя уловил я такое движение – хотела отвести, сдержалась, и по тому, как сказала «шли», а не «шла», я понял, что дальше – дело во мне.

Напрягся уже.

Но она молчала, и я не спросил. Только сказал:

– Может, тебе иконку какую привезти? Книжек каких божественных, а то у нас и Библии-то нет.

Опять головой качает:

– Не сто́ит. Слово со мной, ничего больше не надо.

Я после этого разговора в Сети порылся: хоть немного понять, что с ней очередное такое. Не знал даже толком, что искать, но ведь все в этом мире уже когда-то случалось, верно? Ну, или похожее. Набрел на древнюю практику православных монахов-исихастов. Там это называется умной молитвой. Эту молитву «Господи, помилуй» они повторяли про себя непрерывно, чтобы избавиться от ненужных мыслей, «внутренних разговоров» и засилья рассудочного ума. И вообще подчинить ум сердцу. Знакомая мысль, да? Не о том ли Надежда твердит без устали, не о том ли ее страдания? Что не брюхо должно командовать умом, не похоть мелкая, не суетные страстишки, а что-то повыше нас, что одно только и может наше существование оправдать и смыслом наделить. Что и понять невозможно...

Не сказать, что я во всем разобрался, но суть вроде бы уловил. А углубишься – закопаешься в премудростях. Тут я Надежду понимаю, почему к науке такое отношение. Не от науки она бежала – от готовых решений. И от книжек религиозных потому отказалась, что чувству своему, что ее вело, верила больше, чем чужому, самому премудрому, уму. Ересь, наверное, сказали бы богословы. Она к этому чувству, к молитве, слову своему, сердцем пришла. А ведь ни о каких исихастах и практиках их слыхом не слыхала.

Вот задумаешься тут, откуда что в нас берется, какие еще в нас искры тлеют. А может, лучше не думать, а поступать, как Надежда. Она одного боялась: чтобы это ее чувство, этот фонарик в сердце не погас.

А может, фонарик и есть сердце, проснувшееся, распахнутое миру? Зрячее, вещее... Вот только кто его пробудил?

Илия умолк, то ли собираясь с мыслями, то ли наткнувшись на какую-то незнакомую. Помахивал у лица сломанной от комаров веткой.

– А потом? – соскучился ждать Рыжий.

– Потом... да все в том же духе... – Илия стегнул себя веткой по ноге, заставляя очнуться. – Потом опер проявился, весной уже.

Дела в клубе шли ни шатко ни валко, да подпол там и раньше понапрасну не светился, так что после того разговора в кафе я его не видел. А тут вдруг встретились. Заехал я на заправку, вставляю в бак пистолет, мимо какая-то машина – медленно, едва ползет. Я глаза поднял – стекло опущено, и подпол за рулем, смотрит на меня. Молча пальцем ткнул в сторону – там кафе при заправке, – стекло поднял и отъехал.

Он ждал за столиком у окна с двумя чашками кофе и минералкой. Пододвинул мне кофе.

– Минералки налить? Кофе надо с водой пить, чтоб организм не сушить.

Потрепались об общих знакомых: где тот, что с этим. Мол, хорошо бы собраться как-то, посидеть.

– Да, да, – вздыхает он, – да все некогда, крутишься, как электровеник. Ладно, ты сам как-то? Призраки не беспокоят?

– Какие призраки?

– Голодные.

– Да нет вроде, – до меня доходить стало, о чем он. – Все нормально.

– Ну и ладно. Главное, чтоб их не тревожили.

– А могут? – спрашиваю я. – С чего бы это?

– Сетевая активность, запросы, сайты специфические. И по месту, где этого твоего нееда сбили – совпадение один в один. Программа и нашарила. Вопрос: не по этому ли адресу он шел? А где вопрос, там и...

– Что, так серьезно?

– Да необязательно, – подпол плечами пожал, – направление не приоритетное. Так, присмотрятся пока... А ты похудел будто. Ешь побольше, на продуктах не экономь.

Он пододвинул мне вторую чашку кофе:

– Это тоже твоя. У меня от него изжога. Ты пей, а мне пора. Все дела, дела... А тут еще повышают меня, в замначальники управления, третья звезда светит. Теперь совсем ни до чего будет. Бывай.

То есть эта наша встреча последняя, понял я. Ясно, что неслучайная. Что-то вроде прощального бонуса.

Я смотрел в окно, как он идет к своей скромной «Джетте», ждал, не оглянется ли. (Зачем – помахать мне на прощание? Не от хвоста же ему проверяться.) Не оглянулся, конечно.

Я достал мобильник и вычистил из памяти его телефоны.

Когда я вошел в квартиру, Надежда сидела перед своим трюмо. На этот раз она сразу обернулась. Словно ждала.

– Все кажется: войду однажды, а тебя нет, – пошутил я, разуваясь в прихожей. – Что такое? куда девалась?.. А ты уже в зеркале – там живешь.

– Ближе к тому, – улыбнулась она, как-то неуверенно. – Пора уже.

– Что пора?

– Следующий шаг сделать, главный, может быть. В путь пора.

Кому в путь, хочу спросить, – тебе, нам?.. И не могу, тяну:

– Ты же все мучилась, не знала, как дальше. А теперь знаешь? Открылось что-то?

– Открываться-то нечему. Все просто, если честно смотреть – не бояться, глаз не опускать. А я боялась.

– Так что теперь? Куда в путь-то?

– В мир. – Все старается улыбаться, а мне чудится, у нее слезы к глазам подступают.

– Так мы вроде не уходили из него. Или ты про другой какой-то?

– Про этот самый, не знаю я другого... Только – прошлый он. Войти в него надо заново. Может, тогда он изменится, а может...

...ты? мы? – я ждал, хотел услышать. Но она не договорила, плечами пожала.

– И как в него войти?

– Оставить все, чтобы ничего за душой. С чистыми глазами. Как младенец в мир приходит.

– Так куда идти-то? Ты знаешь?

– Не надо знать. Ни куда, ни зачем. Ступить за порог и не оглядываться. Просто идти и все. Как путь решит.

– А ничего за душой – это как понимать?

– Ничего лишнего. Ни в руках, ни в голове, ни в сердце. Такого, что душу назад потянуть может.

– Без вещей, без денег?

– Не это главное, – качает головой, – это – само собой... – И опять не договаривает.

И меня прорвало.

– Одна, что ли, собралась? Без меня – чтоб назад не потянул? Так решила?

Надежда глаза опустила.

– Не могу я тебя звать, за тебя решать. Ты одно пойми: этот мир как капкан меня держит. И я, как зверь, готова лапу себе отгрызть, чтобы из него вырваться. Но мой это капкан, не твой.

– А я, значит, побоку?

– А ты, – она глаза вскинула, голос дрожит, – ты – сердце мое. Но я должна, понимаешь...

– ...Меня из сердца себе вырвать, так?

– Из сердца – не могу, – говорит она, почти шепчет. – Только с сердцем вместе. – И вот-вот расплчется.

Весь мой запал сдулся.

– Ну-ну, – обнимаю ее. – Куда ж ты, – говорю, – без сердца-то? Ведь не дойдешь.

– Не дойду... – кивает она, и в слезы.

Успокаиваю, по волосам ее глажу, а в мозгах щелкает: надо ж совпало как – я еще про подпола не сказал, а она уже собралась. Сама учуяла или этот ее путь подтолкнул? Теперь и смысла нет говорить, все равно уходим... Когда? А сегодня, сейчас. Чем скорее...

Она в грудь мне уткнулась, что-то лепечет сквозь слезы, я поддакиваю: «ясно, ясно...» А у самого ощущение легкого безумия, не пугающее, забавное даже. Будто со стороны гляжу на двух нариков укуренных: лопочут что-то, оба не в себе, но обоим все ясно.

Сборов не было, она только парку надела (я пуховик предлагал – хоть и март к концу, и снега в городе почти не осталось, но и подморозить может, – только рукой махнула). Сам, как был, в куртке осенней; деньги, кредитки, ключи от обеих квартир, мобильник – в общем, что было в карманах, так и оставил. Я же их нарочно не припасал, значит, как бы не считается.

Присели на дорожку. Я спросил:

– Как думаешь, вернемся еще?

– Не знаю.

– Молишься сейчас?

– Молюсь.

– И что фонарик говорит?

– Все правильно, говорит. – А сама уже в прихожей топчется, скорей на выход.

Мы вышли из подъезда, каждый в своих мыслях. Смеркалось, сеял мокрый снежок и тут же таял на асфальте и в лужах. Я по привычке свернул на парковку к своему «Инфинити» и, пикнув брелком сигнализации, сообразил, что это мои ноги на автомате привели нас к машине, – Надежда просто шла рядом и молчала. Значит, пока все правильно, в *путь* мы отправимся на колесах.

– Куда? – спросил я в машине.

– Куда-нибудь.

– На заправку для начала? Бак полный, но пару канистр впрок залить.

– Не надо, – сказала Надежда. – Не надо ничего впрок. Просто поехали.

Я вырулил со двора на улицу. Ни одна машина не тронулась следом.

И подозрительных прохожих я не заметил.

Мы доехали до перекрестка, того самого, и, пока пережидали на светофоре, меня опять охватило ощущение морока. Все, что было за стеклом машины, отодвинулось, словно отделенное иллюминатором батискафа. Редкие блески дождинок на свету, теплые вечерние окна, пешеходы, скачущие через лужи, перебегающие на красный, – все это было чьей-то обычной нормальной жизнью, какой давно уже не жили мы. Для нас она стала чужой.

Эти люди знали, куда идти. А мы?

Но тот неведомый (*светлый?*), погибший на этом самом перекрестке, похоже, тоже знал куда идти. И закончил свой путь под колесами...

Я покосился на Надежду: чувствует ли она что-то подобное? Она уловила мое движение, но поняла по-своему:

– Ты не думай, не спрашивай, езжай, куда едетя. И навигатор выключи.

Я старался не думать. Свернул с центральной улицы в жилые массивы, покружил в них наугад, но там не думать оказалось труднее, повороты на каждом углу, поневоле приходится выбирать. Выехал на проспект, тут проще – прямо и прямо.

Добрались до окраины, через виадук – на объездную, мимо складов, ангаров, торговых центров, забитых машинами парковок автосалонов, новых микрорайонов в голое поле, деревень с облезлыми домишками вперемешку с пряничными особняками, коттеджных застроек, дачных массивов. А за ними – темные поля, перелески, какие-то огоньки вдали... С объездной выехали на федеральную трассу. Надежда молчала.

Впереди от трассы ответвлялось какие-то шоссе, указатель я проглядел. На развилке светилась вывеска придорожного кафе.

– Останови, – сказала Надежда.

Я свернул на обочину.

– Есть хочешь? – спросила она.

– Нет, – сказал я и почувствовал, что хочу. И подумал, что это включилась голова: не столько я голоден, сколько она встревожена непредсказуемостью наших блужданий, и потому – не поесть ли впрок?

– Нет, – повторил я назло голове. Кажется, громче, чем следовало; Надежда колебалась несколько мгновений.

– Поехали, – сказала наконец, и голос ее показался мне виноватым.

Я тронул с места и вспомнил, что в бардачке есть пара шоколадных батончиков: как-то взял на сдачу, так и валяются, только под руку лезут. Ну, пусть пока, не выбрасывать же прямо сейчас – слишком уж театрально. Да я и не запасал их нарочно... В раздражении от лукавых мыслей свернул с трассы на темное шоссе, уходящее куда-то в поле.

Шоссе оказалось старым, все в выбоинах, через пару километров и вовсе пошла щебенка. Миновали деревню с редкими огнями, заброшенную ферму. Поля чередовались с перелесками, кое-где еще лежал снег.

Проехали безлюдный садоводческий массив; здесь щебенка кончалась, дальше шел проселок с колдобинами и лужами с колесо глубиной. Дорога поглощала мое внимание, отвлекала от мыслей, да и устал я от них. Мы ехали по какой-то низине, вроде заливных лугов, временами фары выхватывали из темноты жесткие вихры кустарника, вокруг ни огонька, и ползущее перед нами освещенное пятно казалось единственным источником света во вселенной. Все это рождало состояние некой прострации, бездумной отчужденности от внешнего мира. Словно спустились мы в надежном батискафе на дно морское, и нет нам дела до того, что тут творится, даже не любопытно, мы тут транзитом, наша цель впереди. По-моему, Надежда испытывала то же. Ложное ощущение, конечно. Самообман. Не было цели.

Проселок резко вильнул, и пятачок света от фар словно обломился по краю, провалился куда-то.

– Останови, – встрепенулась Надежда.

Мы вышли из машины. Снаружи было не так темно, как казалось из салона. Дождик чуть моросил, но из мутной пелены выглядывала луна и фары добавляли освещенности. Мы стояли на подмытом берегу, на невысоком яру над речушкой. Метров десяти в ширину, она не казалась глубокой, наискосок русла лежало притопленное дерево, видимо, притащенное половодьем, к нему с двух сторон перекинуто подобие мостков.

– Где же?.. – пробормотала Надежда. – Где же тут?.. – заходила вдоль обрыва, оглядываясь и щурясь от света фар. Она походила на собаку, ищущую след, только что не приносивалась. – Должно быть... ага!..

Едва заметная тропка от проселка подсказывала место спуска.

Высоты там было метра два, но Надежда поскользнулась, съехала вниз, тормозя подошвами; хорошо ботинки на ней были без каблуков и на рельефе. Я спрыгнул следом.

– Куда ты?

– На ту сторону. Надо туда...

Она опять избегала слова «мы».

– Уверена? – Спрашивать зачем было бессмысленно. Отговаривать тоже. И что я мог предложить – ехать дальше? Зачем? Я не знал. Как и она. – Погоди, машину с дороги уберу.

Это было необязательно, но я вернулся и передвинул машину. Нашарил в бардачке шоколадные батончики, сунул в карман. Ведь они уже тут, впрок я их не припасал. Подвернулась зажигалка с подсветкой, прихватил и ее. Мобильник мешался в кармане, бросил на сиденье: кому теперь звонить, Надежда свой не взяла.

Надежда ждала на берегу. Я посветил зажигалкой: доска, перекинутая с берега к притопленному дереву, выглядела достаточно прочной и опиралась на выпиравшие из воды сучья. Лишь бы не гнилая – я ступил на нее одной ногой, пробуя на шаткость.

– Нет, – Надежда потянула меня назад. – Я сама. И свет убери, слепит. Опять мне чудится: сама – одна? Сошел с доски.

– Господи, помилуй, – сказала Надежда, подняв глаза к мутной луне.

В этот момент я увидел мост. Не то чтобы ясно, скорее силуэт, прочерченный черным по мглистому краю неба с одного берега на другой. Но это был мост – что еще? Он находился выше по течению, метров через двести, в той стороне, куда вел проселок, с которого мы съехали.

– Мост, – сказал я.

Надежда не повернула головы.

– Мост, – повторил я. – Давай доедем, тут рядом.

– Нет, – сказала она. – Путь здесь.

Она пошла по доске, та захлюпала. Ветки, торчавшие над водой, зашевелились, зашаркали по полам ее распахнутой парки; она приподняла руки, чтобы не задеть их; выглядело как-то по-танцевальному, по-детски даже. И под ноги не смотрела; вот-вот оступится, а я тут, на берегу, – двоих доска может не выдержать.

Надежда дошла до дерева, ступила на ствол, взявшись за сучья.

– Погоди...

Я перебрался следом. Дерево подалось под нашей тяжестью, но сидело на дне прочно, и ствол был притоплен не полностью, обувь оставалась сухой. Часть веток была обломана, некоторые срублены, видимо, рыбаками под просветы для удочек; я наткнулся рукой на клубок старой лески.

Надежда смотрела на тот берег, прислушивалась. Я чувствовал ее нетерпение.

Она двинулась по стволу, перехватываясь за ветки. Я перебирался следом. Ближе к вершинке ствол был более шатким, проседал под ней, норовя уйти в воду; я отступил, чтобы она не промочила ноги. Но Надежда уже перескочила на доску – будто какая-то сила ее влекла, – и не перешла – перебежала, легко, мелкими шажками, на тот берег.

Я хотел повторить тот же номер, но вышло не так удачно: доска заплясала под ногами, меня повело вбок, и у самого берега не удержался, соскользнул-таки в воду. Там было мелко, по щиколотку, но кроссовками черпанул.

– И как теперь? Тебе сушиться надо. – Голос у Надежды растерянный, даже виноватый.

– Да ерунда, – говорю, – само высохнет.

Ясно, теперь она разрывается: ей идти надо, а тут со мной проблемы. А я на себя злюсь: мог бы поаккуратнее, без горячки.

– Простудишься. Надо назад, в машину.

– Опять по доскам прыгать? Нет уж, уволь.

– Ты про мост говорил, – напомнила Надежда.

У меня как будто зрение обострилось, а может, луна поярче засветила. Гляжу – мост словно приблизился: проступают из темноты контуры свай, полотно, даже перильца вроде.

Надежда головы не повернула в ту сторону, на меня смотрела. А я на мост. Вот же, рядом, чего проще перейти, обсушиться в машине и назад тем же путем, посуху. А то и на колесах... Только захочет она вернуться,

сойти с пути? *Путь здесь*, сказала. Спросить ее – перед выбором ставить.

– А ну его, – говорю, – гнилой наверняка, провалиться не хватало. Пошли, на ходу обсохну.

Недалеко отошли, как Надежда остановилась.

– Что-то не так... это знак какой-то.

– Какой знак?

– Что ты на доске оступился. Я прошла, не качнулась, а тебя будто толкнули.

– Ну уж скажешь. (Хотя странновато, конечно, – уж что-что, а с координацией у меня все в порядке.) Кому меня толкать? Да и с чего бы?

– Не знаю... может, чтобы назад вернуть.

– Но мы ж не вернулись.

– Не вернулись. Только не нравится мне это... Ну-ка, – наклонилась, потрогала. – Да тебя у тебя ноги насквозь. Надо сушить.

– Где ж тут сушить? Пошли, да и все, на ветерке обсохнут.

– погоди, – Надежда оглянулась по сторонам. – Тут кустов полно, давай костер разожжем.

– Да они все мокрые.

– Попробуем.

Странно, кусты оказались не волглыми, в руках не скользили, старые отмершие ветки и вовсе легко ломались. Ключья сухой прошлогодней трава пошли на растопку, и, складывая костерок, я заметил, что и земля здесь суше, чем на том берегу. Дождик сюда не дошел, за рекой остался.

Костерок занялся, я наломал еще веток, набросал рядом, сесть. Кроссовки снял, поставил к огню, вытянул ноги.

– А откуда у тебя зажигалка? – вдруг спросила Надежда. – Ты же не куришь.

– Прихватил случайно, вместо фонарика.

Ясно, о чем она подумала: ничего *лишнего*. Но вот зажигалка-то не лишней оказалась.

– Еще что-то прихватил?

– Да ничего. – Вспомнил про шоколадные батончики. – Вот разве, – выудил из кармана; не врать же ей, – болтались в бардачке.

– Понятно.

И тут до меня дошло:

– Ты что, думаешь, я из-за них в воду сверзился?

– Какая еще причина, что ты, восточник, рукопашник и все такое, с твоим чувством баланса, на доске не удержался? А я прошла...

– Забавно, – ворчу. – Будто я не по доске шел, а по мосту в рай. Да грехи не пустили, утянули. Так мы в аду?

– Не забавно, – уперлась Надежда. – Не шути так, серьезно это.

– Да что серьезно-то?

– А то, что ты и по первой доске прошел, и с дерева, там, где глубже, не свалился, а только на второй доске, в самом конце, оступился. И то лишь ноги замочил. Но до берега добрался. Это знак.

– Какой знак?

– Что путь тебе не закрыт. Но он тебя предупредил.

– Что-то я не пойму. Путь – он же твой, это ты по нему идешь. А я его не выбирал, я с тобой иду, за компанию. Ты мне нужна, а не путь твой. Зачем ему меня-то воспитывать? Что ему мои шоколадки?

Надежда в костер смотрит.

– Боюсь, так не получится – за компанию, по чужому пути. Если ты со мной идешь – он и твой тоже. Прости.

– Что «прости»?

– Что свернуть не могу. Что тебя за собой потянула. Но если идешь – прими.

– А иначе что? Попадется другая речка, так я на переправе уже с головой ухну? И на корягу напорюсь, чтоб уж с концами?

Надежда смотрела в огонь. Огню сказала:

– Не будет у нас следующей переправы.

– У нас? – Я опешил. – Без меня хочешь?

Надежда не сразу, с трудом, взгляд от огня оторвала:

– Ни у тебя, ни у меня. Пути не будет.

– Вернемся, что ли?

– Значит, вернемся.

– Ты серьезно? Это из-за меня?

– Из-за нас, – и опять в огонь смотрит.

Врасплох застала. Типа мне решать, идти нам дальше или нет. Сама она с пути сойти не может, но понимает, что одну не отпущу, и за меня боится, за неверие мое. Путь для нее – все, но не любой ценой. Ради меня – вернется.

Вот и решай тут.

Ну вернемся – только куда, к чему? Под колпак, о котором мой подпол предупредил? Она-то не знала про мои встречи с ним. Ну, может, с этим разурлится как-то: неприоритетное направление, да, глядишь, и чем другим пригожусь ребятам, мало ли... Чем угодно отслужу, лишь бы от Надежды отвязались. Но ей-то как жить дальше – опять в спальне сидеть? С этим своим адом внутри?

Уехать куда подальше, зарыться? Можно найти варианты... Только ад ее никуда не денется, она его с собой потащит. И то, что я ее с пути сорвал, так и останется между нами, не забудется, не рассосется. Сам не забуду...

Веток для костра почти не осталось.

– Пойду еще наломаю.

Я натянул кроссовки. Они были еще влажные и горячие от огня, но отойдя от костра, я ощутил легкий озноб. Кажется, похолодало. А тонкие ветки горят быстро, до утра не набегаешься. Принес охапку, подбросил.

– Сушись, – сказала Надежда, – я еще принесу.

– Нет, – сказал я. – Есть вариант получше.

Я вернулся к реке. Вода казалась черной и такой холодной на вид, что меня пробрала дрожь. Стараясь не мочить руки, я вытащил доску на берег. Она была длинной и тяжелой и плеснула по воде дальним концом, но большая часть осталась сухой. Хорошая доска, говорил я ей, волоча ее к костру, толстая и совсем не гнилая, и не очень сырая; мы тебя подсушим, и ты будешь долго гореть. Еще я помнил про мост, но не смотрел в ту сторону.

Положил доску сухим концом в костер и наломал еще веток с кустов. Они были холодные, пальцы немели и плохо слушались. Бросил ветки на доску, чтобы помочь ей разгореться, и подставил ладони огню.

– Замерз? – спросила Надежда.

– Ничего, сейчас согреемся.

– От сожженных мостов... – отрешенно проговорила она.

– Хоть какая-то польза.

Мы сидели рядом и глядели в огонь. От доски еще шел парок, но она уже занималась по краям. На этот раз я не стал разуваться, вытянул ноги, впитывая тепло подошвами. Кажется, я задремал и вдруг очнулся.

– Что?..

Надежда смотрела вверх, в беззвездное небо. Повернула ко мне лицо, качнула головой.

Но вряд ли мне почудилось: *Господи, помилуй*. Я уловил ее молитву сквозь забытье, может, и не произнесенную вслух.

Не заметил, как задремал опять.

Проснулся, когда уже светало. Надежда сидела в неудобной позе, я привалился головой к ней на колени. Доска почти догорела; значит, Надежда передвигала ее. Парку свою она сняла и расстелила на ветках, чтобы нам не сидеть на земле.

– Надень, простынешь, – я спешно поднялся. Меня передернуло от мозглой рассветной стылости.

– Нет, мне не холодно.

В тонком свободном свитере и темных брюках милитари она не выглядела замерзшей. И усталой не выглядела, лицо свежее, только на волосах порошинки пепла от костра. Похоже, она и умыться успела.

– Ходила к реке?

– Ходила. Как ты?

– Нормально. Пойду плеснусь тоже.

Она хотела что-то сказать, но передумала.

Я побрел к реке. Мысль о холодной воде была болезненной, но надо было выбить из себя сонную одурь. Меня познабливало, но это спросонок. Солнце едва пробивало тучи над дальним перелеском, но уже одно его присутствие грело душу, как это всегда бывает при восходе.

На ходу я искал глазами дерево, послужившее нам мостом, и не находил. Я был уверен, что не уклонился в сторону, потому что еще издали различил другой ориентир: силуэт машины. С ней было что-то не так; я прибавил шаг.

Над водой висел легкий туман, но его уже разгонял ветерок, и выше видимость была хорошей. Со своего берега я отчетливо разглядел машину – то, что от нее осталось. Черный, сквозящий на просвет кузов с выгоревшим салоном, без дверей и стекол, голые диски без резины, искореженная задранная крышка багажника. Капот был сорван и валялся поодаль.

Странно, я не испытал шока, лишь какой-то толчок в сознании – словно кто-то внутри меня сказал «упс!» и потер ладошки с таким, знаешь, мрачным удовлетворением. Словно этот кто-то ничего другого и ждал.

Не было ни потрясения, ни сожаления о загубленной машине, только мгновенная тревога: как случилось, что мы ничего не заметили? Мы остановились неподалеку, и зарево от горящей машины не могло не привлечь нашего внимания. И раскурочить ее бесшумно, даже отключив сигнализацию, вряд ли бы удалось – в ночной тишине этой богом забытой глуши мы не могли не услышать. Да и не похоже, чтобы грабители заботились о скрытности...

Проспали? Оба?

Что-то не складывалось.

Я не чувствовал запаха свежей гари; он не мог выветриться так быстро и непременно долетел бы сюда. Да и само пожарище не выглядело свежим: нигде не тлело, не курился дымок...

И река показалась мне шире, чем ночью, и противоположный берег выглядел иначе. Обрыв, на котором я оставил машину, исчез, подмытый и сглаженный, похоже, не одним половодьем. Остался пологий скат, благодаря чему я мог наблюдать место пожарища во всех подробностях.

И чем пристальней я всматривался, тем неотступнее пробивалось в сознание нелепая догадка. Это случилось не минувшей ночью. Это случилось давно.

Так давно, что колесные диски на треть погрузились в землю, а на выгоревших участках вокруг почернелого остова успела не раз прорасти трава. Несколько сухих стеблей вцепились и в тонкий слой земли, скопившийся в углублении сорванного капота, и даже отсюда я различал на металле разводы ржавчины.

Дерева, по которому мы перебрались через реку, я так и не увидел; очевидно, его унесло очередным половодьем. Зато, глянув вверх по течению, увидел следы еще одного пожара. Черные огрызки бревенчатых свай, на обоих берегах – обугленные остатки деревянного полотна. Мост, который я видел ночью.

Он тоже сгорел давно, золище успело порости ивняком.

Но я видел мост этой ночью, целым.

Был мост, я уверен. Не мог же я принять за него эти головешки.

Повернул назад, продрог уже стоять.

Мы шли часа уже три, а я все не мог согреться. Солнце опять зарылось в тучи, и капля тепла, подаренная восходом, так и осталось несбывшимся обещанием. Холодный воздух щекотал носоглотку, кажется, я все же малость простыл, но монотонное движение помогало отвлечься от неприятных ощущений.

Река осталась далеко позади, мы шли по какому-то заброшенному проселку, и казалось, закрой глаза и открой через час – картина не изменится: те же поля, перелески, овраги... Мысли и эмоции словно отлетели, или я просто устал думать и чувствовать в напряжении последних месяцев, брел как в оцепенении. Словно все старые проблемы отпали разом, остались там за рекой, а новые еще навалились. Да так оно и было.

Мы выбрались на пригорок, Надежда задержалась, оглядывая окрестность. Ничего нового – унылые голые поля, островки кустарника, рощицы кое-где. Тучи стелились низко над землей, поднялся ветерок, и, остановившись, я сильнее ощутил холод. Я чихнул, Надежда оглянулась.

– Что-то в нос попало, – сказал я. – И платок где-то...

Она протянула мне свой, размером с почтовую марку. Я чихнул еще несколько раз. Каждый чих отдавался толчком в голове.

– Простыл, – сказала Надежда с тревогой.

– Ерунда, пройдет. – Я скомкал платок; он был мокрым и прозрачным.

Сунул в карман, не возвращать же в таком виде. – Ну, куда двинемся?

Она колебалась.

– Может, перекусишь? Два дня не ел...

– Чем?

– Шоколадками своими.

– А... – Я и забыл про них. – Так не по правилам же – они тут вроде контрабанды.

– Теперь неважно. Все равно уже заболел.

– Типа за все заплачено? Нет, не хочется. Да и подумаешь, простыл малость – ерунда, поголодаю, и пройдет. – Я и раньше так поступал: засморкаешься, зачихаешь – голоднешь денек и забыл про сопли. – Так куда идем?

Она еще сомневалась. Потом махнула рукой:

– Туда, наверно...

Я посмотрел, куда она показала. Воздух как будто помутнел, я с трудом различил вдаль, на пределе видимости, темную кайму. Она тянулась сплошной полосой на полгоризонта – не разрозненные чахлые рощицы, похоже, это был настоящий лес.

Не знаю, сколько мы шли. Однообразие ландшафта и размеренная ходьба вгоняли в оцепенение, я едва не дремал на ходу. Пару раз, выпадая из этого состояния, обнаруживал, что Надежда опережает меня, и спохватываясь, ускорял шаг. Потом это прекратилось: то ли я перестал отставать, то ли она пошла медленнее.

– Отдохнем? – спросила Надежда. – Устала что-то...

По ней было незаметно, я не поверил. Да и негде тут было отдыхать. Не сидеть же в голом поле на земле. Возиться с костром из тощего кустарника, потом опять вставать... Лучше не останавливаться. Да и ветер как будто усиливался.

– Давай уж до леса дойдем, немного осталось. Там хоть ветра нет.

Мы двинулись дальше. Кажется, теперь мы пошли быстрее: я наконец согрелся и уже не чувствовал холода внутри, только болезненный озноб от прикосновений воздуха к коже. Ветер дул порывами: то наскакивал спереди, трепал по лицу, залезал под одежду ледяными пальцами, то заходил сбоку, то пропадал за спиной. Каждый вдох обжигал носоглотку, я не утерпел, расчихался.

– У тебя глаза красные. Температура, наверное, – Надежда тронула мой лоб холодной ладонью.

Я мотнул головой:

– Пойдем.

Шли опять. Я пытался рассмотреть лес впереди, но даль расплывалась мглистой пеленой, – то ли опускались сумерки, то ли мутилось зрение.

Шли.

– Смотри, снег, – сказала Надежда.

Я тоже заметил мельтешение в воздухе, но думал, у меня рябит в глазах. Изнутри поднимались горячие волны, я потел под одеждой, порывы ветра продирали по коже как наждаком.

Мы все шли. Иногда я спотыкался, но тут же старался выправиться, вернуться в ритм ходьбы. Надежда хотела взять меня под руку, но я должен был идти сам. Было очень важно не сбиться с ритма, продолжать движение.

В какой-то момент мне почудилось, что я иду не по земле. Вокруг стало светлее. Кажется, я остановился.

– Еще чуть-чуть... – голос Надежда дрожал, размывался, как и все вокруг. – Уже рядом... – Она тянула меня за собой.

Я не помнил, что должно быть рядом, но мы шли. Я все смотрел под ноги, пока не осознал, что земля осталась на месте, просто ее устлал снег.

– Вьюга... – повторял я, перебирая ногами. Кажется, она сказала, что вьюга.

Снег носился в воздухе, таял на лице. Но уже не обжигал – приносил облегчение. Снега становилось все больше, я шел по нему, как в детстве, загребая ногами, и горячие ноги млели в промокших до скрипа кроссовках.

Нас окружили деревья, мы шли среди них, как среди теней. Я больше не чувствовал ни ветра, ни холода. Куртку я где-то сбросил. Хотелось лечь в снег и растопить его своим жаром, и растаять самому, и утонуть в прохладе. Кажется, я так и сделал.

Очнулся, Надежда сидит рядом, вокруг лес, и тут же какие-то угрюмые мужики, стоят, молчат. Хотел встать – куда там, даже сесть не могу.

– Лежи, лежи... пей вот. – Надежда приподняла мне голову, бутылку с водой ко рту подносит, в ней какие-то стебельки болтаются. Вкус травяной, горький.

– Где мы? – свой голос не узнаю.

– Дома. – Она старается не плакать. – Все хорошо. Пришли.

У меня в голове туман, обрывки в памяти плавают: то ли снег слепящий, то ли свет в глаза, лицо ее, тени какие-то вокруг, а может, враги... или деревья? – не поймешь, где бред, где нет. Но силюсь с мыслями собраться.

– У кого дома? Где это?

– В становье. Где мы, там и дом наш. Так теперь.

– Пусть спит, – один из мужиков голос подал, тот, что пониже остальных; всего их трое было. – Силенок подкопит, там и думать можно, а пока – нечего.

– А это кто?

– Друзья. Лежи, лежи... Правильно Синец говорит – все потом. Спи. – Надежда по лицу меня гладит, ладонь на глаза положила. Я заснул, как провалился.

Только пить просыпался. Надежда из бутылки напоит, ладонь на лоб положит – и меня как течением уносит. От питья ли этого травяного, то ли мозги от жара уже перегорели – ни кошмаров, ничего не помню. Сон был как вода – черная, безмолвная; я опускался на дно, и тьма омывала меня, я таял как леденец... но не до конца, не до конца. Вынырнул вот – то, что осталось...

– ...к свету.

При последнем слове Илия хмыкнул – не то сомнением, не то с иронией.

– В смысле?... – не понял Рыжий.

– Да хоть в прямом. Тут, в становье, – весна вовсю, солнышко, теплынь, листочки... А я только и помню, как меня печет изнутри, а вокруг пурга, ветер. Две недели в горячке без памяти.

– А как сюда попал?

– Принесли. Буран, сказали, двое суток стоял, снега по колено навалило. Так по снегу и тащили...

– Те мужики? Так они вас случайно нашли?

– Надежда привела, из становья. – Илия помолчал. – Дошла она до него.

– Одна? А тебя оставила?

– А как еще-то? В парку свою укутала и пошла.

Помолчали еще.

– Ну да, – протянул Рыжий. – Хоть какой-то шанс. Хоть кому-то... Трудно ей было, наверное... решиться.

– Не шанс, – произнес Илия тихо, с нажимом. – Не кому-то, – вдавливая по слову в сознание Рыжего – или свое. – Не трудно.

– Ну как же...

– Нечего тут решать. Не сомневалась она.

– Как нашла еще, – посочувствовал Рыжий. – Не заплутала, не замерзла – в пургу, в лесу, раздетая...

– Не могла она замерзнуть, – медленно, как для тупого, проговорил Илия. – Это как проверка была. Тест.

– На что?

– На веру. На жертву. На все.

– Так это путь ее проверял? – догадался Рыжий. – А жертва – ты?

– Путь, все путь. – Илия словно не слышал вопроса. – Он завел, он и вывел...

– Это она так сказала?

– ...Иначе все зря, да... – опять не услышал Илия. В рассветной мгле его лицо казалось застывшим, неживым.

Возникла заминка в разговоре, неясное напряжение повисло между ними.

– Ну и как тут? – Рыжий решил свернуть на другую тему. – В смысле живете, и вообще...

Илия молчал, плавал где-то мыслями. Вернулся:

– Прохладно уже, а им хоть бы что... – хлестнул веткой в воздухе по комарам. – А живем... сам увидишь.

– Ладно... – с обидой сказал Рыжий. – Только к чему весь этот разговор? Не я его затеял, в исповедники тебе не набивался. Ну, сам так сам...

Он хотел встать.

– Не гоношись, – упредил Илия. Рыжий не уловил его движения, лишь ощутил ладонь на плече; остался сидеть. – Увидишь, если удержишься.

– Что значит «если»? Куда ж мне еще деваться?

– Вот в том и дело – куда. Об этом речь. Думаешь, я тебе просто так все это рассказывал? Важно, чтобы ты понял кое-что. Для тебя важно.

– Что понял?

– А то. Просто так сюда не приходят. За все платить надо.

– Как платить? – растерялся Рыжий. – Кому?

– Да не мне же, – Илия усмехнулся, убрал руку с его плеча. – Все, кто сюда пришел, – уйти хотели. По-разному, не всегда себе признаваясь, не понимая даже, но хотели. *Оттуда* уйти. Не особо держала их та жизнь. В каком-то смысле их, может, их там и не было уже. Вот и ушли – кто от страха, кто от скуки, от тоски, кто – себя искать... да мало ли от чего. Так что не сюда они шли, да и неважно им было – куда, лишь бы *оттуда*.

– Это как в монахи уходят, что ли?

– Может, и в монахи... Только в монастырь – все равно под надзор, к людям. К другим – но людям. Зная, что примут тебя, присмотрят, наставят готовой мудростью. А тут – просто снялся и пошел. Куда, зачем – а бог знает.

– Типа Богу себя поручают?

– Это у кого Он есть – те Богу, наверное. У кого нет, тот просто ищет, верит, что найдет что-то, без чего жить ни к чему... Может, это самая трудная вера и есть.

– Это как Лучезар? Ну да... – Рыжему вспомнился рассказ своего вожатого и конвоира. – Только он не сам пошел, его голос позвал.

– Путь позвал – он и откликнулся. Значит, готов был.

– А ты? Тебе же зова не было.

– Я за Надеждой шел. Она – мой зов. Теперь-то я вижу: если что меня там и держало, то только она. А раз она там не могла, то и мне делать нечего.

– Но ведь были сомнения?

– Были. Путь меня и поправил.

– Тем, что чуть не убил? За пару шоколадок?

– Не убил же. Причиталось с меня, он и взыскал. А там и шоколадки в дело пошли. Надежда мне их, беспамятному, потихоньку скормила. Все равно я за них расплатился, а другого съедобного не было. Разве заячий помет еще...

– Что?

– Это когда шоколадки кончились. Синец его по снегу собрал – он тут вроде лекаря; питательно, мол, вместо мяса. Мне, как потом сказали, так все во рту вкус гадкий чудился. С тех пор о мясном и подумать противно... да какое тут мясо. Ладно, – оборвал себя Илия, – не обо мне речь. Короче: случайных здесь нет. Про Лучезара ты знаешь, про нас с Надеждой тоже. Про остальных говорить не буду. А ты?

– Я? – Рыжий пытался сообразить, чем грозит ему такой поворот темы. – Вроде, нет, не собирался никуда... в смысле *оттуда*. За грибами вот хотел, сел на электричку...

– Да знаю, знаю, – махнул рукой Илия, – Лучезар рассказывал... А до этого, до электрички, было что-то такое – ну, стресс какой-нибудь, желание все бросить, забыть?

– Бывало иногда, как у всех, наверное. Но так чтобы уж прямо позарез... Вот работу поменять бы, да не так это просто... да и терпимо, в общем. И потом, как это – бросить все? Там же люди, близкие... их тоже бросить?

– Девчонка осталась?

– Девчонки – не проблема... – огрызнулся Рыжий. Неожиданно для себя поделился: – Сестра вот осталась... мелкая еще.

– Ты-то матёр, – проворчал Илия.

– В общем, не собирался я – ни сюда, ни отсюда. И зова никакого не слышал. Может, я здесь случайно?

– Случайностей тут не бывает, – отрезал Илия. – Не слышал – не значит, что зова не было. Раз ты здесь, значит, путь тебя привел, по-другому быть не могло.

– Да на кой я ему, если сам не хочу? Так разве может быть – силком? Не хотел я сюда, понимаешь? И сейчас не хочу! Нечего мне тут делать!

– Вот и я так думаю, – кивнул Илия, и Рыжий осекся. – Но раз путь тебя сюда привел, значит, так надо было. А вот зачем? Сам сказал: не место тебе здесь. Я так думаю – дело не в становье. Не только в нем. Может, путь тебя только на время отсюда забрал.

– На время? – встрепенулся Рыжий. – Зачем?

– Ты по жизни ботан, я таких сразу вижу. Сидишь в своем офисе в уголку, как китаец на берегу реки, ждешь пока труп врага, который за соседним столом сидит и на тебя начальнику наушничает, сам мимо проплывет и тебе зарплату на три копейки повысят. У тебя и врагов-то нормальных нету, не заслужил, потому что драться тебе не за что. Я не про кулаки говорю, не думай. Просто жизнь, как ни крути, – борьба,

а попросту – драка. Кто за себя, за женщину, за дом, кто – за других, за весь мир, чтобы подправить его малость... Таким, как ты, драться не за что. Жить – не за что.

– Ничего себе. А там, на вырубке, – это не драка?

– Я же про тебя прежнего говорю. А что ты рейдера положил – как раз в тему: может, тебя для того и сюда и забросило.

– Чтобы я человека убил?

– Чтобы встряхнулся. Бог, или кто там пути раздаёт, глядел на тебя, глядел – а чего это он все на берегу сидит, а в воду не суется? Ну-ка я его за шкурку – пусть побултыхается, водички глотнет, глядишь, бодрее будет.

– По-злomu у тебя все, не по-божески, – нахохлился Рыжий. – Жизнь – драка, Бог – людей в воду кидает, как щенков... На свою мерку меришь.

– Да где ж другую взять, – согласился Илия. – Ты не дуйся, я не в обиду. Просто в смысле, что Он на путь тебя наставил... А может, просто показать тебе хотел, что на том мире свет клином не сошелся. Там – это еще не все, что есть. Или что может быть.

– Ну, показал, ну, понял я – а дальше-то что? Назад меня вернет?

– Этого тебе никто не скажет. Может, еще куда направит, а может – обратно.

– А мне-то что делать?

– Идти. Путь ведет, а идешь-то по нему сам, своими ногами.

– Да куда же идти? – Опять лыко да мочало, с тоской подумал Рыжий, – «доверься пути», «иди»... Как идти, если он его не знает, не чувствует?

– Готовых ответов ищешь, – усмехнулся Илия. – В тебе они, внутри. Они всегда внутри – самые верные, самые честные. Такие, что докопаться боязно.

Да уж чего теперь бояться, подумал Рыжий. Смерти разве?.. Да, умереть он боялся. Но именно здесь, в этом мире он впервые столкнулся с ней не просто лицом к лицу – сам убил. Сейчас, отсюда – тот, прошлый, мир казался уютнее и безопаснее. Здесь Рыжий чувствовал себя клочком травы, сорванным с газона и брошенным на асфальт; оторванные корешки звали нестерпимой болью – назад, в почву.

– Скажи, а кто-то от вас уходил? Возвращался?

– Уходить – было дело. А вернулся ли, нет – не проверишь.

– Ты про Божена? Так он же погиб?

– Кто знает. Тела не нашли. Да я думаю, если бы и нашли... – Илия пожал плечами. – Может, он в только этом мире мертвый, а в том живой? В одном месте убыло, в другом прибыло... Тут весь мир раздвоился, а уж человек...

– Илия, а, по-твоему, это точно разные миры? То есть он еще существует – тот мир?

– А чего ж ему не быть? Думаешь, ты из него ушел – и миру конец? А из этого сбежишь – и он исчезнет? Нет, братец Лис, оба существуют. И сдаётся мне – один без другого не может.

В его словах прозвучала непонятная грусть, но Рыжий тянулся за своим, за надеждой.

– Значит, по-твоему, – допытывался Рыжий, – Божена сюда тоже путь привел? И назад вернул?

– Может, и так. Только Божен вряд ли об этом думал, сам-то он никакого пути не искал, только и норовил сбежать. Слепой был от страха,

ничего тут не понял, не разглядел. Не в коня корм оказался. Путь его и отверг: что толку от такого?

– Отверг и назад вывел? Через болото?

– Все подсказки просишь? – усмехнулся Илия. – Нет, братец Лис, свой груз на меня не вали.

– Но ведь уже подсказал, – понурился Рыжий. – Надеждой поманил, на призрачный шанс намекаешь. Зачем? Избавиться от меня хочешь?

– Ты спросил – я ответил, – отрезал Илия.

Помолчал.

– Шанс, он всегда есть. Не каждому нужен только.

И опять в его голосе проскользнула посторонняя нотка – печаль? сочувствие? От скупой этой искорки участия Рыжему вдруг захотелось довериться, прильнуть к этому жесткому, опасному человеку. Прижаться по-детски, как к старшему брату, которого у него никогда не было.

– Илия, я тоже боюсь – *здесь...* Как Божен.

– Вижу. Страх – это ничего, не слепил бы только.

Илия отбросил ветку, которой отгонял комаров.

– Светает уже. Орехов набрать, что ли... Не надумал?

Возвращались молча. Илия шел впереди и грыз орехи. Только раз оглянулся:

– Болит нога?

– Да опять что-то, – осторожно поспешая, пожаловался Рыжий. – То ничего, а то вдруг...

– Тебе туда, – Илия ткнул вперед пальцем. – Досыпай.

– А ты? Где вы тут спите?

– Я не заморачиваюсь. Пока тепло, в лесу всегда постель найдется.

– А после, как похолодает?

– После и увидим. Если оно наступит.

– А остальные?

– А им не надо, – буркнул Илия и скрылся в лесном сумраке.

Окончание следует.